

Франсис Мазьер
Загадочный остров Пасхи

Francis Maziere. FANTASTIQUE ILE DE PAQUES
Paris 1965

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод с французского языка
с некоторыми сокращениями
Стеркина Г.Я. и Бобкова Б.С.

Комментарии и послесловие написаны
кандидатом исторических наук
Федоровой И.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. КУРС НА ПУП ЗЕМЛИ	2
Глава II. ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОСТРОВА БЕЗМОЛВИЯ	5
Глава III. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МЕРТВОЙ ЗЕМЛЕЙ	8
Глава IV. ЛЕГЕНДА О СЕМИ РАЗВЕДЧИКАХ	9
Глава V. ПРИБЫТИЕ ВОЖДЯ ХОТУ МАТУА	10
Глава VI. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВЕКА	11
Глава VII. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНУА МОТУА	14
Глава VIII. ПОСВЯЩЕННЫЙ КОРОЛЬ	17
Глава IX. МАГИЧЕСКИЙ РИТУАЛ ИЗБРАНИЯ ЧЕЛОВЕКА-ПТИЦЫ	19
Глава X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ ОСТРОВА МАТАКИТЕРАНГИ	23
Глава XI. БОЖЕСТВЕННЫЕ СКУЛЬПТОРЫ	28
Глава XII. КАК ПЕРЕДВИГАЛИСЬ ЭТИ КАМЕННЫЕ ГИГАНТЫ	30
Глава XIII. ГИБЕЛЬ НЕИЗВЕСТНОЙ РАСЫ. РОВ ПОЙКЕ	34
Глава XIV. ПОДЗЕМНЫЙ МИР - ТАИНСТВЕННЫЙ МИР	36
Глава XV. ЛАГЕРЬ ЛЮДЕЙ	38
Глава XVI. ОРОНГО - СВЯЩЕННАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ	39
Глава XVII. ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ	41
Глава XVIII. ЗАВЕЩАНИЕ ОСТРОВА БЕЗМОЛВИЯ	45
Глава XIX. ИСКУССТВО "ДРУГИХ ЛЮДЕЙ"	46
Глава XX. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ДОЩЕЧЕК С ПИСЬМЕНАМИ	47
Глава XXI. ТО, ЧТО ПРОДОЛЖАЕТ ТРЕВОЖИТЬ НАС	49
Глава XXII. ПРОЩАЙ, БЕЗМОЛВИЕ	51
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСТРОВЕ ПАСХИ	53
ПРИМЕЧАНИЯ	53
ПОСЛЕСЛОВИЕ	56
Фотографии и рисунки из русского издания книги	60

Там, где волны Тихого океана в упоении бьются о волнорезы из лавы;
Там, где ветры Антарктики мечутся среди неподвижных великанов;
Там, где в безмолвии забытого всеми мира гибнут восемьсот оставшихся в живых;
Там, куда не залетают уже на отдых птицы, возник когда-то самый одинокий на земле остров. Жители назвали его Матакитаранги ⁽¹⁾ - "Глаза, смотрящие в небо", а первые гордые мореплаватели под ружейные залпы, заглушаемые морским прибоем, нарекли островом Пасхи.

Само возникновение этого клочка земли настолько загадочно, что с трудом веришь в его появление на карте. Остров Великанов родился в молчании и погиб в забвении. Сможем ли мы когда-нибудь узнать, не скрыл ли туманный саван волн какой-то особый мир, от которого уцелело только вот это хрупкое свидетельство? ⁽²⁾

Волны наступают и разбегают остров, но на страже стоят каменные гиганты. Они еще властвуют над вечным дыханием просторов океана, управляемых Луной, и на их языке еще говорят обитатели острова.

Нам остается только пригласить читателей последовать в призрачный, но тщательно обследованный нами мир, чтобы сквозь прах, развеянный ветрами, попытаться уловить его последнее дыхание.

Когда космические корабли, пролетая по магнитному экватору, пересекают ночное небо острова, люди спокойно смотрят на них из-под навеса своих хижин, и мы не можем обойти молчанием совсем особый, но светлый ум тех, кого все еще называют здесь "другие люди".

Глава I. КУРС НА ПУП ЗЕМЛИ ^a

22 ноября 1962 года наше судно покинуло берега Франции и отправилось в длительное морское путешествие, во время которого мы должны были научиться читать изменчивую карту звездного неба.

Сто шестьдесят дней в море, сто шестьдесят дней борьбы с ветрами, с необъятными просторами океана, а иногда и с самим собой.

Наше судно представляло собой крепкий кеч: 16 метров длины по ватерлинии, 20 метров по борту, 4,5 метра ширины, с осадкой 2,4 метра. Оно было оснащено телеграфом Маркони, 105 квадратными метрами парусности, бизанью, гротом, двумя стакселями, двигателем Берлие-Дизель и имело на борту четырех мужчин и одну женщину, которым и предстояло делить поровну все радости и невзгоды.

Мы были бедны, но сильны поддержкой тех, чьи имена с благодарностью упоминаются в этой книге.

Четыре года мы боролись за эту экспедицию, и потребовалось еще два года, чтобы добиться успеха.

Нашей целью был остров Пасхи, где мы собирались провести археологические исследования, а затем через архипелаг Гамбье добраться до Таити.

Большую часть длительного путешествия нам предстояло идти под парусами, чтобы изучить связанные с течениями и пассатными ветрами возможности миграций, прежде всего в Атлантику, вдоль африканского побережья, оттуда к устью Амазонки и затем в южную часть Тихого океана.

Лишь раз в год на остров Пасхи, принадлежащий Чили, заходит судно, которое доставляет товары местным жителям. Оно стоит на рейде у Ханга-Роа около десяти дней.

Только собственное судно давало возможность добраться до острова и спокойно проводить там работу. Нам и предстояло повторить путь мореплавателей далекого прошлого.

Итак, наше путешествие сводилось к следующему, выход из порта Антиб через Гибралтар к Канарским островам, где мы хотели ознакомиться с документами, связанными с первобытными жителями островов - гуанчами, острова Зеленого Мыса, особенно интересовавшие нас в связи с первыми морскими путешествиями финикийцев. Затем Бразилия, Гвиана, Малые Антильские острова, Кюрасао, Панама, Тихоокеанское побережье Коста-Рики, где нам предстояло продолжить работы в основном на склонах вулкана Эль Бару, так как мы рассчитывали найти в культурном слое материал, из которого делали статуэтки, свидетельствующие о цивилизации чисто монголоидного характера.

Дальше мы должны были пройти под парусами мимо загадочного острова Кокос к Галапагосским островам.

3 января 1963 года мы подошли к Галапагосскому архипелагу и с наступлением ночи бросили якорь в бухте Дарвина.

Бескрайняя ночь опустилась над нами, и рев нерпухов^b, отраженный скалами, казалось, перенес нас в потусторонний мир. Со всех сторон слышался тысячеголосый хор встревоженных нашими прожекторами морских птиц, гнездящихся на скалах.

Галапагосские острова с их гигантскими игуанами, плавающими в море, с птицами-монстрами и нерпухами, пингвинами и китами остаются до сих пор самым удивительным примером заповедника, как будто созданного самими животными.

^a Одно из названий острова Пасхи, по-рапануйски те-Пито-но-те-Хенуа. - Прим. перев.

^b Ушастые тюлени. - Прим. перев.

К великому нашему сожалению, мы пробыли на острове лишь десять дней и, хотя нам очень хотелось сделать пробные выемки, никакой серьезной работы так и не удалось провести. Но мы все-таки убеждены, что дальнейшие археологические исследования помогут обнаружить на этих островах следы пребывания тех, кто отправлялся из Америки вслед за заходящим солнцем.

Эти раскопки были тем более привлекательными, что в Панаме нам сообщили о существовании на Галапагосских островах доколумбового гончарного производства.

Увы! 13 января в 8 час. 30 мин. мы вынуждены были сняться с якоря и отправиться в одинокий и долгий путь к Пупу Земли. С грустью мы расставались с нашими маленькими друзьями - пингвинами, жившими на судне. Щемило сердце, когда мы смотрели на исчезающий огненный архипелаг, где животные счастливо живут на свободе.

Мощное течение Гумбольдта, властвующее над необыкновенной жизнью архипелага, лежит теперь на нашем пути. Море очень холодное. Много китов. Мы еще долго будем плыть по этой гигантской подводной реке в окружении тысяч тунцов, мигрирующих к лагунам далеких островов Туамоту.

Ночью на вахте холод иногда пронизывает до костей, но море прекрасно, и наше судно, подгоняемое шестибальным ветром, неуклонно движется к цели. Девятнадцать ночей мы любовались Южным Крестом, сверкающим над островом Изваяний. Море, волны, повседневные заботы, паруса, за которыми надо следить, как за первыми шагами ребенка, ослепительный свет восходящего солнца, тревога, охватывающая по ночам, когда усиливается волнение и очень часто вялое и тупое оцепенение вызывает в памяти прошедшее и заставляет думать о несовершенстве мира.

Как замечательно можно было бы описать эти сто шестьдесят дней в море! Суровые испытания и мертвый штиль, восходы солнца на островах... Вот что можно прочесть, перелистывая вахтенный журнал.

"21 января, 9 час. 45 мин., порыв шквального ветра, взяли рифы, убираем кливер".

Вечером 2 февраля наш капитан сообщает, что, вероятно, на восходе мы увидим те-Пито-но-те-Хенуа - Пуп Земли.

Переход под парусами от Галапагосских островов до острова Пасхи на судне водоизмещением 30 тонн был проделан за девятнадцать дней, и этот факт говорит о том, что до острова можно было добраться и на более примитивных судах за время, достаточное, чтобы не умереть в пути с голоду.

И вот наступила эта незабываемая ночь, ночь ожидания первых птиц - вестников земли⁽³⁾, ночь, когда под привычный шум ветра буйно разыгралось нетерпеливое воображение.

Первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь разорванные дождевые тучи, окрашивают их в багрянец, и вдруг сквозь пелену дождя проступает пастельная тень самой заброшенной, но вопреки всему существующей земли.

Борясь с порывистым ветром, мы снова теряем из виду эту землю, над которой властвует и которую разъедает море.

Быстрый рассвет разгоняет тучи, открывая перед нами распростертый над волнами высокий силуэт плато Пойке. Обрывистый берег из обожженной лавы поднимается на 300 метров над яростным прибоем, неустанно обрушивающимся на подводные пещеры.

В пелене дождя, рассекаемой порывами ветра, в богатой гамме красок все яснее вырисовывается забытый мир, тайну которого мы, вероятно, так и не узнаем до конца.

Медленно ловя парусами ветер, кружащийся между скал, мы продвигаемся вдоль южного берега, раскрывающегося и расцветающего перед нами во всей своей первозданной красоте.

Остров одиночества окружает себя диким неистовством волн, заглушающих безмолвный зов сотен пещер, покрывающих скалы впадинами своих глаз. Глазами этих пещер остров вглядывается в сторону навсегда исчезнувших континентов. И кто знает, быть может, и бешеное вращение стрелки компаса, и этот мощный прибой вызваны одной и той же причиной - повышенным магнетизмом острова.

В спокойных лучах солнца медленно изменяются очертания пустынной земли. Мы идем вдоль берега, расцвеченного фонтанами брызг, разбивающихся об утесы такого близкого, но такого таинственного в своем непонятном величии острова. Не видно ни людей, ни жилищ, кое-где только табуны одичавших лошадей да бесцельно бродящие стада овец.

На заре мы огибаем мыс вулкана Рано-Као, который можно узнать по трем птичьим островкам и, стоя на зыбкой палубе, мы все ощущаем смятение и усталость, как от прерванного сна.

Наконец мы бросаем якорь в бухте Ханга-Роа, там, где затихает ветер. Бараки, несколько деревьев... и запустение, как после боя. Быстро с сухим лязганьем якорь опускается на глубину 26 метров.

Сильный, но приглушенный прибой, ветер доносит до нас аромат земли. Покой... Воскресная тишина. И на острове Пасхи это время обеда. Как только бог цивилизованных людей закончит свою проповедь, обращенную к язычникам, мы сможем сойти на берег.

Полмира отделяет нас от Парижа, где мы старались представить себе лицо этого острова. Однако, как и везде, нас встретил маленький флаг, большая церковь, уродливые домишки - обычная визитная карточка. Потерянное время, если бы не солнце и не песня морского прибоя, вдохнувшие в нас надежду. Мы устали, но счастливы.

Через несколько часов нам предстоит нанести визит вежливости M. le Jefe Militar - господину военному коменданту острова Пасхи, его жене, его заместителю - немецкому патеру⁽⁴⁾, разумеется участнику войны 1914 года, и приветствовать солдат, охраняющих остров от опасностей современной цивилизации. Вот мы и попали в мир нашей страстной мечты, в мир первой любви, которая через двадцать лет вполне может оказаться уже не столь привлекательной.

Остров Безмолвия никогда не ждет прибытия судна, но всегда надеется на него.

Наконец от берега отчаливают две лодки и направляются к нам. Мы ждем их и наблюдаем за робко вступающими на палубу людьми, которые приветствуют нас с типично полинезийской сдержанностью. Мы встречаем их приветливо. Они привезли с собой *sigios*^a в надежде продать их нам - они очень бедны. И вдруг - взрыв восторга, когда они узнают, что моя жена - таитянка, а мы все французы и что мы собираемся прожить на острове несколько месяцев.

По их совету мы меняем место стоянки, так как бухта эта опасна, хотя море и кажется спокойным. Лодки медленно проплывают мимо рифов и скал Ханга-Пико. Перед нами великолепный строгий пейзаж. Проходы из черной лавы образуют маленькую бухточку, где островитяне прячут от ветра свои жалкие лодки. А там, на берегу, лошади с развевающимися на ветру гривами щиплют редкую траву. Куда ни кинешь взгляд, всюду видны глыбы обезображенных изваяний, и они очень похожи на лица людей, которые с любопытством разглядывают нас.

Весть о прибытии судна распространяется с молниеносной быстротой от хижины к хижине, от пещеры к пещере, где живут те, кого называют рапануйцами.

Со всех сторон на неоседланных лошадях скачут женщины и дети. Все вокруг оживает.

Как прекрасен остров Пасхи! Он похож на Ирландию ранней весной. Но как печален взгляд у этих людей, чувствующих себя узниками океана. - *Иа орана ое!*⁽⁵⁾

Это торжественное приветствие полинезийцев. Почти все население острова здесь, но я обеспокоен тем, что не вижу никого из чилийских властей.

Островитяне объясняют, что *Jefe Militar* и святой отец только что закончили службу и завтракают.

Что поделаешь! Я принимаю первое же приглашение, так как хочу поскорее найти пристанище для жены. Все хотят принять нас у себя, предоставить нам свой убогий и все же прекрасный дом. Как приятно, что целых девять месяцев мы будем жить здесь, среди этих людей.

Как только мы очутились в доме Эстевана, сюда хлынула толпа обаятельных людей со скромными подарками, с бесконечными расспросами о Таити и о других островах Полинезии, о которых они мечтают, как о свободе. Благодаря их любезности мы быстро получаем лошадей, организуем быт, снабжение базовых лагерей и судна, на котором постоянно будут находиться два члена экспедиции, так как по странному упущению за восемьдесят лет владения островом правительство не удосужилось построить здесь хотя бы маленькую гавань.

Вскоре мы отправляемся с визитом к губернатору - военному коменданту острова - и к его преподобию, именуемому себя королем острова.

Необычайно теплый прием. Губернатор, корвет-капитан чилийского морского флота, сообщает, что нас ждут уже почти год. Военному человеку трудно объяснить, что когда из Европы отправляешься в дальнейшее плавание на паруснике, то можно и опоздать на несколько месяцев. Губернатор заверяет нас в своем искреннем расположении и в том, что он готов помочь, чем только сможет; тем не менее он очень скоро переходит к объяснению особого положения острова Пасхи.

"Вам известно, - говорит он, - что *la Isla de Pascua* обладает особым статутом. Хотя наш остров и является чилийской территорией, он подчиняется только чилийскому морскому ведомству, которое я и имею честь представлять здесь".

Нас сразу же предупреждают, что мы не должны будем платить местному населению больше установленной таксы, что на каждого рабочего, передвигающегося по острову, мне следует испрашивать особое разрешение, что во время моего пребывания на острове я отвечаю за кражу овец людьми, работающими у нас, что я должен буду сообщать губернатору о предполагаемой работе, что я не должен давать вина и спирта островитянам, что я не должен позволять женщинам подниматься на наше судно, что я должен сообщать ему о каждом выходе судна в море, что я должен остерегаться "этих воров и лжецов" и что, конечно, было бы желательно, чтобы я связался с его преподобием святым отцом, знающим всех, всех крестившим и плюс ко всему еще и страстным археологом.

- Да, и еще последнее, надо бы составить заново ходатайство на получение разрешения производить раскопки.

- Обо всем этом я должен был вас предупредить как губернатор, а в общем все уладится, ведь мы с вами - латины.

Нам остается нанести еще один визит - святому отцу, которому здесь так хорошо: так близко к богу и так далеко от мирской суеты.

Бетонное сооружение с бетонным же крестом отмечает место, где покоится самый великий человек острова, а может быть, и всей Полинезии: тот, кого звали Эженом Эйро⁽⁶⁾. Он приехал сюда из Франции, чтобы отдать свою душу богу, а жизнь - людям острова Безмолвия.

Мы смотрим на это простое, обращенное на запад надгробие с прекрасной и благородной эпитафией:

Остров Пасхи
Брату Эжену Эйро,
Который был простым механиком,
А стал слугой божьим
И преуспел в этом
Во имя Христа.

В наш неблагодарный век, через сто лет после смерти, эпитафия эта звучит очень значительно. Теперь остается только приветствовать миссионера Себастьяна Энглера.

^a Редкие антикварные вещи. Здесь - местные кустарные изделия. - Прим. перев.

Мы входим. Маленькая мирная обитель, беспорядок старого холостяка, типичное жилище ученого. Протянув к нам руки и глядя на нас своими маленькими острыми голубыми глазками, святой отец встречает нас, мою жену и меня.

Он идет нам навстречу и на безукоризненном французском языке, в котором, однако, есть что-то пугающе кислое, приветствует нас:

- Как я счастлив принять вас у себя! В 1914 году я провел во Франции два года и так полюбил ее. Я жил в Рубе и в Лёвене - вы, французы, произносите Лувен. - И его такт, и его память равно удивительны. Меня поразило, что он помнил о пожаре в библиотеке Лувена.

- Главное, месье Мазьер, ничего не предпринимайте, не посоветовавшись со мной. Я могу вам помочь, я знаю всю археологию острова. И еще - не доверяйте туземцам. Они все такие лжецы и воры.

- Простите, святой отец, но разве за тридцать четыре года вы не смогли изменить их психологию?

На этом затерянном и забытом клочке земли то, что показалось бы в другом месте смехотворным, становится трагическим.

Здесь над полинезийцами, мечтающими о жизни и заслуживающими всяческого внимания противников расизма, царствует закон молчания. Дух конкистадоров оставил здесь свои глубокие следы, и гнилостный запах их бывает порой просто невыносим. Однако никто, даже сами жители острова, не говорит об этом.

И все-таки на самом деле остров ветров совсем другой. Так начинается история острова великанов, о которой мы ничего не знаем и следы которой безуспешно разыскиваем.

Глава II. ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОСТРОВА БЕЗМОЛВИЯ

Чтобы проникнуть в невероятное прошлое трагического острова, необходимо хотя бы коротко остановиться на основных моментах его истории.

Еще в 1687 году флибустьер Девис заметил землю на этой широте, но лишь в 1722 году Роггевен, командующий флотилией из трех кораблей, открыл остров и назвал его островом Пасхи в честь святого дня, предшествовавшего этому событию⁽⁷⁾.

В первый день только один островитянин осмелился подняться на корабль. А потом полученные им подарки привлекли сюда и других людей.

По свидетельству голландцев, были совершены мелкие кражи. В полдень отряд голландцев высадился на берег, и тут вдруг раздалась команда, открывшая первую трагическую страницу в истории острова Пасхи: - Огонь!

Многие погибли от пуль, и среди них тот, кто первым осмелился ступить на палубу корабля.

Как и везде, первые шаги спесивой цивилизации здесь были отмечены кровью. Однако, прежде чем покинуть остров, голландцы успели заметить каменных великанов, которых они приняли за глиняные изваяния, что свидетельствует не об очень большой их любознательности.

Записи Роггевена настолько бедны, что из них нельзя даже узнать, были ли статуи к этому времени уже повалены, а ведь эти сведения могли бы иметь громадное значение.

Вероятнее всего, что в 1769 году француз де Сюрвиль, командовавший "Сен Жан-Батистом" - судном, принадлежавшим компании Пондишери, подошел именно к этому острову и определил его координаты - 27°30' южной широты. К сожалению, мы не смогли ознакомиться с документами об этом путешествии.

В 1770 году вице-король Перу дон Мануэль де Амад и де Жумиент, испугавшись, что остров может попасть под господство французов, отправили туда военные корабли под командованием Фелипе Гонсалес де Хаедо, чтобы захватить остров.

В торжественной обстановке на плато Пойке были установлены три креста⁽⁸⁾. Составленный надлежащим образом акт владения островом был подписан островитянами, не умеющими писать по-испански; интересная деталь - один из них начертил под этим документом знак ронго-ронго, изображающий птицу!^a Этот факт имеет большое значение, он, вероятно, свидетельствует о том, что письменность на дощечках в это время была распространена.

Один из офицеров написал отчет об этом событии⁽⁹⁾. К сожалению, мне не удалось познакомиться с этим отчетом.

В 1771 и 1772 годах двум другим экспедициям, посланным королем Перу, удалось сделать подробную карту острова, названного Сан-Карлос⁽¹⁰⁾. По-видимому, эти экспедиции были организованы очень тщательно, и результаты их, если бы мы могли ими воспользоваться, представили бы большой интерес.

Два года спустя островитяне с восторгом встречали капитана Кука. Но снова из-за пустяковых краж заговорили ружья.

Кук отмечает интересный факт: он видел множество стоящих и поверженных статуй. Эти сведения точно указывают время заката искусства и религии на острове.

В 1786 году граф де Лаперуз, руководивший французской экспедицией, простоял на рейде у острова двадцать четыре часа. Тонкий ум помог ему завязать более сердечные отношения с островитянами, и, несмотря на многочисленные кражи, огонь на этот раз не был открыт. Этот просвещенный человек и истинный француз считал, что кража морской фуражки не повод для убийства, напротив, его садовник раздавал жителям семена, растения, а также коз и домашнюю птицу.

^a Знак идеографического письма острова Пасхи. - Прим. пер.

И сейчас еще, спустя почти двести лет после его посещения, островитяне вспоминают о нем, а бухту, где стоял корабль, называли его именем⁽¹¹⁾.

В 1804 году остров посетил русский корабль "Нева"⁽¹²⁾. А в 1805 году возобновились преступления. Капитан американской шхуны "Нэнси" из Нью-Лондона подошел к острову Пасхи, чтобы захватить рабочих для охоты на тюленей. В результате гнусного вероломства ему удалось увести с собой двенадцать мужчин и десять несчастных женщин. Через три дня с пленников сняли цепи и выпустили их на палубу. На следующий же день все они бросились в воду и поплыли по направлению к острову. Шхуна легла в дрейф, и капитан приказал спустить шлюпки в погоню за беглецами. Но как только они приблизились, пленники нырнули и ускользнули от преследователей.

Утомленный погоней, убийца бросил преследование; он видел, что один из беглецов поплыл на север, а остальные - по направлению к острову Пасхи. Можно легко представить себе, какая трагическая судьба ждала этих несчастных.

Этот случай имел тяжелые последствия для Пупа Земли. И в 1806 году команде гавайского барка "Каакоу-Ману" не дали даже высадиться на берег.

Затем в 1808 и 1809 годах на остров заходят другие корабли.

В 1811 году налет на остров совершило американское судно "Пиндос". Шлюпки, посланные на берег, должны были привезти воду и свежие овощи. Они привезли также по женщине для каждого моряка. После ночи, проведенной на судне, где матросы показали себя настоящими мерзавцами, несчастных женщин посадили в шлюпки, но, не доходя до берега, их заставили броситься в море. Матросы в шлюпках надрывались от хохота, глядя, как они плыли, зажав в одной руке жалкий подарок за ночь, а другой гребя к берегу. Они навсегда сохранят потом этот подарок - это зерно варварства.

Именно тогда второй лейтенант, Ваден, вскинул винтовку и выстрелил по группе плывущих женщин.

Экипаж аплодировал прекрасному стрелку. Нельзя без содрогания думать об этом убийце.

1816 год. Мимо острова проходит русский корабль "Рюрик"⁽¹³⁾, на борту - великий немецкий поэт-романтик, француз по происхождению, Шамиссо.

Увидев крайнее возбуждение островитян, адмирал Коцебу приказал шлюпкам вернуться на судно. Очень жаль, что художнику Хорису, находившемуся на борту, не удалось выйти на берег и оставить нам свои ценные свидетельства. Шли годы. Один за другим шли к острову корабли. В 1862 году зашел сюда французский парусник "Ле Касини" под командованием капитана Лежена. Вернувшись в Вальпараисо, он склонил святых отцов Пикпуса обратиться в христианство население острова Пасхи.

По странному совпадению несколько месяцев спустя произошла на острове самая страшная драма.

12 декабря того же года в бухту Ханга-Роа зашла флотилия из шести перуанских кораблей. Им надо было захватить людей и отправить их в рабство на берега Перу для добычи гуано.

Сперва работорговцы пытались напасть на архипелаг Туамоту, но их преследовал французский сторожевик, которому удалось захватить один из кораблей. Собрав население острова вокруг кучи тряпья, капитан Эгир устроил настоящую бойню. Восемьдесят его бандитов, угрожая оружием, окружили несчастных островитян, вооруженных лишь копьями с обсидиановыми наконечниками, и захватили в плен около тысячи человек. Среди них были последние ученые острова и вождь Маурата с семьей.

Еще сейчас жители острова помнят об этой бойне и рассказывают о воплях связанных пленников, с предсмертным хрипе женщин и детей, о безумном бегстве оставшихся в живых к Рано-Као, где преследователи добивали их. Ненависть к перуанцам так сильна, что, когда совсем недавно какой-то перуанец прибыл на остров с чилийским кораблем, который приходит каждый год к берегам острова, ему пришлось немедленно уехать отсюда.

Так погибли все устные предания Матакитеранги, и последующим поколениям осталась лишь забота искать их следы.

Несколько дней спустя перуанская флотилия со своим грузом скорби направилась к маленькому острову Рапа, чтобы повторить тот же "подвиг". Остров отчаянно сопротивлялся. Местным жителям удалось захватить корабль и привести его на Таити, где перуанцы предстали перед судом прокурора Лавижери.

Обеспокоенное всем этим, французское правительство под влиянием Тепано Жоссана, епископа Таити, обратилось к французскому консулу в Лиме Лессепсу с просьбой выступить посредником перед перуанским правительством. Англия со своей стороны заявила протест, а в Вальпараисо Эжен Эйро, ставший впоследствии апостолом рапануйцев, возбудив общественное мнение, предложил принять у себя спасшихся каторжан.

Все старания были напрасны! Приказ об освобождении опоздал, и более восьмидесяти процентов несчастных рабов, сосланных на острова Чинча, умерли от тяжелой работы, лишений и болезней. Сотня оставшихся в живых погибла от оспы по пути домой.

Из тысячи рабов только пятнадцать вернулись на остров, чтобы посеять там семена смерти.

За несколько месяцев больше половины оставшегося населения острова умерло от оспы, превратив эту землю в гигантское кладбище. Посетив остров десять лет спустя, Пьер Лоти писал: "Тропинки усеяны костями, в траве попадаются целые скелеты".

Из пяти тысяч жителей в живых осталось лишь около шестисот человек.

В мае 1863 года на шхуне "Фаворит" домой вернулись шестеро рапануйцев, с ними приехал миссионер - брат Эжен Эйро.

После смерти Эйро, последовавшей 14 августа 1868 года, здесь побывали и другие миссионеры.

В ноябре 1868 года на судне "Топаз" была вывезена для Британского музея замечательная скульптура, названная "Рассекающая волны". В том же месяце на остров прибыл миссионер отец Зумбом, он привез с собой домашних животных и растения, чтобы акклиматизировать их здесь.

И в том же году капитан Дютру-Борнье обосновался на острове и занялся скотоводством.

1870 год. Чилийская экспедиция на корвете "О. Хиггинс" составляет подробную карту острова и изучает обычаи островитян.

Этот год снова становится свидетелем беспорядков, охвативших остров Пасхи. Между Дютру-Борнье и братом Русселем вспыхивает непримиримая вражда. Снова загремели выстрелы, начался грабеж, появились убитые и раненые. В этой обстановке католическая миссия приняла решение переселить жителей острова на Мангареву. Часть населения последовала за святым отцом, а другая часть, поддавшись уговорам Брандера, бывшего соратника Дютру-Борнье, отправилась за ним на Таити.

Дютру-Борнье силой удалось оставить на острове сто одиннадцать человек. Вскоре он был убит.

В 1871 году русский корабль "Витязь" посетил остров с научной целью, но, найдя там полное запустение, отправился к беглецам-рапануйцам на Таити, где и получил в подарок от епископа Жоссана одну знаменитую дощечку с письменами⁽¹⁴⁾.

В 1872 году французский корвет "Ля Флор" с известным писателем Пьером Лоти на борту заходит на остров. Пьер Лоти очень заинтересовался обычаями оставшихся в живых аборигенов.

Тонкая наблюдательность Лоти позволила ему нарисовать такую яркую картину, что для меня этот документ - самое замечательное описание Пуа Земли из всех имеющихся.

Воспользовавшись своим пребыванием на острове, Пьер Лоти вывез оттуда колоссальную каменную голову, находящуюся сейчас в Музее Человека в Париже.

1875 год. Второе посещение острова чилийским кораблем "О. Хиггинс".

1877 год. Исследованием острова Пасхи занимается удивительный француз - Адольф Пинар. Как и Лоти, он собирает множество предметов, ставших гордостью музеев, и пишет очень яркий и подробный рассказ о своем путешествии.

Через два года, в 1879 году, некий полу-таитянин, выходец из королевской семьи, обосновывается на острове, чтобы распорядиться собственностью Дютру-Борнье⁽¹⁵⁾. Вместе с группой таитян, прибывших с ним, он прожил на острове 20 лет и сумел благодаря своей обходительности и чуткости добиться любви островитян, открывших в нем душу полинезийца. Он принес с собой таитянский язык и пылкую таитянскую любовь.

1882 год. Сюда зашло немецкое судно "Гиена" с двумя исследователями на борту⁽¹⁶⁾. Они оставили очень интересное описание домов Оронго и вывезли множество предметов для немецких музеев.

1886 год. На корабле "Могикан" прибывает американец Томсон, посланный на остров Вашингтонским музеем. Он публикует хорошо документированную книгу и вывозит для музея неповрежденную статую и каменные плиты с наскальными изображениями⁽¹⁷⁾.

В сентябре 1888 года чилийский майор, дон Поликарпо Торо, захватывает остров для своей страны, а потом очень легко и быстро сдает землю в аренду английской компании "Вильямсон и Балфур". И с тех пор остров принадлежит не людям, а овцам, интенсивное разведение которых истощило землю и уничтожило скудную растительность.

Островитян согнали в деревню Ханга-Роа, обнесли ее колочей проволокой, оставив двое ворот, через которые можно проходить только с разрешения чилийского военного коменданта. В шесть часов вечера ворота закрываются, и никто не имеет права передвигаться по острову ночью без специального разрешения.

47 тысяч овец, около 1000 лошадей, 1000 быков, около 50 чилийских солдат и в 1964 году 1000 рапануйцев, живущих в самой невероятной нищете и при полном отсутствии свободы!

В 1914 году островные власти издали закон, по которому кража овцы карается пятьюдесятью днями каторжных работ.

Под руководством жрицы Анаты вспыхивает восстание⁽¹⁸⁾. В этом же году после беспричинного обстрела острова Таити на остров Пасхи беспрепятственно заходят шесть немецких крейсеров.

1915 год. Необыкновенная женщина - мисс Раутледж - проводит замечательные этнографические исследования, ее работы до сих пор имеют громадное значение⁽¹⁹⁾.

После их опубликования на остров прибывают многочисленные группы исследователей. Франко-бельгийская экспедиция 1934 года была самой значительной. Ею руководил замечательный ученый, ныне покойный, Альфред Метро, который не смог обойти молчанием ужасные факты, подтвердившиеся, к великому сожалению, и во время нашего пребывания на острове.

"На острове царит такая нищета, - писал он, - что говорить о переходе от первобытного состояния к современному уровню развития просто невозможно".

В течение напряженных месяцев работы это неподавленное, а потому и особенно жестокое нравственное страдание жителей острова помогло нам лучше понять их тонкий ум, а иногда и их детский страх. Оно заставило всех нас горячо полюбить этих людей, предоставивших нам свой убогий кров. Оно открыло нам их сердца.

* * *

Наша жизнь на острове постепенно налаживалась. Пользуясь гостеприимством островитян, мы должны были делить с ними все: видя их лишения, невозможно же было думать только о себе. Мы не можем согласиться с ходячим мнением туристов, что эти несчастные люди только и мечтают что-нибудь стащить.

А что бы вы делали на их месте?

Нам никогда не приходилось жаловаться на отношение населения, страдающего, на наш взгляд, только одним недостатком - полным отсутствием воспитания, но ответственность за это ведь лежит только на тех, кто взял на себя труд отвечать за судьбу острова.

Пусть власти острова, позволяющие себе требовать от рапануйцев один день трудовой повинности в неделю, лишившие их удостоверения личности и паспорта, запрещающие им покидать остров и всячески их притесняющие, не думают, что и мы приняли на себя обет молчания.

Вы мешаєте островитянам жить, вы и нам мешали проводить наши работы, однако вам, дорого заплатившим за свою собственную независимость, не следовало бы забывать, что кровь конкистадоров - это недостаток, а не достоинство.

По утрам солнце, окрашивающее тени гигантских статуй, ветер, звенящий в глубине пещер, открывали перед нами двери острова, где мы узнали столько необыкновенного от людей, на языке которых умели говорить.

Своими успехами мы обязаны в основном моей жене. Неумоимо и чутко прислушиваясь к едва теплящейся жизни и чуть слышному голосу стариков, она собрала рассказы, которые взволнуют и тронут исследователей легенд, добывающих материалы с помощью рекомендованного властями переводчика, впитавшего чужие взгляды и передающего в дополнение свою мораль, свое понятие патриотизма и свою религию.

Наша группа разделилась на две части. Моя жена оставалась в деревне Ханга-Роа, где живет все население острова, и весьма успешно собирала материалы для лингвистических и этнологических исследований. На ней же лежала обязанность обеспечивать нас продуктами и один раз в неделю доставлять их в базовый лагерь.

Мой английский друг Боб Терри, три островитянина и я должны были вести работы по всему острову и устроить для этого два базовых лагеря: один - в Анакене на месяц, другой - возле наших раскопок на Рано-Параку на четыре месяца.

Глава III. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МЕРТВОЙ ЗЕМЛЕЙ

Взгляните на карту острова. Его форма проста и прекрасна. Это треугольник из лавы, со сторонами 24, 18 и 16 километров, 19 тысяч гектаров ланд, опустошаемых ветрами и овцами. Три потухших вулкана по углам отмечают возвышенности.

В центре - огромная, насквозь продуваемая ветрами пустыня, где редко селились люди. Все вокруг: пещеры, поверженные статуи, каменные платформы, выложенные плитами дороги, спускающиеся к морю сады, спрятавшиеся под землю петроглифы, каменные дома - пропитано ароматом ушедшей жизни. Как и везде, здесь, у моря, жили полинезийцы.

Первое, в чем мы уверены, - это то, что остров Матакитеранги около шестисот лет тому назад был заселен полинезийцами. Хотя их происхождение нам еще предстоит определить, все археологические и этнологические данные согласуются в этом с замечательными работами мисс Раутледж и Альфреда Метро.

Когда сегодня ночью в лагере, разбитом у подножия моаи^а, поднятого в 1956 году норвежской экспедицией, мы будем прислушиваться к "гласу истории", на другом конце острова моя жена будет записывать предание со слов старика прокаженного Габриеля Веривери, и это будет единственное имя островитянина, названное в этой книге. Без рук, без ног, покинутый всеми, он уже ничем не рискует, кроме своей медленной смерти. Его потухший взор всегда обращен к Хиве - мечте всей его жизни. Моя жена никогда не забудет, что, когда вы, Габриель, рассказывали о земле так называемых язычников, на ваших глазах были слезы. Не вы ли рассказали мне в один прекрасный вечер, когда мы вместе любовались звездами, легенду о людях из-за моря, тело которых разрисовано вздувшимися венами.

Так вот, Веривери, вы умрете от проказы на острове Пасхи так же, как на моих глазах умирали забытые всеми пигмеи. И никто вам не поверит, потому что цвет кожи у вас такой, за который в цивилизованном мире платят большие деньги, но только один раз в год. Вас не услышат, потому что и говорите вы по-другому, медленно и мягко. Веривери, мне очень трудно писать: ведь когда вы рассказывали все это, то смотрели мне в глаза, и я чувствовал, что все правда. Раньше, когда посвященные Матакитеранги говорили, люди должны были вслушиваться и в молчание.

Ваш остров носит два странных имени: Матакитеранги и те-Пито-но-те-Хенуа. Откуда они появились? Ведь имя - это отражение, и правильно произносить его могут только любящие, а вы, я знаю, беззаветно любите эту землю, волны, звезды.

"...На двух ладьях вождь Хоту Матуа прибыл на остров Пасхи. Он подошел к Ханга-Роа, высадился в бухте, дав ей название Анакена, потому что был июль"⁽²⁰⁾. Интересное совпадение, и сейчас на остров Пасхи можно пойти под парусами только в июле и августе. Эта маленькая подробность является первым и очень важным фактом в легенде. Почему полинезийский вождь переселился на эту пустынную землю? Может быть, из-за междоусобных войн, которыми полна история? Дальше в легенде говорится:

"Земля, которой владел Хоту Матуа, называлась Маори и находилась на Хиве. Место, где он жил, называлось Марае-Ренга... Вождь заметил, что его земля медленно погружается в море. Он собрал своих слуг, мужчин, женщин, детей и стариков и посадил их на две большие лодки. Когда они достигли горизонта, вождь увидел, что вся земля, за исключением маленькой ее части, называемой Маори, ушла под воду".

^а Статуи.

Содержание этой легенды не вызывает никаких сомнений. Стихийное бедствие действительно имело место, и совершенно логично предположить, что вышеуказанная часть суши находилась на огромном острове, который к северо-западу от Пасхи соединялся с островами архипелага Туамоту.

В другом предании, рассказанном последним ученым острова, а-Уре Аувири Пороту, говорится:

"Остров Пасхи был значительно больше, но из-за проступков, совершенных его жителями, Уоке раскачал его и сломал с помощью рычага..."⁽²¹⁾

Здесь также речь идет о стихийном бедствии. Но гораздо важнее, что в предании упоминается островок Сала-и-Гомес⁽²²⁾. Расположенный примерно в 100 милях от острова Пасхи, он был когда-то частью его и назывался Моту-Мотира-Хива - остров вблизи Хивы.

Итак, имеются три свидетельства, подтверждающие наше предположение, хотя общепринятая точка зрения геологов исключает возможность серьезного катаклизма в этой части земного шара, по крайней мере в эпоху существования человека.

Две новые информации опять-таки допускают возможность погружения континента.

Во время кругосветного перехода подводной лодки "Наутилус" военно-морских сил США было отмечено, что вблизи острова Пасхи находится еще неизвестная подводная вершина. Кроме того, во время недавних работ, проведенных профессором Х. В. Менардом для Института морских ресурсов и Калифорнийского университета, была обнаружена не только одна из самых значительных зон разлома по соседству с островом Пасхи, параллельная разлому островов Маркизского архипелага, но и громадная перемычка, или гребень, из осадочных пород.

В легенде рапануйцев говорится также, что Хоту Матуа прибыл со стороны заходящего солнца, а ведь на острове Пасхи, на Аху-а-Тиу, установлены единственные здесь семь статуй, обращенных лицом к морю, то есть на запад. По их расположению можно определить и район бедствия: он находился между островами Маркизского архипелага и Гамбье.

Нам кажется вполне вероятным, что в результате одного из таких катаклизмов, довольно частых в зоне Кордильер - Анд - Новых Гебридов, архипелаг - я не смею сказать материк - ушел под воду или изменил свои очертания.

Согласно выводам профессора А. Метро, подкрепленным полученными нами генеалогиями, некоторыми соображениями лингвистического характера, использованием слова "Хива" и многочисленными этнологическими соображениями, вполне можно сделать вывод, что люди Хоту Матуа покинули этот район Маркизских островов к концу XII века.

Заселение острова людьми, пришедшими с Хоту Матуа, совсем не исключает возможности существования других контактов в более ранние периоды, о которых мы будем говорить ниже.

В предании говорится, что, хотя Хоту Матуа принял решение покинуть землю своих предков при первых же признаках землетрясения, еще прежде он отправил своих семерых сыновей на поиски Пуа Земли, местонахождение которого было подсказано ему Хаумакой, увидевшим этот остров во сне.

Это наводит на мысль, что если погружение суши и имело место, то оно произошло значительно раньше, так как во времена Хоту Матуа остров Пасхи был уже настолько далеко от Хивы, что вождю пришлось плыть до него довольно долго.

Странно, конечно, что в легендах Маркизских островов мы не находим точных сведений об этой катастрофе, если не считать одной легенды Мангаревы.

И все-таки кажется невероятным, чтобы люди Хоту Матуа могли настолько исказить события. Возможно также, что катаклизм захватил лишь некоторые архипелаги. Однако это совсем не исключает того, что в памяти жителей островов он запечатлелся как исключительное событие.

Как и во всей истории островов Тихого океана, начало заселения и здесь остается неясным и трактуется по-разному. Очевидно лишь одно: какие-то люди достигли острова Пасхи до Хоту Матуа и об этом имеются точные сведения. Семеро разведчиков вождя Хоту Матуа сообщают, что до этого путешествия они ничего не знали о Нгата Ваке и Те Охиро - первых жителях острова Пасхи. По сведениям, полученным старым Веривери от Ханга-а-Таукава-а-Овири, "задолго до прибытия на остров Хоту Матуа там жили очень высокие люди, но не великаны".

Это единственное свидетельство, которым мы располагаем в настоящее время, но совершенно ясно, что такая возможность только усиливает таинственность Матакитеранги.

Нам известна легенда о семи разведчиках и Хаумаке, и мы пересказываем ее очень тщательно, придерживаясь содержащихся в ней сведений.

Глава IV. ЛЕГЕНДА О СЕМИ РАЗВЕДЧИКАХ

"Человек, по имени Хаумака, заснул, а его Дух отправился на Матакитеранги. Он пришел сначала к трем островам, расположенным у подножия вулкана Рано-Као, и дал им имя Сыновья Те Таанги, в честь племянников Хаумаки с Хивы.

Он увидел кратер вулкана Рано-Као и назвал его Черная яма Хаумаки.

Затем он пошел искать бухту, где смог бы высадиться Хоту Матуа.

На пути к плато Пойке, на краю острова, он увидел ростки кохе^а и отломал один побег.

^а Папоротник. - Прим. перев.

Обойдя все бухты острова, он остановился в Анакене и, увидев прекрасный песчаный пляж, сказал: "Здесь и поселится Хоту Матуа!"

После этого Дух Хаумаки вернулся на Хиву и сказал: "Там, где восходит солнце, есть остров, вы будете жить там вместе с Хоту Матуа".

Семеро посвященных сыновей вождя отправились первыми, чтобы обследовать остров и встретить Хоту Матуа. Этим семерым звали Ира, Рапаренга, Куукуу-а-Хуатава, Рингиринги-а-Хуатава, Нонома-а-Хуатава, Ууре-а-Хуатава, Макои Рингиринги-а-Хуатава.⁽²³⁾

Вышли они из Хивы на одной лодке и, следуя указаниям Хаумаки, прошли мимо трех островков и высадились в Винапу. Затем они взобрались на вулкан и воскликнули: "Вот та самая Черная яма Хаумаки!" Потом они посадили ямс, который привезли с собой. Сажал его Куукуу.

После этого разведчики отправились к восточному берегу острова и встретили по пути ростки кохе, сломанные Духом Хаумаки. Обойдя скалу Пойке, они прошли вдоль северного берега в поисках песчаной бухты, куда могли бы зайти лодки вождя.

Но все бухты оказались непригодными для высадки. Тогда они отправились ловить рыбу в Анакене. Придя туда, они сказали: "Здесь и высадится Хоту Матуа". Не найдя поблизости огня, двое из них отправились за ним в лодку.

Они принесли дерево макои^a, развели костер, нагрели камни и зажарили рыбу.

Во время трапезы братья увидели выходящую на пляж черепаху. Это была черепаха-дух. Почувствовав, что люди хотят поймать ее, она попыталась уйти в море и поспешила к скале Хиро-Моко.

Ира первым бросился ловить ее. За ним последовали остальные, но никто не мог с ней справиться. Тогда братья обратились к Куукуу. Он схватил черепаху, но она так сильно ударила его, что он остался неподвижно лежать на земле. Остальные шестеро рассмеялись. Затем они отнесли Куукуу в пещеру, а черепаха отправилась обратно на Хиву. Куукуу сказал своим спутникам: "Не оставляйте меня здесь одного!" Они ответили: "Мы будем рядом" - и принялись сооружать шесть каменных пирамид. Братья сказали этим пирамидам: "Когда Куукуу позовет нас, вы отвечайте - мы здесь!" И они отправились к Ханга-Роа, оставив несчастного Куукуу одного.⁽²⁴⁾

Куукуу спросил: "Вы здесь?" Каменные пирамиды ответили: "Мы здесь". Несколько раз повторил он свой вопрос и умер.

Ира и Рапаренга стояли на утесе Ханга-Роа и смотрели, как волны разбиваются о скалы. Ира сказал Рапаренге: "Направо - Рухи, налево - Пу, вокруг шеи моаи Хина Риру лежит жемчужное ожерелье. Другое ожерелье находится в Те-Пеи, на нашей земле Хива".⁽²⁵⁾

Из бухты Ханга-Роа они поднялись на вулкан Рано-Као и пошли в Оронго посмотреть, как растет ямс. Там выросли сорняки. Они вырвали их и сказали: "Это плохая земля!" Братья построили хижину, чтобы провести в ней ночь. Макои сказал Рингиринги:

"Ты не спи и слушай, а я попрошу Иру и Рапаренгу повторить то, о чем они говорили на скалах Ханга-Роа, так как тебе придется остаться здесь одному, а мы вернемся на Хиву".

Когда наступила ночь, Макои спросил Иру и Рапаренгу: "О чем вы говорили на Ханга-Роа?" Рапаренга ответил: "Зачем тебе это знать?" Макои сказал: "Мне надо знать это".

Ира согласился ответить и спросил, спит ли Рингиринги. Макои толкнул Рингиринги ногой, тот притворился спящим и молчал.

Тогда Ира сказал: "Направо - Рухи, налево - Пу, вокруг шеи моаи Хина Риру жемчужное ожерелье".

Рингиринги услышал это и очень обрадовался, что сможет похитить жемчужину и показать ее тем, кто приедет жить на остров".

Многое в этой легенде знаменательно. Кроме того, что семеро разведчиков привезли с собой огонь и дерево макои, еще четыре факта кажутся мне особенно важными:

1. Эти люди с Хивы знали о каменных статуях. "Жемчужное ожерелье на шее" дает нам еще одно важное свидетельство, поскольку жемчуг имелся только в лагунах Туамоту и архипелага Гамбье.

2. Пятеро из разведчиков вернулись на Хиву.

3. Они привезли с собой на остров ямс.

4. Остров Пасхи имел такую же топографию, что и сейчас. Кроме того, легенда утверждает, что растительный мир на острове был в то время очень беден.

Глава V. ПРИБЫТИЕ ВОЖДЯ ХОТУ МАТУА

Нам также очень хорошо известно, как прибыл и обосновался на острове вождь Хоту Матуа. В легенде рассказывается следующее:

"Однажды две лодки Хоту Матуа появились у трех островков, названных Моту-Ити, Моту-Нуи, Моту-Каокао.

Рингиринги, остававшийся на острове, заметил их со скалы Оронго. Вождь спросил его, хорошая ли здесь земля. Он ответил: "Это плохая земля, сорняки заглушают ямс".

Тогда Хоту Матуа сказал: "Наша земля тоже плохая, над ней нависла беда, прилив уничтожит на ней все".

^a Кокосовая пальма. - Прим. перев.

Затем лодки разошлись. Лодка Хоту Матуа обошла остров с востока, а лодка Ава Реи-пуа - с запада. Они встретились у входа в бухту Анакена и направились к двум скалам, ограничивающим ее.

Вождь причалил к краю Хиро-Моко, а Ава Реи-пуа - к Ханга-Охиро.

Как только Ава Реи-пуа высадилась на берег, она родила дочь, а в другой лодке у Хоту Матуа и его жены Вакаи родился сын". По соседству с бухтой есть и сухие пещеры, и источник пресной воды. Поэтому небольшая группа людей, а судя по размерам лодок, которые были метров 30 длиной каждая, их было не более двухсот человек, вполне могла поселиться именно здесь. Сразу же были выгружены животные и растения. Нам известно, какие это были растения: таро, ямс, банан, ти (драконник), сахарный тростник, кокос, саженцы сандалового дерева и, вероятно, хлебное дерево. Из животных за время путешествия выжили лишь крысы и куры, но переселенцы везли с собой также и свиней.⁽²⁶⁾ Все эти предположения вполне логичны, как логично и то, что семеро первых разведчиков, вероятно, подготовили землю и произвели посадки, обеспечившие переселенцам возможность существования на острове.

Представьте себе этих людей, изнуренных отчаянным и невероятным путешествием, "покинувших, - как говорит легенда, - страну тепла и зелени" и попавших на пустынный, побитый холодными ветрами остров.

Здесь для полинезийцев не было двух главных источников питания: кокосовой пальмы и хлебного дерева. На широте острова эти два растения не могут произрастать, и прижились лишь две переставшие плодоносить кокосовые пальмы. Только банановые деревья смогли уцелеть в укрытых от ветров глубинных садах, о которых нам еще предстоит рассказать.

Большая часть острова представляет собой огромную глыбу вздувшейся лавы; тонкий слой земли, образующий ее корку, очень плодороден, и такое растение, как кумара^a - основное питание островитян, - прекрасно растет здесь. Посадки производились с помощью заостренных палок-копалок, называемых в зависимости от размера ака-уе или ока.⁽²⁷⁾ Ими выкапывали неглубокие ямки.

На острове очень трудно вырастить дерево: ведь толщина земляного покрова не превышает 40-60 сантиметров и корни деревьев расположены почти горизонтально.

Из-за сильных ветров деревья надо было укрывать за каменными оградами, и еще теперь на острове можно встретить каменные манавай⁽²⁸⁾ от 3 до 5 метров диаметром, выложенные неподалеку от домов.

В этих укрытиях, напоминающих защитные стены Ирландии, выращивались растения, почти совсем исчезнувшие сейчас: торомиро - замечательное дерево, его древесина шла на изготовление скульптур; хаухау^b, волокно которого использовалось для плетения веревок и рыболовной снасти; махуте^c - из его луба делали ткань, называемую в Полинезии тапа; марикуру^d, из плодов которого делали ожерелья; наунау^e - плоды этого дерева были основным продуктом питания во время неурожая, а дети из них делали волчки.

И наконец, макои^f, чья изумительно красивая древесина использовалась при изготовлении скульптур. Сейчас на острове осталось всего несколько экземпляров этого дерева и дерева махуте.⁽²⁹⁾ Все первые мореплаватели отмечали умелый уход за растениями, а Маклембург^g писал: "Вся земля была там засажена деревьями и обработана, арпаны^h земли были отделены друг от друга, и очень точные границы участков были обнесены веревками".

Сельское хозяйство на этой пустынной земле должно было занимать главное место в жизни людей, и естественно, что первой заботой Хоту Матуа было распределение земли и очень точное разграничение участков с помощью каменных столбов, до сих пор повсюду встречающихся на острове.

Людям Хоту Матуа пришлось состязаться в труде и мужестве, чтобы благоустроить и обжить эту суровую землю. Вероятно, первыми жилищами еще до прекрасно приспособленных к сильным ветрам домов-лодок, полуразрушенные фундаменты которых можно встретить и сейчас, были пещеры, буквально пронизывающие весь остров.

Глава VI. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВЕКА

Сегодня вечером с розового пляжа Анакены мы начинаем наше длительное паломничество в величественное прошлое Пуа Земли.

Каждый день после утреннего купания лошадей мы верхом покидаем пляж и отправляемся во владения молчания. Повсюду следы ушедшего прошлого, и призраки хижин как будто поднимаются над землей, из которой торчат изумительно обработанные камни, служившие для них основанием.

Перед узким входом в эти перевернутые дома-лодки выступает совершенный по форме, мощный в виде полумесяца пол из камня, служивший местом отдыха.

Откуда появились здесь эти хижины? Может быть, это память о первых лодках, перевернутых на негостеприимной земле острова и послуживших первым убежищем человека? Не являются ли они свидетельством древней техники строительства, встречающегося на Маркизских островах?

^a Батат.

^b Хибискус.

^c Тутовое дерево.

^d Акация.

^e Сандал.

^f Кокосовая пальма.

^g Писатель, находившийся на корабле Роггевена.

^h Старая французская мера поверхности. - Прим. перев.

Откуда пришло это первобытное, но такое изысканное общество, сумевшее под сенью хижин, крытых плетеной тоторой^a и скошенной травой, создать великую скульптуру безмолвия?

Мы ищем это прошлое повсюду: в длинных коридорах пещер, на полу, усыпанном осколками обсидиана и остатками пищи, на склонах вулканов, покрытых следами древних культур. Мы ищем его в поглощающих солнце пещерах, где некогда укрывались люди, на почти недоступных, изъеденных временем и ветрами утесах.

Этот Пуп Земли иногда кажется колдовским убежищем дьявола - его зловещие следы можно видеть повсюду.

Каждый день мы обследуем десятки пещер, а на острове их сотни.

В галереях наши лампы выхватывают из темноты изображения Макемаке⁽³⁰⁾ и акуаку⁽³¹⁾. В некоторых из них еще сохранились следы огненно-красной краски, которой женщины раскрашивали лицо.⁽³²⁾

Здесь еще очень сильны родовые традиции. Матакитеранги жив, хотя он был ослеплен светом тысяч солнц, глубочайшими знаниями, значение которых нам даже трудно себе представить.

Здесь есть свое "зерно познания", но нам довелось увидеть не рождение, а гибель его.

Мы очень остро чувствуем те границы понимания, которые не можем и, вероятно, не сможем перейти за эти месяцы.

Очевидно, здесь происходили сильнейшие потрясения, когда сталкивались и переплетались совершенно различные формы познания. Часто, рассматривая со своими друзьями островитянами ночное небо, мы слышим слово "уре-тиотио-моана", что значит "метеорит".

Их здесь три, глубоко сидящих в земле, и люди помнят, как они упали. Последний упал на краю острова около десяти лет тому назад. Море вздулось, опустошив пляж Анакены.

Жители рассказывают, что в небе оставался длинный след, и вспоминают странную легенду о Ранги-Топа - упавшем небе. "Во времена Рокороко-хе-Тау упало небо. Оно упало сверху на землю.

Люди воскликнули: "Небо упало на землю во времена Рокороко-хе-Тау!"

Он принял его, подождал немного, небо вернулось, оно ушло, оно осталось наверху.

И тогда Тойга Рики взял себе имя: Ранги-Топа".⁽³³⁾

Подобные предания имели для них слишком большое значение, и поэтому о них боялись упоминать.

"Он принял его - он подождал - оно ушло - оно осталось наверху", Возможно, что статуи Матакитеранги - эти "глаза, смотрящие в небо", - отражали стремление проникнуть в бездну звездных ночей, когда с небосвода срываются сверкающие частички.

А расширенные до предела глаза Макемаке? Не глаза ли это людей, прятавшихся в пещерах? Почему бы и не задать себе такой вопрос после безуспешных двухвековых поисков на этом клочке земли?

Вместе со статуями, в тени которых пройдут четыре месяца нашей жизни, мы совершим путешествие, значительно отличающееся от того, которое можно было бы совершить, занимаясь лишь их обмерами.

Каждый день мы находим статуи другого стиля - других людей. Обращенные спиной к морю, поставленные на гигантские каменные погребальные платформы - аху, они как бы следят оттуда за жизнью деревень. У них, и только у них, открыты глаза, поскольку эти статуи устанавливались на местах погребения.

После перевозки из карьера, уже на аху, скульпторы открывали им глаза и водружали на голову огромные цилиндры из красного туфа, так как эти моаи были воплощением реальной действительности.

Альфред Метро считает, что цилиндры, называемые пукао, представляют собой головной убор древних жителей.

Над пышными красными тюрбанами умерших иногда возвышались маленькие белые шиньоны, имитирующие прическу. Они, вероятно, изображали небольшой нарост, принимаемый у посвященных Азии и Африки за "шишку мудрости".

Все эти статуи упали лицом в землю, и "шишки мудрости" откатились далеко, открыв плоские и лысые черепа.

Под упавшими статуями открылись каменные склепы, где покоятся побелевшие от времени кости арики - вождей маленького народа, создавшего гигантов.

Вокруг всего острова почти всегда в прибрежной полосе возвышаются каменные платформы - аху, со статуями и без стартуй, разной величины и на разных стадиях изготовления. На острове их насчитывают около 240.⁽³⁴⁾

Самыми скромными можно назвать аху без моаи, аху периода упадка, когда междоусобные войны, возникшие из-за перенаселенности, и болезни уничтожили труды посвященных. Уже давно карьер великанов не слышал песен каменотесов. Встречаются аху самых различных форм. У одних наклонная площадка двора напоминает грань пирамиды. Они обычно меньше по площади, но зато немного выше других, и усыпальницы их засыпаны щебнем. А семь аху-попое напоминают по форме узенькие площадки для метания, возвышающиеся над морем.

Они отличаются от остальных, и возможно, что эти аху были построены последними, уже перед резней, учиненной перуанцами. Но есть еще и другие, под стать огромным статуям, стоявшим на них. Таких аху-моаи около ста, примерно пятнадцать из них великолепны, а три просто незабываемы - они стоят как бы на страже по углам треугольного острова.

Странные их названия звучат как голоса прошлого: Аху-Винапу, Аху-Хекии - в бухте Лаперуза - и, наконец, Аху-Тонгарики, у самого подножия вулкана-карьера Рано-Параку.⁽³⁵⁾

Чтобы вы могли хоть приблизительно представить себе этот ансамбль, вот его размеры и описание: приподнятый фасад из плотно подогнанных каменных плит, около 80 метров длины и около 3 метров высоты, всегда обращен в сторону моря. Линия фасада и линия, параллельная ей, образуют помост из лавы или щебня около трех метров ширины, под ним находятся склепы, называемые аванга.

^a Разновидность камыша, который растет на острове в кратерах вулканов.

Сверху на них уложены очень красивые плиты диаметром два-три метра, на которых стояли моаи. За этой стеной в сторону острова расположен слегка наклонный дворик, вымощенный полированным или обработанным камнем.

Обе параллельные стороны дворика и расположенная рядом прямоугольная площадка из гравия и гальки укреплены с боков каменными плитами. Именно на этой площадке лежали трупы до полного высыхания, затем кости собирали и укладывали вместе с черепами в гробницы аху. Это типичный полинезийский обряд, хотя если говорить об Аху-Винапу и Тонгарики, то их архитектура настолько изящна, настолько отлична от других, что вызывает и другие предположения. Совершенно очевидно, что Аху-Винапу - это свидетельство травматизма полинезийской культуры. Нам хорошо известны площадки, выложенные камнями и плитами из обработанного коралла, которые придают такую прелесть марая Маркизских островов и островов Риагеа. Пока что мы в состоянии лишь констатировать необычность архитектуры Аху-Винапу, напоминающей чем-то архитектуру доинковского периода. При таком сходстве просто невозможно отказаться от некоторых предположений, тем более что статуя из красного туфа, поднятая норвежской экспедицией в 1956 году, тоже заставляет задуматься.⁽³⁶⁾

Считая, что для научной дискуссии годится любой повод, я должен заметить, что не воспринимаю эту статую как чисто полинезийскую. А в этом ведь и состоит проблема. То же самое можно сказать и о базальтовой статуэтке, найденной нами в пещере-тайнике Хоту-Ити.

Доказать это довольно трудно, однако этими доводами не следует пренебрегать. И хотя определенные круги отрицают позицию Хейердала, мы не можем априорно отрицать все, в особенности в части, касающейся полинезийско-южноамериканских контактов (тема диссертации Поля Риве). Сейчас это остается, очевидно, главной загадкой острова Пасхи. Как знать, может быть, какие-то еще более невероятные связи этого острова дали ему имя те-Пито-но-те-Хенуа?^a Почему бы и нет?

Мы так много говорили об истории Хоту Матуа, потому что в ней можно найти доказательства для самых, казалось бы, невероятных предположений; во всяком случае, мы считаем, что до Хоту Матуа на острове жили другие люди.

Вся традиция острова Пасхи пронизана сосуществованием на нем двух рас - ханау момоко и ханау еепе, называемых длинноухими. Мы не согласны с таким пониманием слова ханау еепе, хотя оно и принято многими учеными. Здесь налицо явная фонетическая ошибка. В действительности островитяне произносят не епе, а еепе, что значит "сильные", "дородные" люди.

Поскольку термин ханау момоко точно переводится как "слабые, тощие люди", перевод ханау еепе - "сильные, дородные люди" - кажется более правильным.

Ясно одно, речь здесь идет о двух различных народах. Все авторы ссылаются при этом на свидетельства первых мореплавателей. Так, спутник Роггевена пишет: "У некоторых мочки ушей свисали до плеч, а кое-кто носил в них в виде особого украшения белые диски".

Все это абсолютно правильно и естественно, если эти люди прибыли с Маркизских островов, где был распространен такой обычай. Это было в 1722 году, и рассказчик добавляет:

"Некоторые жители поклонялись идолам с большим рвением, - вероятно, это были жрецы. Они отличались от других не только тем, что носили большие диски в ушах, но и тем, что голова у них была выбрита".

Итак, на острове Пасхи жили ханау момоко и ханау еепе, пришедшие, согласно легенде, во времена вождя Туу-ко Ихо. По некоторым данным, он правил после смерти Хоту Матуа и принял титул верховного вождя, не принадлежавший ему по происхождению.

Эти две группы сосуществовали, смешивались, воздвигали аху и в конце концов привели остров к войне двух союзов, к междоусобной войне, которая в свою очередь и привела к гибели острова.

В одной легенде говорится о том, что Туу Махеке, преемник Хоту Матуа, вернулся на Хиву. Между восточной Полинезией и островом Пасхи были установлены связи.⁽³⁷⁾ Вполне возможно, что вторая волна миграции длинноухих состояла из потомков людей Хоту Матуа, причем не следует забывать о смешении меланезийской и полинезийской крови, имевшей место еще до этого на островах Маркизского архипелага.

Вероятно, ханау еепе покинули территорию Хивы в результате войны, так как в легенде говорится, что они прибыли на остров без женщин. Это привело к такому смешению рас на острове Пасхи, при котором исключается возможность проведения серьезных антропологических исследований.

Мы можем задать себе вопрос: не является ли Аху-Винапу свидетельством и основным образцом искусства, занесенного на остров Пасхи предыдущими контактами?

Кроме чистоты архитектурного стиля еще один момент привлекает к себе внимание: слегка выпуклые плиты фасада, в Полинезии ничего подобного я не встречал.

Один человек дал мне очень любопытные сведения о ханау еепе, и, хотя я не уверен в правдивости его информации, отбросить ее невозможно - настолько она важна.

Он сообщил: "Первые жители острова - это первые люди в мире. Они были желтокожие, очень большие, с длинными руками, широкой грудью, с огромными ушами, но не с растянутыми мочками. Это были блондины с блестящим и безволосым телом. Они не знали огня. Когда-то они жили на двух других островах Полинезии. Они прибыли на лодках с земель, расположенных за Америкой".

Подобные сведения нарушали спокойный ритм работы и заставляли нас порой преодолевать привычный схоластический подход к явлениям.

^a Около Тиахуанако находится местность, называемая "Пуп Земли".

За исключением миссионера Себастьяна Энглера, написавшего добросовестную книгу о легендах острова, я не знаю ни одной экспедиции, члены которой владели бы в совершенстве местным языком. Только моя жена бегло говорила на языке древних рапануйцев. Но разве можно было ожидать, чтобы островитяне решились преподнести на чужом языке некоторые легенды, которые можно рассказать лишь другу и уважаемому человеку, понимающему их язык.

Разумеется, мы не правы с точки зрения кабинетной науки, но мы, безусловно, чисты перед своей совестью, так как никогда не отказывались ни от какой информации, основанной на дружбе с островитянами и предлагаемой от души.

Когда Поль Риве, директор французского Музея Человека, опубликовал свою диссертацию, естественно, возникли споры; серьезность и убедительность его аргументов требовали, чтобы мы сами изучили их до того, как начнем свои исследования на острове.

Поль Риве исходит из ярко выраженного сходства полинезийских языков, с одной стороны, и языков Огненной Земли, экваториальных аймара и древнего перуанского языка - с другой; многочисленные выражения их действительно сходны. Кроме того, у них имеется много общих элементов культуры и большое сходство во многих обычаях: разделение общества на касты, объединение светской и духовной власти, использование обрядового языка, отличного от общераспространенного, сходство украшений из перьев, разделение собственности, человеческие жертвоприношения и людоедство...

Вот что пишет Пьер Онор:

"Эти урусы, первые жители, долихоцефалы Южной Америки, говорили на языке араваков и строили свои хижины в бухтах и на островах большого озера. Зона их распространения простиралась от склонов Анд почти до Тихого океана. Их камышовые лодки, пришедшие, по словам специалистов, из района Амазонки, похожи на лодки-скульптуры острова Пасхи..."

Сопоставление загадочной письменности острова Пасхи с тихоокеанской и индейской письменностью не настолько парадоксально, как это может показаться с первого взгляда".

Альфред Метро отмечает, что "пиктографическая система письма индейцев куна из Панамы содержит целый ряд знаков, сходных со знаками острова Пасхи", однако мы еще никогда не проводили серьезных исследований в этой области.

На острове Пасхи свидетельства этого сходства можно встретить повсюду, и среди черепов брахицефалов мы обнаружили черепа долихоцефалов.

Еще одну удивительную легенду записал в 1912 году Эжен Кайо. Ее источники я стал искать после того, как обнаружил в словаре Мангаревы, составленном в 1860 году первыми миссионерами, следующую запись:

"Ануа Мотуа - отец Теангианги, прибыл с Гавайских островов. Он отправился на остров Пасхи^a лишь после того, как оставил на Мангареве много детей, родившихся от его жены Каутиа. Он умер на острове Пасхи. Его сыновья Пуниинга и Марокура, а потом и Теангианги поселились на острове, оставленном им отцом..."

Глава VII. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНУА МОТУА

"В царствование правителя Таратахи вождь Авахики по имени Ануа Мотуа прибыл на Мангареву и обосновался там с семьей и воинами. Он приплыл сюда на плоту и пристал сначала к Тараваи, в месте, называемом Ангаконо. Хижина, в которой он поселился с семьей, была названа Поли. Довольно долго он оставался на Тараваи, а затем переселился на Гаватаке^b, в местность Теауранги, в центр района, где в то время находилось большинство хижин. Его семья была многочисленной. Это стало беспокоить правителя Мангаревы Таратахи. Видя, как разрастается и приобретает вес благодаря связям с другими вождями архипелага семья Ануа, он сначала хотел объявить Ануа войну, чтобы уничтожить его или заставить покинуть Мангареву. Но после долгих размышлений решил: "Ануа Мотуа сильнее меня; если я начну с ним войну, то потерплю поражение и потеряю многих из своих подчиненных, лучше мне самому уйти вместе со своими людьми".

Он тут же погрузился со своими людьми на плоты и покинул острова архипелага Мангарева без всякой надежды вернуться обратно. Перед его отплытием Ануа Мотуа распустил слух, что если Таратахи не покинет Мангареву навсегда, то он уничтожит и его, и его людей. Тогда-то неудачливый правитель и принял самое мудрое решение, не имея возможности выбрать наиболее смелое.

Как только Таратахи покинул Мангареву, Ануа Мотуа провозгласил себя верховным вождем.

Полное повиновение населения еще больше укрепило его власть. Аретоа^c Кипо, стоявший в это время во главе воинов Таку, увидев, как Ануа Мотуа поступил с Таратахи, и не желая иметь такую же судьбу, признал вместе со своими воинами Ануа Мотуа своим вождем. Другие вожди на всех островах архипелага сделали то же самое. Они объявили себя приверженцами Ануа Мотуа, и всеми островами стал править один хозяин.

С этого момента Ануа Мотуа и стал верховным вождем островов архипелага Мангарева. Освободившись от всех своих соперников, он спокойно царствовал там около пятнадцати лет.

^a Матакитеранги.

^b Мангарева.

^c Звание, которое давали на Мангареве воинам, особо отличившимся в сражениях. Оно означало "отважный", "сильный", "могучий" и почти соответствовало слову "герой".

В конце концов он почувствовал тоску по путешествиям и решил отправиться на юг. К этому его побудили еще и трудности, возникшие в этот момент в связи с перенаселенностью: к моменту его прибытия на Мангареву плотность населения здесь уже была большая и продолжала непрерывно расти. В тот год начался страшный голод и жителям почти нечего было есть. Однажды сын Ануа Мотуа, Теангианги, которого отец назначил великим жрецом, сказал ему: "Отец, ты сделал ошибку, изгнав Таратахи с этой земли, посмотри, в какой нищете мы оказались, отправимся на поиски Таратахи".

Эти слова любимого сына и жажда новых приключений привели Ануа Мотуа к окончательному решению уехать, хотя он был уже не молод. Он приказал построить два больших плота, на которые погрузился с частью своей семьи и слугами, всего тысяча пятьсот человек, затем, провозгласив своего внука Рикитеа вождем Мангаревы, а одного из своих сыновей - Хои - вождем Таку, он покинул остров и взял курс на юго-восток. Говорят, что, когда плот скрылся из виду, произошло сильное землетрясение и люди, оставшиеся на острове, подумали, что Ануа Мотуа отправился на небо.

Первый остров, который встретил Ануа Мотуа, был остров Оено^a. Он был необитаем.

Переселенцы снова отправились в путь и высадились на острове Эираги^b, который в то время тоже был пустынен. Ануа Мотуа решил заселить его. Он вручил своей дочери Туатутеа, вышедшей замуж за Тинирауерики, власть над островом и оставил с ними несколько женщин и воинов. Затем он снова отправился в путь и приплыл к высокому острову, похожему на Макатеа, - острову Пуапуамоуку^c, тоже незаселенному.

Там, по одному мангаревскому преданию, Ануа Мотуа передал власть своей дочери Пингахере и оставил с ней многих участников экспедиции. Однако, по другому преданию Мангаревы, Ануа Мотуа хотел сначала оставить свою дочь и немного людей на Пуапуамоуку, но, так как на острове не было ни растительности, ни пресной воды, он, испугавшись, что люди погибнут с голоду, вновь погрузился на плоты и продолжал путешествие. Как бы то ни было на самом деле, Ануа Мотуа и большая часть его людей не остались там и продолжали плавание. Они подошли к Кооа^d, где также оставались недолго, так как не нашли на острове никакой пищи. Затем они отправились к острову Матакитеранги, или Каираги^e, - главной цели своего путешествия.

Переход этот был очень длинным; дни сменялись днями, но земли не было видно. Люди на обоих плотах были в ужасе, спокойными оставались лишь Ануа Мотуа и его сыновья. Они верили в отца и помнили, что он объехал весь свет и должен знать путь к острову. Ануа Мотуа и его трое сыновей были на плоту вместе со всеми. Плавание затягивалось, и великий жрец Теангианги стал беспокоиться. Но он не осмеливался ничего сказать своему отцу, возле которого обычно находился. И вот однажды, к величайшей своей радости, он увидел на горизонте большое темное пятно далекой земли. Теангианги тотчас сообщил об этом отцу, который в сопровождении всех своих детей сразу же отправился посмотреть на то, что увидел вдали его сын. Голова вождя была покрыта тупатой^f, так как Ануа Мотуа было холодно; все остальные тоже дрожали от холода. Посмотрев на звезды, Ануа Мотуа сказал своим детям: "Поворачивайте назад, мы подошли к Таикоко^g". Море здесь очень бурное, а воздух, более чем свежий - было очень холодно. Когда дети спросили Ануа Мотуа, почему нельзя плыть вперед, он ответил, что дальше будет еще холоднее, что впереди находятся две земли, а между ними очень опасное море; море это называется Таикоко, а часть моря, где постоянно плещут маленькие, но очень сильные и опасные волны, называется Рангирири^h; на земле, окружающей это море, нет никакой растительности; солнце там никогда не поднимается высоко; там высокие пустынные горы, очень мало земли, есть водоем, где много китов и другой необыкновенной рыбы, которой не встретишь на Мангаревеⁱ. Ануа Мотуа добавил, что проходил там, когда плыл на Мангареву из Аваики, и был момент, когда он уже думал, что пришел конец: именно потому, что там их ждут серьезные опасности, не следует двигаться вперед^j.

Затем он замолчал, и дети, повинувшись ему, бросились разворачивать плот. На другом плоту, увидев этот маневр, сделали то же самое, и переселенцы, изменив направление, отправились в обратный путь. К счастью, он был короче, чем первый: восточные ветры быстро гнали плот к острову их мечты. Наконец они подошли к острову Матакитеранги, или Каираги. Все обессилели от усталости, и продукты были уже на исходе. Тогда Ануа Мотуа сказал своему сыну Теангианги: "Высадись на берег и посмотри, есть ли кто-нибудь на острове".

^a Старики называют его также Теауотанеон.

^b Питкэрн.

^c В наши дни - остров Элизабет; в прежние времена мангаревцы, кажется, называли его Каираги.

^d Остров Дюси, называемый старыми мангаревцами Текава.

^e Остров Пасхи, который другие маори называли также Рапа-Нуи и те-Пито-но-те-Хенуа.

^f Мешок из листьев хара (пандануса). Это очень правдоподобно.

^g Таи - прибрежная полоса моря, коко - выход. Вероятно, это море у мыса Горн. Мангаревцы рассказывают, что их предки хорошо знали его.

^h "Ранги" - небо, "рири" - в гневе.

ⁱ Это, возможно, район ле Мэр, или Магелланов пролив, Огненной Земли.

^j Если Ануа Мотуа проходил там, идя с Аваики, то он пришел с юго-востока, из Восточной Полинезии, что противоречит утверждению маори, которые заявляют, что они прибыли с запада. Вместе с тем я не могу назвать ни одного более серьезного предания во всей полинезийской мифологии, чем рассказ Ануа Мотуа своим детям: он полон точных и интересных подробностей и расшатывает все выдвинутые и поддерживаемые до сих пор учеными доктрины о западном происхождении полинезийцев. Во всяком случае, может быть, то, что правильно в отношении одних маори, не характерно для других: то есть большая часть маори пришла с Аваики, или Хаваики, с запада, а другие, меньшее количество, - с востока. По крайней мере, неплохо было бы узнать, была ли у них такая возможность, а для этого нужно точно определить местоположение Аваики: пока ведь еще точно неизвестно, где находилась эта знаменитая страна, земля или остров.

Теангианги послушно сошел на землю и отправился в глубь острова, но не встретил никого. Наконец после долгих блужданий он подошел к маленькому высохшему ручейку. И здесь увидел множество трупов и костей.

ПРАВЛЕНИЕ АНУА МОТУА НА ОСТРОВЕ МАТАКИТЕРАНГИ (ПАСХИ)

К счастью для переселенцев, первый урожай на острове был хорошим. Следующий также был хорош, а последующие - и того лучше. Жители не боялись голода, и изобилие не заставило себя ждать.

Ануа Мотуа прожил на острове довольно долго. Все люди, окружавшие его, даже дети и внуки, повиновались ему беспрекословно. Он же испытывал к ним глубокую нежность, особенно к Теангианги, который был его любимым сыном. Ануа Мотуа посвятил его своему богу, и Теангианги стал еще более могущественным. Но дети хорошо знали, что над Мотуа все-таки стоит еще верховный вождь и, пока вождь жив, власть принадлежит ему. Однако из уважения и из-за боязни лишиться своей части наследства они старались не гневить почтенного старца.

Однажды, когда все они собрались в доме отца, один из них - Теангианги - спросил его:

- Отец, кому достанутся твои владения после смерти?

Старик подумал немного, а затем произнес:

- Моему внуку Рикитеа я отдаю Мангареву; сыну Хои Туатенукуроа, то есть район Таку; сыну Ререи - Кириау^a; сыну Ипо - Ангатаи-нуи на Коро^b; дочери Руанга - Тараваи - Мангаманга; дочери Мононги - Текоамарухиа Токиама; дочери Пуре - Мангаое^c; дочери Ануаити - Акамару Ратуе; дочери Топе - Мангатирокави^d; дочери Татутеа - Эиранге; Пуапуамоку - дочери Пингахере; Матакитеранги - моим сыновьям Пунинге и Марокуре.

Он замолчал, и все поняли, что отец выразил свою последнюю волю. Несколько минут в доме царил глубокое молчание: каждый думал о себе, о своей доле наследства.

Теангианги был опечален, при распределении наследства с его лица не сходило выражение удивления. Наконец он встал и сказал отцу:

- Ты, конечно, забыл обо мне; ты отдал все земли моим братьям, сестрам и сыну моего умершего брата Матагиакапаро; а мне ты разве ничего не оставишь?

- Сын мой, - ответил старик, - тебе я оставил больше, чем им. Я завещаю тебе все остальные земли до самого горизонта. Отправляйся в путь, и ты найдешь землю значительно большую, чем у них: я дарю тебе Темомонамуа^e.

Она разделена на две части: самая маленькая, с островками неподалеку, будет принадлежать твоему брату Мамарапе; другую часть, которая возвышается вдаль, большую землю, я отдаю тебе, именно она и будет твоим владением.

Мамарапе был сыном Ануа Мотуа от жены по имени Марапе; он умер рано, но дух его повсюду сопровождал Теангианги, для Ануа Мотуа он всегда оставался членом семьи.

Теангианги поблагодарил отца за щедрость и удалился вместе с другими детьми.

Через некоторое время Ануа Мотуа умер. Гробницей ему стал его дом.

Все дети стали владельцами завещанных земель. Пунига и Марокура стали править на острове Матакитеранги. Однако Теангианги не сразу отправился на поиски обещанной Ануа Мотуа земли: ему было очень трудно покинуть Матакитеранги, с которым его связывало много воспоминаний, и он прожил здесь еще некоторое время. Так как у него не осталось почти никакого имущества, он удалился к некоему Таикоко. Все с большим удивлением смотрели на великого жреца, ставшего таким жалким, но он не роптал и продолжал помогать своим двум братьям - Пунинге и Марокуре - обрабатывать землю. Каждый из них работал топором и мотыгой, расчищая ее. Все работали сообща. Но Теангианги знал, что Пунинга и Марокура не любят его и ждут лишь случая, чтобы избавиться от него; он все время опасался, что они воспользуются этими орудиями, чтобы убить его.

В конце концов он устал жить в постоянной тревоге и предупредил братьев о своем решении покинуть остров вместе со своими людьми, которые должны были стать его будущими подданными. Пунинга и Марокура не пытались его удерживать. Отъезд Теангианги освобождал их от постоянного беспокойства за судьбу своих планов на будущее.

Итак, Теангианги, его дочь Тахико и около двух тысяч человек погрузились на плоты и отправились на восток^f. Дух Мамарапе сопровождал Теангианги на плоту, здесь же находилось и тело Ануа Мотуа. Он увозил его с собой, чтобы тот помог ему найти новые владения^g. С этого момента о Теангианги и его спутниках ничего не было известно. Предания Мангаревы о них очень неясны и противоречивы. Одно из них ограничивается сообщением, что ни он, ни его спутники нигде не оставили следов своего пребывания. Эта версия после тщательного изучения кажется наиболее вероятной, однако в другой легенде, правда значительно менее распространенной, говорится следующее:

"Очень долго плоты Теангианги и его людей плыли по воле волн, и путешественникам пришлось перенести множество лишений. Дочь Теангианги - Тахико - чуть не умерла. Но однажды, когда она, страдая от жажды, по-

^a Киримири.

^b Гаватаке.

^c Атитуити.

^d Дукену.

^e Это слово, вероятно, означало - остальная часть земли, пространства.

^f По словам некоторых островитян, чтобы дойти до Авахики и дальше к завещанной земле Темомонамуа, надо было пройти мимо Таикоко-Рангирири. В этом направлении и отправился Теангианги после смерти своего отца Ануа Мотуа.

^g По другой версии, Теангианги в сопровождении духа своего брата и тела своего отца уехал с Матакитеранги на маленьком плоту.

просила отца дать ей кокосовый орех, Теангианги вдруг увидел на горизонте прекрасную землю: это была земля Темомонамуа, которую завещал ему Ануа Мотуа. Он благополучно пристал к ней вместе со своими спутниками, и все они обосновались там. Считают, что там он и умер".

Подробности здесь точны и определены, и в той степени, в которой мы вообще доверяем преданиям, я не могу переоценить значение этой, на мой взгляд, чрезвычайно любопытной Легенды.

Мы не можем ответить на вопрос, было ли переселение Ануа Мотуа совершено до или после переселения Хоту Матуа. Может быть, речь идет об одном и том же, но экстраполированном переселении?

Мотуа на мангаревском языке означает бог-отец, и матуа на рапануйском имеет то же значение. И еще более важно, что Ануа на мангаревском языке значит "холод", "туман", то есть Ануа Мотуа - значит "бог холода".

И как странно, место, описанное в легенде под названием Таикоко, напоминает Огненную Землю!

Если это правильно, то наши предположения, явившиеся результатом десятилетних изысканий в Тихом океане о переселении народов доколумбовой Америки в Полинезию и о ее заселении этим народом, были бы верны. Эти люди, так таинственно появившиеся в полинезийском пантеоне, - Туа, Тики и другие - пришли, как гласит предание, с Востока.

Не стоит здесь дальше развивать эту мысль, не то эти взаимопроникновения, эти потоки переселений, несущие новые необыкновенные знания и умения могут привести нас и к новым умозаключениям.

Перевод предания об Ануа Мотуа был сделан в 1912 году Эженом Кайо, но, так как к этому времени на острове не было проведено ни одного сколько-нибудь серьезного исследования, у нас нет возможности толковать какую-либо другую легенду. Поскольку древняя мифология архипелага Мангарева была еще не тронутой, работы Кайо по генеалогиям представляют интерес.

Каким образом мангаревская мифология могла дать точные названия землям, покрытым льдом?

Говоря о неразгаданной истории Матакитеранги, нельзя забывать о географическом положении и необыкновенных климатических условиях этого осколка лавы, на котором без переходных ступеней возникли самое оригинальное искусство и самая таинственная в мире письменность.

Некоторые ученые, узнав содержание тайного предания об изменении оси вращения Земли^а, были очень взволнованы им. Дело в том, что в какой-то определенный момент, когда остров Пасхи находился в нескольких милях от магнитного экватора, на другом конце его оси, как это легко можно определить по карте, был расположен участок земли, упоминаемый в этом предании. Совершенно очевидно, что если наши информаторы-рапануйцы не осмеливались или не могли сделать некоторые уточнения, то они все же знали о существовании антарктических территорий. И старый Веривери много рассказывал о древних землях, покрытых сейчас льдами Антарктики. Разве не удивительно, что житель острова, лишенного связей с внешним миром, мог рассказывать о земле, открытой нами совсем недавно. Причем он сообщал очень точные подробности, например, что на этой земле возвышается большая скала из красного камня, которая таит в себе неведомые силы. Просто невозможно сохранять невозмутимое спокойствие перед лицом такой осведомленности.

Глава VIII. ПОСВЯЩЕННЫЙ КОРОЛЬ

Итак, мы жили в Анакене, изо дня в день пытаюсь приоткрыть завесу тайны над островом Пасхи. Я вспоминаю звездные ночи, рассказы друзей островитян о жизни острова, о смерти Хоту Матуа, память о котором сохраняется здесь как память о счастье.

"Когда Хоту Матуа состарился и почувствовал приближение смерти, он созвал своих детей. Он разделил остров между ними, так образовались племена. Затем он сказал им: "Оставайтесь у моего изголовья, у ног моих и тела. А ты, - обратился он к одному из сыновей, - принеси мне воды. Когда я выпью ее, я умру!"

Он выпил воду и сказал: "Слушайте внимательно мою последнюю волю. Сейчас я позову вождя нашей родины - Хивы". На вершине Рано-Као он повернулся лицом к родной земле: "Е Куихи е Куаха, пусть запоет петух!"⁽³⁸⁾ С Хивы донесся крик петуха: "О оа Таке Хеухеу". И вождь умер".

Островитяне были разделены на восемь основных племен: миру, хаумоана, нгатимо, марама, нгауре, уре-о-хеи, тупахоту и коро-оронго.⁽³⁹⁾ Вскоре между ними начались междоусобные войны. Затем возникли два союза; первый завладел районом запад-северо-запада, второй - юго-востоком острова, в частности районом Хоту-Ити.

Несмотря на установленные границы и взаимную ненависть, члены одного племени часто женились на женщинах из другого, что приводило к созданию новых союзов. Однако это разделение на таком маленьком острове все-таки явилось своеобразной защитной мерой против кровосмешения, а надо сказать, что и до настоящего времени эта проблема является источником постоянных забот для ста одиннадцати оставшихся в живых после трагических событий 1862 года. В конце концов в результате таких связей и взаимоотношений на острове образовались сообщества, состоящие из нескольких семей, происходивших, например, от братьев или сестер, живших под одной крышей и руководимых мудрым старейшиной рода.

Каждая большая семья имела четкое иерархическое деление, являвшееся источником постоянных столкновений.

Как и все полинезийцы, живущие по древнему обычаю дарами моря, дома они строили вдоль побережья на небольших участках земли, не заходя далеко в глубь острова. Поэтому и создается впечатление, будто внутренняя

^а При наклонении оси земного шара 23°27'.

часть острова никогда не была заселена, если не считать периодически появляющихся там беглецов и побежденных.

Над всеми племенами стоял вождь, называвшийся арики-мау, а иногда - арики-хенуа, что значит "вождь земли".

Можно предполагать, что не все вожди пользовались равным уважением, и во время междоусобных войн некоторые из них даже попадали в плен. Только единицы, такие, как Хоту Магуа, обладали маной^а - внутренней силой, о которой мы еще будем говорить и которая позволяла им с честью выходить из любого затруднительного положения.

Вождь передавал свою власть старшему сыну после его женитьбы, а в момент рождения наделял его своей маной.

Резиденция арики, хотя, вероятно, и не всех, находилась в Анакене, где дом вождя, около 50 метров длиной, стоял над морем. Анакена - это большой цирк, окруженный черно-фиолетовыми глыбами базальта и окаймленный дугой розового песка, донесенного ветром до подножия аху со статуями.

Перед вами спокойный пейзаж этой страны бурь - последнего прибежища мореходов-полинезийцев.

Едва ли где-нибудь еще можно найти для резиденции арики более величественный и благородный ландшафт.

Когда заря, позолотив песок, проникала в прозрачную воду моря, оно превращалось в великолепный голубой опал, напоминая вождю лагуны его далекой родины.

Резиденция арики охранялась со всех сторон, чтобы никто не мог проникнуть сюда, так как и его жилище, и его личность были табу, то есть запретны и священны.

Никто не смел приблизиться к вождю, тем паче, заговорить с ним, не испросив предварительно аудиенции у специального слуги, называемого туура.

Никто не смел дотрагиваться до вождя, а вещи, которыми он пользовался, были священны.

Более того, голова вождя была настолько священна, что он всегда носил длинные волосы, потому что никто не смел состричь их. Голова вождя и особенно его волосы, считавшиеся приемниками и излучателями некой таинственной силы, - факт довольно интересный, поскольку он имел определенное значение в эзотеризме^б.

Один трагический исторический факт раскрывает значение маны, приписываемой волосам. Когда последний арики острова умирал от оспы в католической миссии, святые отцы решили состричь ему волосы. Вождь отказался, тогда они сделали это против его воли. Через несколько часов вождь умер, и островитяне до сих пор считают, что причиной его смерти были миссионеры, лишившие его маны.

Этому ребенку-вождю было восемь лет, и он был наречен именем Грегорио. Это был, как мы уже говорили, последний арики, и все уверены, что с его смертью мана покинула остров и поэтому священные черепахи, осуществлявшие магическую связь между всеми полинезийскими островами, не возвращаются более к берегам острова Безмолвия.

Вождь передвигался только на носилках, и это не только полинезийский обычай, он характерен и для доколумбовой Америки. Обычай этот диктовался тем, что вождь как бы передавал свою ману всему, к чему прикасался, в то время как эта сверхъестественная сила должна была сохраняться для блага народа, для получения хорошего урожая, удачной рыбной ловли, плодородия, для сохранения выводков кур, зачатия детей и т. д. Даже современные рапануйцы придают очень большое значение обладанию черепом вождя.

Вы, конечно, догадываетесь, какое забавное умозаключение сделал один из островитян, спросивший у меня, почему чилийцы бреют головы солдатам и заключенным и почему священник, не имеющий жены, тоже бритый.

Один или два раза в год вождь принимал подношения от своих подданных в виде гирлянд из раковин и цветов. Он председательствовал на празднике в Анакене в честь татуировки детей, которых ему здесь представляли; знаки татуировки имели большое значение и были табу.

Затем маори ронго-ронго - посвященные жрецы, которые с большим рвением и уважением обучали избранных знаменитым священным значкам, называемым сейчас идеограммами, - представляли вождю учеников школы Кохау ронго-ронго, школы, где учили писать на деревянных дощечках.

Сам вождь, сплошь покрытый изысканной татуировкой, скрывался в специально отведенном месте, чтобы сохранить для народа свою силу. Я хорошо представляю себе это живое воплощение маны, увенчанное перьями, в украшенном перьями пончо из тапы^с, наброшенном на синеватое от татуировки тело. Он жил в полном одиночестве, отдельно от жены, и заботился о нем специальный слуга, не имевший права даже смотреть в его сторону.

Вождь не был, как нам кажется, просто временным властителем острова, он был само воплощение высшей силы и древних традиций, в которые верил народ и которые вливали в него жизненную энергию.

Жрецы, выбираемые из благородных родов и жившие под сенью вождя, играли роль, о которой мы очень мало знаем, но которая походила на роль полинезийских жрецов, то есть они были хранителями и толкователями легенд.

Все это остается очень неясным, поскольку до нас дошло уж очень мало сведений о прежней религии, уничтоженной в 1862 году, когда большая часть людей, составлявших священную касту, была вывезена в Перу.

В 1864 году первый миссионер - отец Эжен Эйро - писал, что языческая религия более не существует. И хотя в это время еще можно было спасти хоть последние ее свидетельства, никто этого не сделал.

По тем сведениям, которые нам удалось получить, люди духовного звания назывались "туму иви атуа", что можно перевести как "потомки бога", или, точнее, "потомки костей бога".

^а Полинезийское слово, значит "сверхъестественная сила", которой обладают некоторые люди.

^б Эзотеризм - запрет, понятный только узкому кругу посвященных. - Прим. перев.

^с Материя из луба.

При той вере в загробную жизнь и в возвращение душ умерших, которые под именем акауку не только приобрели способность возвращаться, но, кажется, живы и до сих пор, роль жрецов заключалась в отвращении несчастья или порчи, приносимых этими духами. Причем обряд совершался, к сожалению, часто с помощью человеческих жертвоприношений.

Мы считаем, что пережитки, в которых миссионеры так любят искать доказательства ужасного язычества, - это просто следы выродившихся и ушедших в прошлое религий.

Невозможно представить себе, что народ, создавший такие каменные изваяния, не имел в прошлом очень утонченной религии.

Во всяком случае, известно, что эта религия обладала по крайней мере тремя основными божествами полинезийского пантеона.

1. В ритуальной песне о сотворении мира, записанной американцем Томсоном в 1866 году, говорится: "Тики Повелитель, соединившись с камнем, произвел на свет красную плоть. Тики Повелитель, соединившись с женщиной из песка, произвел на свет Хаухара".⁽⁴⁰⁾

Итак, от бога Тики произошли полинезийцы Маркизских островов, имя его встречается в мифологии Тихого океана.

2. В другой легенде говорится о прибытии на Тонгарики бога моря Тангароа. В облике тюленя он пришел, чтобы завладеть островом. Но есть еще и другое, быть может необычное, но более точное, свидетельство: одна из самых редких на острове скульптур - скульптура человека-тюленя, вернее, человека-нерпуха.⁽⁴¹⁾

3. Наконец, нам известно, что на этом острове, разьедаемом сезонной засухой, великий бог мореплавания Хиро стал богом дождя и, по-моему, еще и плодородия, так как островитяне называют "камнем Хиро" огромный монолит с высеченными на нем отверстиями и фаллосами.⁽⁴²⁾

У нас есть чрезвычайно интересный документ, объясняющий превращение Хиро из полинезийского бога мореплавания в бога дождя на Матакитеранги.

"Жрец, который должен был вызвать дождь, отправлялся на вершину горы и закапывал там кусок коралла, еще покрытого водорослями. Потом он просил Хиро пролить слезы, чтобы вернуть жизнь иссушенной земле".

Здесь мы встречаемся с оригинальной трактовкой мифа о море. Чем это могло быть вызвано? Очень может быть, что тема эта была заимствована и изменена неизвестной расой.

Отец Ипполит Руссель отмечает, что в 1864 году существовали и другие боги, а именно: Тиве, Рараи Роа⁽⁴³⁾ и Хауа - спутник Макемаке. Но мне кажется, что все они, кроме последнего, были обожествленными вождями, как это было принято когда-то на островах Маркизского архипелага. Но что касается мифологии острова Матакитеранги, то там главенствует великий бог Макемаке, сотни изображений которого можно встретить на скалах и в пещерах и память о котором жива еще и по сей день. В представлении островитян Макемаке был создателем земли, мужчины и женщины. Вот две легенды, записанные нами.⁽⁴⁴⁾

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Эфир, газы, пустота. Море, небытие вокруг. Мрак.

Первый трепет, первое слово, которое создало свет. Куихи-Куаха (магическое слово). Пусть высохнет земля! Пусть отодвинется море! Появилось солнце, яркий свет, Появилась луна, слабый свет. Появились звезды, Куихи-Куаха. Пришел Макемаке - прародитель.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Макемаке взял калебасу, посмотрел в нее, увидел свое лицо и воскликнул: "Старший сын Макемаке!" Появилась белая птица, села ему на правое плечо.

Воскликнула: "Куихи-Куаха те анга а Макемаке" (магические слова).

Макемаке собрал землю и придавал ей круглую форму, Рукой он проделал круглое отверстие посередине. Оттуда вышел молодой мужчина, Хе-репа.⁽⁴⁵⁾ Макемаке сказал: "Это нехорошо!" Он усыпил Хе-репа. Макемаке взял побег банана. Он вскрыл левую часть груди Хе-репа. Кровь потекла по побегу банана.

Тогда Макемаке подул на побег окровавленного банана. Родилась Уха, молодая женщина.

Этот бог Макемаке - создатель мира и жизни - похож на другие легендарные личности: Тики, островов Маркизского архипелага, и Туапа, архипелага Гамбье. Он - начало всех начал.

Но на острове Безмолвия Макемаке, по-видимому, к тому же основа традиции и очень важного, самобытного религиозного ритуала.

Глава IX. МАГИЧЕСКИЙ РИТУАЛ ИЗБРАНИЯ ЧЕЛОВЕКА-ПТИЦЫ

В легенде говорится, что бог Макемаке отправился на поиски морских птиц и пристал к острову Мотино-Хива (Сала-и-Гомес). Оттуда он пригнал птиц на Матакитеранги.

Чтобы люди не уничтожили их и не съели яйца, Макемаке поселил птиц на двух островках: Моту-Нуи и Моту-Ити, над которыми высится скала Оронго. Итак, именно эти островки и птицы связаны с возникновением культа тангата-ману - человека-птицы - и Макемаке, бога обитателей воздушных просторов. Если этот человек-птица ос-

тается одним из самых прекрасных и поэтических образов искусства острова Матакитеранги, то он остается вместе с тем и одним из наиболее интересных объектов для исследования.

Прежде всего сам факт, что птицы попали на остров почти так же, как голуби - посланцы Хивы, - и что их богом хранителем стал Макемаке, дает нам почувствовать то большое значение, которое жители острова придавали этому событию, этому живому свидетельству древних переселений с земли Хива. Достоверность этого мнения можно подкрепить и легендой. "Каждый год несколько "ману тара" ⁽⁴⁶⁾ содержались в неволе, пока не вырастали. Тогда на крылья им повязывали ленту из красной тапы, и жрец выпускал их, произнося следующие слова: "Лети, возвращайся на Хиву".

Бог Макемаке, по преданию, возглавлял когда-то самые важные церемонии на Матакитеранги, и некоторые островитяне утверждают, что его мана была видна: "Его одеяние было белым, как облако, обрамленное радугой".

Раз в год этот бог жизни освящал своим присутствием необыкновенный обряд оплодотворения и возрождения природных начал. Празднество происходило на скалах Оронго, с одной стороны которых находилось внутреннее озеро кратера Рано-Као, а с другой - великолепные островки, окаймленные сверкающей морской пеной.

В этом языческом празднике нашло свое отражение восторженное преклонение перед возрождением жизненных циклов.

К празднеству начинали готовиться с конца июля. В него входили церемония ожидания прилета первых птиц и добыча первого яйца - символа нового года и южной весны. Во всей Полинезии не найти ничего подобного, и рождение, или реминисценция, этого культа на острове, находящемся на самом краю земли, не может не волновать.

Нет ничего более таинственного, чем это ожидание с Хивы первого яйца, символизировавшего жизнь и власть. Яйцо, этот символ возрождающейся весны, этот сгусток жизни, было когда-то символом доисторических цивилизаций таких далеких отсюда стран, что никто не осмелится вспомнить о них, не вступив в область, граничащую с фантастикой.

Из многочисленных источников мы узнаем о магическом обряде, прекратившем свое существование лишь в 1866 году.

В июле все население острова собиралось на Матавери, у подножия вулкана. Там возвышались три громадных дога для собраний с сиденьями из обработанного камня. Мужчины и женщины из разных племен, вожди и воины, слуги тангата-ману ⁽⁴⁷⁾ - все встречались здесь во время исполнения песен и танцев.

Мужчины и жрецы выстраивались в длинную процессию и направлялись к Оронго по тропе Ао^a, извиляющейся вдоль голых склонов Рано-Као. Это была как бы процессия духов, так как кандидаты в тангата-ману назначались богом в видениях жрецов. Увенчанные диадемами из перьев петуха и фазтона^b, с лицом, расписанным красной и черной краской, с татуировкой, выступающей из-под хами^c, отмечая ритм ритуальной песни взмахами плясовых весел, посвященные приближались к вершине Оронго.

Кандидаты в тангата-ману оставались там, в то время как их слуги, называемые хопу-ману, должны были отправиться на островок Моту-нуи.

И вот наконец арики-хенуа давал сигнал, и хопу-ману плыли к островку.

Слуги подвергались серьезному, а иногда и трагически кончавшемуся испытанию, проплывая по фарватеру между Оронго и островками, где очень сильное течение.

По тропе, нависающей над пещерами и отвесно спускающейся вниз, хопу-ману подходили сначала к подножию огромной внутренней стены вулкана. Из стеблей тоторы, заполняющей кратер, они плели конический плотик, на который клали немного еды. Затем они бросались в море. Держась одной рукой за плотик, хопу-ману с трудом преодолевали течение, стараясь избежать встречи с акулами. Наконец они достигали крутого скалистого островка.

В ожидании прилета птиц и кладки первого яйца хопу-ману жили очень уединенно, в маленьких пещерах-гнездах, расписанных изображениями Макемаке ⁽⁴⁸⁾ и человека-птицы.

Ждать иногда приходилось очень долго, и, если море было бурным, хопу оставались без пищи. Днем и ночью они поджидали прилета птиц - ведь каждый надеялся стать обладателем первого яйца.

Хопу-ману скрывались в подземных пещерах, куда можно было проникнуть только через узкий темный лаз, и, прислушиваясь сквозь шум прибоя к пронзительным крикам птиц, внимательно следили за их скользким по ветру полетом.

Напряженность ожидания отразилась в больших круглых глазницах Макемаке. За время жизни на острове хопу-ману становился подчас совсем другим человеком.

А там, на скалах Оронго, возвышающихся над волнами, всматриваясь в летящих птиц, будущие тангата-ману, воины, жрецы и вождь ждали божественного сигнала.

Над утесами, покрытыми более чем ста пятьюдесятью петроглифами^d, отшлифованными ветром, раздавались песнопения.

В дар богу люди приносили лучшую пищу, чтобы умиловить его, чтобы он был благосклонен к ожидающим первого яйца и дал бы жителям изобилие.

Там же жрецы маори ронго-ронго, которые писали на дощечках из торомиро, рассказывали о вечной жизни, которую мы ищем на страницах этой книги, но которая умерла вместе с верой в возвращение "других людей".

^a Рапануйское название плясового весла.

^b Птица, отряд веслоногих. - Прим. перев.

^c Набедренная повязка из тапы.

^d Наскальные изображения. - Прим. перев.

Сидя на скалах Оронго, овеваемые ветром наблюдатели ждали первого сигнала с островка. Прекрасная пещера, находящаяся на головокружительной высоте отвесного склона вулкана, называлась "хакаронго-ману" - "место слушания".

И вдруг раздавался отраженный скалами крик жизни: "Брей голову!"

Забравшись на вершину скалистого мыса, называемого "Крик птицы", хопу-ману называл имя своего нового вождя.

Молча хопу-ману спускался к морю, окунал яйцо в воду и привязывал его к голове с помощью повязки из махуте. Все остальные хопу-ману, окружив того, кого бог наделил своей силой, без страха плыли к скале Оронго.

Незабываемое и величественное было это зрелище. В полном одиночестве, в сиянии ослепительного блеска лавы поднимался по головокружительным карнизам скалы хопу-ману, подходил наконец к новому вождю, которому и вручал драгоценный символ.

Как только наблюдатель узнавал и передавал имя нового тангата-ману, избранный сбрасывал волосы на голове, брови и ресницы, так как теперь он превращался в человека-птицу.

Посвященный повязывал ему руку повязкой из красной тапы, в которую был вставлен кусочек сандалового дерева. Этой священной рукой новый тангата-ману и принимал яйцо.

Мне кажется очень знаменательным этот кусочек сандалового дерева в качестве символа верховной власти, так как это - символ страны его предков. Во всяком случае, нам известно, что именно Хоту Магуа привез сандал на Матакитеранги^а.

В легенде говорится, что тангата-ману принимал яйцо на ладонь, покрытую красной тапой, и в этом великолепном жесте отражалось благородство церемонии.

Затем присутствующие, окружив временного, но священного вождя, в которого вселился бог, с песнями и танцами направлялись к подножию вулкана.

Вращая плясовые весла, люди сопровождали нового тангата-ману, который впадал в транс. Информатор также сообщает, что кроме красных и черных росписей на лице мужчины украшали свою голову париками из женских волос. Эта подробность интересна тем, что когда-то и на Маркизских островах существовал подобный обычай; там такие парики были привилегией жрецов и священным украшением^б.

Затем на Матавери устраивали большой праздник, во время которого совершались человеческие жертвоприношения.

Говорят, что после того тангата-ману должен был уединиться на крутом склоне Рано-Параку, возвышающемся над огромными статуями. В течение года ему предстояло жить там, соблюдая полное воздержание, нельзя было даже выходить в море. Он жил в маленькой хижине, смежной с хижинкой слуги, который кормил его ежедневными дарами, подносимыми жителями острова.

В течение двадцати лун он оставался земным богом, хранителем маны - жизненной силы года, которому он давал свое имя, полученное им в видениях. Хопу-ману, нашедший яйцо, также должен был на время уйти из своей семьи и не имел права своей рукой - табу - дотрагиваться до пищи.

Здесь есть следующие интересные сведения: воздержание, налагаемое на обладателя маны, уход и затворничество посвященных, устрашающая сила маны, этой руки, ставшей настолько же опасной, как и следы вождя. "Мана может убить!"

Все это можно встретить как в Полинезии, так и в доисторической Америке.

Священное яйцо подвешивалось в хижине до нового года, после чего его прятали в скалах Рано-Параку.

Когда человек-птица умирал, над ним совершался торжественный обряд в присутствии других тангата-ману, жрецов и вождей всех племен.

Вот очень любопытная деталь, о которой упоминает Альфред Метро и которая мне не была известна:

"Роль тангата-ману во время этой церемонии заключалась в том, что он отвязывал десять петухов от пальцев ног усопшего".

Можно себе представить, какое странное впечатление производил этот священный мертвец, распростертый на каменной площадке аху, с ногами, украшенными десятью живыми петухами. В этом обряде, встречающемся только на острове Пасхи, мы видим замечательную интерпретацию смерти человека, воплощающего собою птицу; а глаза его в это время устремлены в небо - на птиц.

Итак, в образе человека-птицы, воплощавшего новый год, бог Макемаке оставался жить на той земле, где вождь являлся хранителем его сверхъестественной силы. "Макемаке был вездесущ".

Мы хотим рассказать еще об одной церемонии, о которой имеется мало документальных сведений, но которая, вероятно также посвящалась этому богу.

После избрания нового тангата-ману в Оронго составлялся календарь празднества инициации детей, называемых поки-ману.

В сопровождении отца и, вероятно, не добившихся победы тангата-ману дети - мальчики и девочки - поднимались на Оронго с повязками из белого махуте на руках и ногах, с деревянной тахонгой за плечами (ее считают изображением кокоса).

Им стригли волосы и давали имя. Они жили в хижине, называемой Тау Рева, где в то время находилась великолепная статуя - "Рассекающая волны"; сейчас она в Британском музее.

^а На островах Маркизского архипелага было много сандаловых деревьев.

^б В давние времена на Маркизских островах священные предметы украшали человеческими волосами или бородами стариков.

Затем, вероятно, совершалась церемония в честь наступления половой зрелости и плодородия. Изображение Макемаке здесь потрясающе похоже на некоторые скульптуры, которые я видел на Мангареве и на Маркизских островах. Это было не изображение бога Тики, а какого-то другого лица; я встречал их в долине Омоа, на Фату Хива.

Мисс Раутледж, которая провела на острове Пасхи самые серьезные исследования, пишет, что в 1915 году ей удалось составить генеалогию из 86 имен тангата-ману.⁽⁴⁹⁾ Это очень важное сообщение, так как известно, что каждый тангата-ману давал свое имя новому году.

Если считать в обратном порядке от 1866 года - момента исчезновения последнего человека-птицы, то можно, примерно вычислить год зарождения этого очаровательного культа. Даже если допустить, что некоторые имена в этой генеалогии пропущены, мы все равно не можем насчитать более века его существования. Априорно можно отнести зарождение этого культа к 1760 году.

Напрашивается вопрос: не во время ли второго переселения был создан этот культ и низвергнуты статуи? В самом деле, Роггевен в 1722 году видел стоящие статуи и цветущую растительность. В 1770 году Фелипе Гонсалес и Хаедо записали, что во время захвата острова из толпы людей слышался крик "Макемаке" и что на акте о владении островом один островитянин нарисовал тангата-ману. А в 1774 году Кук уже отмечал низвержение статуй, отсутствие деревьев и цветущих культур.

Совершенно очевидно, что если второе переселение на самом деле было, то оно и привело к быстрому упадку религии.

Об этой так называемой языческой религии нам известно очень мало, но, как и во всей Полинезии, она находила свое воплощение и временное значение в табу и в медицине.

Система табу придавала жизни точный распорядок, и нарушение его могло повлечь за собой смерть. Прежде всего существовали табу на особу вождя, были табу, связанные с урожаем, табу на ловлю рыбы, в частности тунца, ловить которого в зимние месяцы запрещалось. Я заметил, что это последнее табу почитается и до сих пор, причем островитяне объясняют это тем, что мигрирующие тунцы в это время года вызывают астму. Вероятно, это табу возникло в результате неоднократных похожих заболеваний.

Нельзя было пользоваться новыми домами и лодками до посещения их арики-хенуа, передававшего им свою ману.

Запрещалось разводиться огнем или ловить рыбу вблизи покоящегося на площадке трупа, есть определенную пищу после смерти родственника. Были табу на собственность. И наконец, всеобщее табу на аху.

Сила Слова, Священного Слова воспринималась здесь очень остро, и, когда произносилось заклинание, люди верили, что оно обязательно исполнится; то же самое происходило и при нарушении табу.

Вероятно, жрецы, практиковавшие лечение лекарственными растениями, водорослями и травами, учили людей также и уважению древних традиций. Об этом свидетельствует захватывающая легенда, записанная со слов староро Веривери:

"Чтобы мужчина знал, когда он сможет соединиться с женщиной, надо в течение первых восьми дней новолуния смотреть на Манинао-о-хуа, "луну мужского пола". Надо найти женщину, соединиться с нею. Надо увидеть ребенка, родившегося от этой связи. Прекрасного ребенка.

Именно этих детей будут обучать ронго-ронго, приобщать к культу тангата-ману. Их будут обучать татуировке ног женщины, ее рук, ее щек. Именно их будут учить вырезать кохау ронго-ронго.

Ребенок, родившийся под уходящей луной, отличается от ребенка, зачатого и родившегося в новолуние, тем, что он будет средним ребенком, то есть без искры божьей..."

Здесь перед нами целое религиозное учение инициации, неотделимое от истоков жизни.

Жизнь в Анакене шла своим чередом.

Иногда мы видели, как наш кеч прятался в бухте, но, так как погода менялась быстро, он возвращался к Ханга-Роа или, в зависимости от ветра, отправлялся под прикрытие в Винапу.

Верхом на лошадях мы каждый день отправлялись либо на стрелку полуострова Пойке, либо вдоль северного берега, чтобы зарисовать петроглифы или сделать наброски аху. А на другом конце острова моя жена переводила и записывала легенды и рассказы. И благодаря постоянной помощи островитян удача сопутствовала нам во всем.

Однажды старый потомок династии вождей навестил мою жену и сказал, что через несколько дней, если она захочет и сможет получить для него разрешение на выход из деревни, он ответит ее на северный берег и вручит там череп вождя, который поможет нам во всех делах.

Пусть читатели простят мне, что я не называю в этой книге имена наших друзей островитян, но, учитывая отношение к ним властей и запрет продавать иностранцам какие бы то ни было древности (конечно, на чилийцев этот запрет не распространяется), я не могу и не хочу быть нескромным по отношению к этим людям, ведь они остались на острове.

Мы были очень обрадованы тем, что наконец-то сможем увидеть череп вождя. Обойдя тысячи глыб лавы, в глубине пещеры-тайника наш друг передал нам так долго хранимый в тайне череп.

Помимо волнения, которое мы испытали при одном его виде, нас поразило еще и то, что это был череп долихоцефала да и резцы зубов у него, не в пример современным полинезийцам, были безукоризненны.

После этого нам стало так везти во всем, словно этот череп и на самом деле обладал маной. За очень короткий период времени мы узнали много нового.

Так, перед самым нашим отъездом из Анакены один из островитян повел нас в такое место, где под нагромождением камней мы обнаружили потрясающей красоты базальтовую скульптуру длиной 1.2 метра. Манера исполнения ее чем-то напоминала скульптуры Тики с Маркизских островов.

Эти две первые находки, как и следовало ожидать, дали направление всей нашей дальнейшей работе. Мы уже понимали, что проблема исследования этого странного мира значительно усложняется.

Вспоминая первые доказательства дружбы и смелости рапануйцев, я должен категорически опровергнуть утверждения некоторых авторов, которые, проведя на острове лишь несколько дней или месяцев и не сумев понять некоторые сложные моменты его жизни, считают свои научные достижения своеобразной формой извинения за те бестактные замечания, на которые островитяне никогда не смогут им ответить.

Когда жители острова научатся читать и получат гражданские права, они будут плакать от стыда за тех, кто считал их ворами, лжецами, а их женщин - легкомысленными.

Глава X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ ОСТРОВА МАТАКИТЕРАНГИ

По утрам на острове слышен лишь шум ветра да блеяние овец, о которых так заботится губернатор.

К этому шуму ветра раньше внимательно прислушивались, так как считали, что он приносит вести о жизни на других островах.

Часто на пляже Анакены мы собирались вокруг какого-нибудь рассказчика и слушали его молча, так как речь нельзя прерывать. Он вспоминал рассказы, которые поведал его отец, помнивший еще песни каменотесов. Это были рассказы о другом мире, следы которого теперь не отыскать.

"Раньше дети жили совсем иначе, так как о них заботились атуа.⁽⁵⁰⁾ К четвертому или шестому месяцу беременности отец мужа (свекор) делал для невестки земляную печь - уму.⁽⁵¹⁾ В знак почтения к будущему ребенку он кормил мать потрохам цыпленка, а остатки от ее еды распределялись между членам семьи. Это подношение было священо.

Во время родов мать становилась на колени, а муж поддерживал ее, массируя тело для облегчения дыхания и родов.

Как только ребенок появлялся на свет, пуповину перекусывали зубами, но никогда не перерезали обсидиановым ножом и с большим почтением перевязывали, так как этим актом в теле ребенка удерживалась мана, переданная ему родителями. При родах присутствовал жрец и наблюдал за соблюдением ритуала, которому надо было точно следовать. Его видение в ночь перед родами указывало направление всей жизни ребенка".

И здесь, как мы видим, соблюдались ритуалы, практиковавшиеся у всех так называемых первобытных народов.

Пуповину и детское место либо с почестями закапывали в лоно земли, либо отдавали в лоно волн. Но при этом на Матакитеранги жрец произносил фразу, еще раз свидетельствующую происхождении этого маленького народа. Он восклицал: "Возвращайся на Хиву!"

"Затем на живот роженицы клали слегка нагретый камень, чтобы ускорить последние выделения, избежать рубцов на коже и облегчить сокращение мышц.

Спустя некоторое время, после торжественной церемонии мать получала из рук мужа первую еду, а в это время малыш давали его первое имя.⁽⁵²⁾ Так начиналась жизнь".

Часто, отпустив лошадей пастись, мы усаживались под навесом пещеры и задавали нашим друзьям островитянам бесчисленные вопросы. Один из них знал особенно много. Его отец был информатором Метро. Мы просили его рассказать нам, как жили дети.

"По утрам дети отправлялись играть к морю, они скользили на волнах, вытянув вперед руки или стоя на связках тоторы. (Эта игра, известная сейчас под названием surf-riding - "скольжение на волне", прежде была распространена по всей Полинезии.)

Сидя на мощеном полу перед хижинами, матери следили за ними, в то же время обучая самых маленьких игре с волчками из камня или из скорлупы ореха дерева науау. Другие учились играть в птиц с помощью летающего змея из тапы махуте, аккуратно натянутой на прутья из макои.

После совместной трапезы вокруг уму (земляная печь с раскаленными камнями, в которую укладывалась пища, завернутая в банановые листья и засыпанная сверху землей) дети либо отправлялись с родителями на рыбную ловлю или на плантации, либо тренировались в метании камней или копья из торомиро, а другие, сидя верхом на стволах бананового дерева, съезжали на них по склонам, покрытым травой.

Перед заходом солнца родители обучали детей ритуальной игре в веревочку, которая уцелела до наших дней и называется каикаи. Эта игра заключалась в том, что с помощью петли из шнура и обеих рук делали различные фигуры, которые были чрезвычайно сложными и должны были изображать какое-нибудь событие или реальный образ.

Во время выполнения фигуры полагалось распевать связанные с ней ритуальные песни.

Это была не просто игра, а способ тренировки памяти, подготовки к изучению письма ронго-ронго, что считалось большой честью.

Эти игры продолжались до полового созревания, которое не считалось раньше решающим этапом в жизни, а всего лишь моментом, который преодолевали весьма легко. В это время детей, мальчиков и девочек, объединяли в больших домах, называемых харе-нуи, где они обучались танцам и другим развлечениям.

Если было надо, дети помогали своим родителям в различных работах. Так было в мирное время. Когда начались войны, дети вынуждены были прятаться в холодных и темных пещерах, где многие из них умирали от голода".

Мы слушали все это в ночной тишине, из уважения к древнему обычаю не зажигая огня. Старики еще и сейчас говорят, что свет - это плохо, он слепит глаза ночи.

Мы думали о детях, скрывавшихся в темноте пещер, где они очень хорошо ориентировались. Старики говорят, что раньше люди якобы видели ночью, а потому могли видеть все и в пещерах. Если с детства привыкнуть к темноте и никогда не пользоваться искусственным освещением, то глаза человека приобретают способность видеть в темноте, как глаза некоторых животных. Это верно, и этим можно объяснить многие загадки археологии.

Спустя несколько дней мы обнаружили в одном из коридоров пещеры, более 100 метров длиной, прекрасно выполненные фрески. На потолке этой маленькой пещеры не было никаких следов огня, а когда мы расчистили пол, то, хотя и нашли много остатков пищи, не обнаружили никаких остатков древесного угля^а.

Такая праздная на первый взгляд жизнь ребенка регулировалась точным соблюдением обрядов, обучением табу, а в возрасте семи лет - первым ритуальным татуированием, определявшим его положение в обществе. По этому случаю один из братьев матери дарил ему цыплят, и дар этот ценился очень высоко.

Вот любопытные сведения о семействе куриных. Кроме крыс куры были здесь единственным источником мяса, и их настолько почитали, что строили для них удивительные сооружения, принятые первыми мореплавателями за погребения. Это были прямоугольники или овалы из каменных глыб с нишами внутри. К ночи владельцы загоняли кур в эти большие курятники и закладывали вход массивными, плотно подогнанными камнями. Эти харе моа строились в непосредственной близости от тростниковых хижин, так что куры находились под постоянным и бдительным надзором их владельцев.

Каждый день нам попадались остатки деревень, покинутых людьми. В глаза сразу бросалась явная непропорциональность аху с низвергнутыми статуями по сравнению с остатками домов, а также с харе моа и земляными печами. Статуи возвышались над деревней, устремив на нее свой взгляд. Обращенные спиной к морю, эти великаны, казалось, призваны были поддерживать мужество людей - пленников затерянной в океане земли. Диспропорция огромна, она напоминает о силе веры, благодаря которой люди, создавая гигантов, превзошли самих себя. Как будто в смутении они искали защиты в мире великанов.

Каменные гиганты прожили недолго, пожалуй, не больше двух веков; некогда возвышавшиеся над землей людей, они лежат сейчас, уткнувшись лицом в землю, принадлежащую овцам!

Часто, бродя среди развалин, вдруг испытываешь ужас, когда громадный неподвижный глаз вдруг уставится на тебя откуда-то из-под земли. Еще более ужасны лежащие на земле статуи. Они мертвы, их тонкие руки сложены на вздувшемся, как у трупа, животе, а по лицу, обращенному к небу, все бегут и бегут тени кучевых облаков.

Некоторые из них упали друг на друга, как те братья из Хиросимы, которые были поражены взрывом при выходе из дома.

Часами мы рассматривали лицо одной из статуй. Лишь силуэт ее виден на земле, но на лице с глазницами, заполненными водой, сохранился тонкий, удивительно прекрасный, хоть и изъеденный морской солью, рот. Эти сложенные для поцелуя губы умели говорить о любви, и, конечно же, это были глаза и губы старого Веривери, научившего и нас с любовью произносить - Матакитеранги.

Хижин деревни стояли под охраной статуй-великанов. Пять или шесть домов-лодок от 15 до 20 метров длиной, около 150 жителей - это была деревня аху, мирная деревня, так как тогда статуи еще стояли.

Мы пытались найти там жизнь, и казалось, что над крышами из тоторы и травы все еще курятся дымки под первыми лучами солнца.

Утром после проведенной в тесноте сумрачной хижины длинной ночи наступало оживление.

В то время как дети отправлялись купаться, мужчины и женщины принимались за свои обычные дела. Одни отправлялись в поле, другие - на рыбную ловлю, а третьи начинали строить новую хижину.

Строительство нового жилища требовало участия всех жителей деревни. Это была большая хижина, более 30 метров длины. Дело уже подходило к концу, но потребовались долгие месяцы предварительной работы по заготовке и обработке каменных плит, из которых сложено овальное основание. Прежде чем тщательно уложить их на ровной площадке, в них выдалбливали много широких отверстий, с большим трудом просверленных каменным сверлом. Сейчас люди старались закрепить в них каркас из стволов ти^б или сахарного тростника, согнутых, как остов лодки, и прикрепленных к тонкой несущей балке.

Некоторые плели циновки из тоторы, из них сделают крышу, а сверху уложат дерн. Как бы проектируя профиль крыши, руководитель строительства настилал в форме полумесяца пол из крупной обкатанной гальки.

Посредине дома был узенький вход, сделанный в циновках из тоторы. В законченном виде хижина, стоящая у подножия каменных великанов, казалась маленькой. Но эти дома в форме перевернутой лодки представляли собой великолепное проявление творческой мысли - ведь без леса иначе и невозможно было бы здесь построить хижину, которая смогла бы противостоять грозным ветрам, очень часто налетающим на остров.

Благодаря своей обтекаемой форме они не поддавались стихии и служили надежным убежищем.

Когда строительство жилища заканчивалось, в темноте дома аккуратно расставляли каменные изголовья с высеченными на них рисунками, раскладывали циновки, каменные чаши. Перед входом на двух каменных плитах устанавливали две каменные или деревянные статуэтки. После этого вождь освящал дом.

Некоторые из жителей отправлялись обрабатывать свой небольшой надел земли. Вооруженный деревянной палкой мужчина проверял, достаточно ли влажна земля, хорошо ли принялись растения, которые вместе с курами и рыбой были для него единственным источником питания.

^а То же самое можно сказать и о знаменитой пещере с фресками в Ляско.

^б Съедобное растение с довольно прочным стволом.

Жители деревни хорошо знали свою землю, им были известны сорок две разновидности ямса и двадцать - таро. Они знали, что смогут прокормить свою большую семью кумарой и бананами.

Брат нашего земледельца все же отправился в это утро на рыбную ловлю. Поскольку лодок было мало и они использовали лишь для ловли тунцов, он надеялся поймать рыбу у прибрежных скал. Он отправился один, захватив с собой сеть из волокна тутового дерева, драгоценный каменный крючок и несколько крючков из человеческой кости.

Во всяком случае, если ему не удастся поймать рыбу, он будет нырять и наловит лангуст или насобирает маленьких съедобных ракушек. Иногда удавалось поймать даже осьминога или морского угря.

Это было время, когда черепахи еще подходили к берегу, и какая была радость, когда ему удавалось поймать хотя бы одну!

Вернувшись домой, он прежде всего с помощью палочки, которую быстро вращал между ладонями, вставив ее в деревянный желобок, разводил огонь. Затем надо было нагреть камни уму. Так как древесины было очень мало, он использовал для этого стебли тростника, корни трав и заранее высушенные стволы банана.

Когда камни достаточно нагревались, их вынимали, печь внутри выкладывали зелеными банановыми листьями, на которые аккуратно раскладывали овощи, рыбу, кур, сверху опять клали слой листьев, слой горячих камней, а потом дёрн. Когда солнце поднимется в зенит, еда будет готова.

Тут открывали печь, и повсюду разносился такой восхитительный запах, что даже резчик по дереву бросал свою удивительную работу. Досыта наевшись, он будет работать потом до самого захода солнца.

В маленькой деревне наступало большое оживление, когда кто-то подвергался испытанию по татуировке. Вооруженный костяным гребешком, татуировщик быстро и точно наносил на кожу рисунок, когда в местах укола проступала кровь, он присыпал это место пудрой из жженных корней ти, отчего татуировка становилась более прочной.

Татуировка, которой иногда покрывали все тело, - типичный полинезийский обычай, - кажется, достигла здесь наивысшего расцвета, но, к сожалению, мы очень плохо об этом осведомлены, так как первые европейцы не позаботились о том, чтобы ее воспроизвести. Последний татуированный человек умер задолго до нашего прибытия сюда, и нам не удалось обнаружить ничего стоящего, если не считать нескольких очень простых фигур единственных известных нам репродукций на тапе, хранящихся сейчас в Гарвардском музее.

Все люди имели татуировку в зависимости от их положения в обществе, и стоит представить себе благородный, но подчас и свирепый вид группы татуированных воинов, чтобы понять то беспокойство, которое испытывали при виде их первые европейцы.

Пройдемся от хижин к хижине, быть может, нам удастся почувствовать ритм деревенской жизни. Вот человек вырезает моаи кавакава из куска торомиро. Каменным теслом - токи он придает статуэтке форму; эта работа требовала много времени: если дерево было слишком твердым, его надо было сперва слегка обжечь, и только потом уже можно было приступить с помощью мата^а к резанию скульптуры, которой будет любоваться вся деревня.

Так изо дня в день трудился он и только знай менял ломающиеся обсидиановые резцы. Когда статуэтка была закончена, начиналась бесконечная полировка, сначала с помощью маленьких коралловых терок.

Чтобы скульптурка выглядела красиво и была по-настоящему отполирована, надо было совершенно избавиться от шероховатости древесины. Для этого с помощью пуре - этой красивой раковины, которую женщины носили иногда в виде украшения, - соскабливали все неровности древесного волокна, придавая дереву блеск мрамора.

Когда статуэтка была совсем закончена, мастер инкрустировал ее глаза позвонками акулы, а в середину вставлял зрачок из черного обсидиана, придававший взгляду жизнь.

Месяцы и годы, дым и почтительные руки, в которых она побывает, придадут этой статуэтке блестящую черную патину, и она растворится в вечных сумерках хижины.

Вот на настиле перед хижинной женщина собирается делать лубяную материю - тапа из махуте. Из нее она сделает прекрасную накидку и наденет ее ночью, когда пойдет танцевать.

Деревянной колотушкой из очень крепкого дерева она разбивает луб, разложенный на гладком валуне.

Беспрерывно смачиваемые, волокна постепенно удлинялись, и лубяная ткань становилась пригодной для шитья. Затем она искусно сшивалась иглой из человеческой кости.

Рядом другая женщина плела головные уборы, чтобы потом обменять их на петухов или морских птиц. Она уже сделала много шляп. Одна из них - красивая шапочка из плетеного камыша, в которую с большим вкусом в подборе цветов были вплетены сотни петушиных перьев.

Диадемы, тоже из перьев, лежат рядом. Одни из них напоминают букеты, другие похожи на венки из цветов, хотя сделаны из мелких белых перьев.

А вот шляпа, которую чаще всего носили женщины. Она сделана из камыша тоторы в форме полумесяца, с элегантно приподнятыми краями.

Неподалеку от них девушка плетет корзины из тонких ремешков коры бананового дерева. Уже давно известно, что, смачивая кору бананового дерева, можно вытянуть из нее довольно прочное волокно. Это было очень важное открытие, так как когда люди Хоту Матуа прибыли сюда, то привезенные ими саженцы пандануса^б и маленькие кокосовые пальмы погибли, а они в то время умели плести корзины и шапки только из волокон этих двух растений.

^а Заостренный резец из обработанного обсидиана.

^б Род однодольных древесных растений. Из его листьев получают материал для плетения различных изделий. - Прим. перев.

Закончив работу, она покрывает свой плащ для танцев порошком, добываемым из куркумы^а, и он станет ярким, как солнце.

Часто с наступлением ночи вся деревня собиралась по случаю праздника. Еда всегда готовилась в уму - печи с нагретыми камнями.

Как и во всей Полинезии, пиршество проходило при точном соблюдении церемониала, с учетом социального положения каждого из участников. Сначала ели мужчины, а женщины прислуживали им. Лишь после окончания пира они могли поесть вместе с детьми.

Эти торжественные пиры были удобным случаем для публичной демонстрации богатств, в особенности перед представителями других племен. Но иногда здесь возникали жестокие споры и перебранки, заканчивавшиеся настоящими сражениями.

Эти пиршества, устраиваемые по самым различным поводам: женитьба, смерть, окончание татуировки или возведение нового дома собраний - заканчивались пением и танцами.

По этому случаю певцы задолго начинали разучивать новую песню или стихи.

К сожалению, нам мало что известно о музыке и танцах тех времен, но, по мнению многих авторов, они исполнялись примерно так же, как маркизианские рари; при этом мужчины и женщины сидели на корточках двумя параллельными рядами друг против друга.

Все песни имели свое определенное назначение в зависимости от того, были ли они священные, любовные или импровизации. Пение сопровождалось ритмичными движениями рук и покачиванием торса.

Долгими вечерами с момента нашего приезда на остров мы записывали еще не забытые старинные песни и были поражены полинезийским характером ритма и модуляции голосов.

Как в старых уте Раиатеа, один, более высокий, голос часто выделяется среди других, он ведет и оживляет песню.

Нам посчастливилось найти и записать звуки одного уникального ударного инструмента. Он зачаровывает, как гул земли на подступах к вулкану.

Выкопав круглую яму около 70 сантиметров глубиной, туда ставят калекану, а на нее кладут тонкую каменную плитку. Мужчина, называемый "вае" ⁽⁵³⁾, вставал на нее и одной ногой отбивал такт, по желанию изменяя резонанс инструмента.

Чаще всего игра на каменном барабане сопровождалась хлопаньем в ладоши, стуком морскими раковинами и аккомпанементом одного забавного инструмента. Это сохранившая зубы человеческая челюсть, которой в такт ударяли по дереву. Мы записали этот звук, похожий на своеобразный треск, который получается при трении зубов друг о друга.

Эти два единственных в своем роде инструмента еще раз подтверждают, что дерева на острове действительно не было.

Ведь, чтобы сделать барабан из акульей шкуры, как это принято в Восточной Полинезии, нужно прежде всего иметь деревья определенной толщины, а изучение деревянной скульптуры на Матакитеранги приводит к выводу, что на острове никогда не было достаточно толстых деревьев.

Что же касается танцев, то о них нам практически ничего не известно. Первые мореплаватели, правда, описывают какой-то танец с расставленными колоколом ногами, но, несмотря на все расспросы, мы не смогли ни выяснить его значение, ни узнать какие-нибудь другие танцевальные движения.

Здесь, как и повсюду, миссионеры запретили так называемые языческие танцы, и они исчезли, уступив место привозным, считающимся более нравственными.

Когда ночью мы записывали эти песни - последние отзвуки ушедшего мира, воображение, разбуженное торжественными модуляциями голосов, рисовало группы из сотен певцов, каменотесов, исполнявших песни любви, подхватываемые ветром.

Думая об этих певцах с телами, разрисованными четырьмя священными цветами: желтым, красным, голубым и черным, с диадемами из перьев на головах, такими же изысканными, как длинные накидки из тапы, развевающиеся за оголенными плечами, я сразу вспоминаю неповторимо чарующее впечатление, которое производил на нас женский голос, нежно выводивший мелодию песни Хивы, когда в безмолвии пещеры мы записывали его чистые звуки.

Изо дня в день мы бродили по лабиринту пещер, скал и утесов, отыскивая следы прошлого. Даже во взгляде наших друзей мы стремились уловить отражение наследственности, которая иногда совершенно неожиданно открывает завесу исторической перспективы.

Часто верхом на лошадях мы отправлялись исследовать большое поле лавы, спускающееся от подножия семи мой на Аху-а-Тиу к волнам моря. Там среди потоков лавы прячется сложный лабиринт гигантских пещер, среди которых скрываются глубинные сады.

Нам нравилось это название "глубинный сад", так как в нем сохранилась поэзия таинственного мира. Сады находятся в огромных открытых пузырях лопнувшей лавы, куда века и ветер нанесли слой перегноя и где хорошо сохраняется вода. Некогда люди сажали там махуте, банановые деревья и жалкие овощи, спасенные от гибели среди вулканических пород.

Удивительный сад, где обретаешь покой и спасение от ветра, возвращающего острову его забытую музыку. Более чем на километр тянется этот сложный лабиринт, отмеченный султанами зелени, выглядывающей на поверхность.

^а Род многолетних растений. Корневище куркумы дает желтую краску. - Прим. перев.

Огромные пещеры, где жили люди, окружены защитными стенами; узкие, выложенные плитами коридоры ведут к чистому, как кристалл жизни, подземному озеру, обнесенному парапетом.

Сотни мужчин, женщин и детей находили здесь убежище и воду. Ведь на острове, где нет даже маленького ручейка, легко можно умереть от жажды. Вот что сказал один из моих друзей островитян, когда я рассказывал ему о реках и водопадах Таити. Он сказал просто: "Страна, где не умирает вода". Здесь, на острове Пасхи, вода быстро умирает: она исчезает в трещинах лавы, но иногда ее, еще живую, можно найти под землей. Кроме трех озер - в кратерах вулканов, источников воды на острове почти нет, и, когда начались войны из-за перенаселения, эти источники приходилось защищать насмерть - об этом свидетельствуют кости, встречающиеся вокруг озер.

Этот остров познал смерть двух видов: эпоху насильственной смерти - войн, эпидемий, когда трупы не закапывали, а просто прятали в глубине пещер, и эпоху естественного угасания, когда немногочисленный народ владел островом и воздвигал статуи.

Итак, рапануец умирал, и его тело хоронили в склепе аху. Труп, завернутый в циновку из тоторы, как у гуанчей и у индейцев озера Титикака, будет гнить и высыхать на маленькой приподнятой площадке в нескольких метрах от аху.

Много месяцев он будет лежать здесь, отданный солнцу, ветру и морской соли, которые очистят его кости. Он - табу, и поблизости никто не посмеет разводиться огнем.

В то время как почтительно охраняемые кости будут покоиться вблизи маленькой деревни, где он жил, его свободная душа ночью отправится в По^а, где она будет жить счастливо только в том случае, если люди земли будут делать ей подношения. В противном случае она вернется в виде акуаку.

Даже после смерти человек сохранял свое общественное положение. Был ли он вождем или жрецом, воином или ремесленником, он оставался им и после смерти.

Итак, человек умер. Ближайший его родственник, называемый хозяином трупа, будет следить за тщательным соблюдением всех обрядов, побеждающих вечность.

Во время исполнения прощальных песен в уму готовится погребальная трапеза. Только хозяин трупа не смеет притронуться к еде, так как тоже подвергается табуации.

В различных вариантах этот ритуал встречается на всех полинезийских островах. Эта традиция распространилась на большие расстояния, как и весьма раннее приобщение к любви.

О якобы легкомысленных нравах жителей острова Пасхи много и грубо говорили. Таково было единодушное мнение первых мореплавателей, которых, однако, никто ведь не просил изучать этот вопрос. Полинезия стала лейтмотивом литературы немощных эротиков и ограниченных миссионеров.

И нам известны, конечно, неприглядные факты из сексуальной жизни островитян, но мы также знаем, что именно цивилизованные моряки принесли на остров сифилис, от которого потом погибло так много людей.

Мы знаем, что некоторые женщины острова отдаются чужестранцам, но ведь здесь, как и на многих других островах, всегда ужасно боятся кровосмешения.

Кровосмешение вызывало ужас уже во времена первых мореплавателей, оно стало страшным призраком с 1870 года, когда на острове осталось всего лишь сто одиннадцать человек.

О действительном отношении к женщине на острове можно судить по следующей фразе, которую произносил когда-то отец, давая своему сыну наказ перед женитьбой: "Пусть она страдает только тогда, когда приносит тебе детей". Известно, что женщин здесь уважали и помогали им в работе. Мы знаем, что нарушение супружеской верности могло повлечь за собой смерть, что среди благородных островитян брак разрешается только между родственниками не менее чем третьей степени родства, что разрыв четы был свободным, но права детей охранялись, что ребенка обручали иногда в очень раннем возрасте, но, став взрослым, он мог отказаться от этого союза, что некоторые вожди были многоженцами, а некоторые очень бедные мужчины соглашались на многожухие, и, наконец, нам известно, что на острове Пасхи знали такие же песни любви, как и во всем мире.

Мы услышали прекрасные любовные истории, как, например, историю девушки из Ханга-Роа, которая, не желая принять благосклонность чилийского офицера, убежала в запретный для островитян мир, перебравшись ночью через колючую проволоку.

Больше месяца она пряталась в пещере, куда по ночам приходил к ней любимый и приносил в ладонях воду.

Мы познакомились с этой обаятельной и благороднейшей девушкой. Только представьте себе: почти два месяца - в подземной пещере, где свободно бушует ветер. Два месяца почти без ищи, в холоде - ради любви...

Мы записали здесь песни любви, прекрасные, как песни Элюара.

Можно было считать, что наша научная работа успешно двигалась вперед: мы много узнали о жизни островитян, перевели множество преданий, определили значение некоторых слов из нашего удивительного словаря, сравнили результаты наших исследований с выводами Альфреда Метро, и именно он оказался прав: остров был заселен полинезийцами, пришедшими сюда, вероятно, из Восточной Полинезии между XII и XIII веками.

В этом мы были теперь уверены, хотя многие данные приводили к мысли, что вначале остров знал какую-то другую судьбу. Но здесь приходилось уже решительно отступать от законов общепринятой логики.

Однако пора отправляться строить базовый лагерь у ног великанов Рано-Параку.

^а По - потусторонний мир в понимании современных рапануцев. - Прим. перев.

Глава XI. БОЖЕСТВЕННЫЕ СКУЛЬПТОРЫ

Наш лагерь, окруженный каменной стеной, служившей загонем для овец, и защищенный четырьмя высокими эвкалиптами был разбит как раз напротив безукоризненно круглого кратера вулкана. Неделю за неделей из-за гребня кратера перед нами внезапно появлялась луна и исчезала, уступая место красавице Авроре. Каждую ночь мы слушали песни ветра, и порой казалось, что именно он подсказывает темы для бесконечных бесед

Раз в неделю из Ханга-Роа нам доставляли продовольствие. Что же касается воды, то для приготовления пищи мы собирали дождевую воду, а умывались сомнительной чистоты водой из кратера вулкана.

Моя жена продолжала работать в Ханга-Роа, а со мной жили три помощника-островитянина, женщина, готовившая для всех пищу, и мой компаньон англичанин Боб. Сразу же по приезде пришлось взяться за работу. Тщательно обследовав наружную поверхность кратера, мы решили до начала раскопок разобраться в кажущемся беспорядке разбросанных вокруг кратера статуй.

Хотя все статуи были установлены примерно на одной оси северо-запад - юго-восток, каждая занимала свое особое положение. Нам казалось, что взгляд каждого великана устремлен в какую-то определенную географическую точку или, возможно в сторону какой-то звезды.

Поэтому мы начали с тщательного определения их местоположения. В результате получился настоящий пучок расходящихся лучей. Этот факт, естественно, подстегивал наше любопытство. Не является ли это своеобразной проекцией звездного неба? Само название Матакитеранги заставляло думать именно так. Ответа на вопрос еще не было, но не было и тени сомнений в том, что все эти десятиметровые гиганты установлены на склоне вулкана по какому-то заранее обдуманному плану.

Надо было разрушить общепринятое мнение, заключающееся в том, что произведения искусства подчинены симметрии картезианской логики. Надо было искать, даже если мы шли по ложному пути.

Мы были уверены, что все статуи, изготовленные для установки на земле, отличались от тех, которые когда-то устанавливались на широких каменных платформах аху. Эти же статуи, как мы уже знали, высекали, чтобы оставить здесь под охраной вулкана.

Отличие этих статуй от статуй, устанавливавшихся на аху, удивляло уже с первого взгляда. По изяществу исполнения и по замыслу между ними было такое же различие, как между статуей Праксителя и ее бледной копией времен упадка Римской империи. Лоти, побывавший здесь в 1870 году, писал: "Здесь есть два рода статуй. Одни, опрокинутые, разбросаны по всему побережью бухты. Другие - страшилища, восходящие к другой эпохе, с другими лицами, все еще стоят на той заброшенной стороне острова, где больше никто не бывает".

Нас просто гипнотизировало это лучеобразное расположение статуй, полученное нами на листе бумаги, и однажды, не в силах больше оставаться в неведении, я отправился в Ханга-Роа, чтобы поговорить с женой и узнать, не сможет ли старый Веривери помочь нам разобраться в этом.

Мы получили очень быстрый и неожиданный ответ. "Нет, расположение статуй - не копия карты звездного неба. Все моаи Рано-Рараку священны и обращены лицом к той части света, над которой имеют власть и за которую несут ответственность. Именно поэтому острову и дали имя Пуп Земли.

Моаи, которые смотрят на юг, отличаются от остальных. Они сохраняют силы антарктических ветров и передают свою мощь огромному вулканическому красному камню, ограничивающему треугольник островов Тихого океана".

Перед нами открылось что-то новое, и мы не могли обойти это новое молчанием, тем более что все предыдущие исследования и решения сводились к различным языковым уверткам или сказкам про акуаку.

Дружба с рапануицами сулила открыть те двери, которые, можете мне поверить, наглухо закрыты для всех на этом овечьем острове.

Мы были потрясены, тем более что я все чаще получал от жены записки с переводами каких-то весьма загадочных текстов.

Преодолев это первое, так сильно заинтриговавшее нас препятствие, мы решили приступить к раскопкам. Однако, прежде чем непосредственно приступить к работе, надо было еще тщательно обследовать огромный карьер, разобраться в технике создания гигантов, добыть попутно другие сведения, которые могли бы указать направление работы. Это было увлекательное дело, и по вечерам в лагере вместе с тремя нашими помощниками-островитянами мы вели бесконечные беседы и выслушивали бесконечные истории, так как они не меньше нас хотели узнать историю своего острова. Для них, как и для тех островитян, которые помогали моей жене в Ханга-Роа, в этом заключался не только элемент познания, но и своеобразное воскрешение к жизни.

Каждый день, когда над гребнем Пойке показывалось солнце, мы покидали лагерь и быстро добирались до склонов вулкана. Очень трудно найти слова, чтобы описать этот удивительно спокойный и в то же время необыкновенно величественный вулкан. Кажется, будто он хранит легенду о каком-то неведомом нам мире, о котором мы смутно догадываемся, но тайну которого так и не смогли открыть. О нем писали: "Все путешественники, видевшие Рано-Рараку, были потрясены". Но после вот уже двадцати лет исследований стоит, вероятно, добавить, что каждого, кому довелось увидеть этот вулкан статуй, охватывало смутное беспокойство, подобное тому, которое так великолепно описал Пьер Лоти:

"К какой же человеческой расе отнести эти статуи, с чуть вздернутыми носами и тонкими выпяченными губами, выражавшими не то презрение, не то насмешку. Вместо глаз лишь глубокие впадины, но под аркой широких благородных надбровий они, кажется, и смотрят, и мыслят. По обеим сторонам щек выступы, изображавшие или головной убор, похожий на чепец сфинкса, или оттопыренные плоские уши длиной от 5 до 8 метров. На некоторых

надеты ожерелья, инкрустированные кремнем, другие украшены высеченной татуировкой. Нет, они совершенно не похожи на творения маори".

Именно это чувство испытывали и мы, и, вероятно, именно в этом и заключена самая большая тайна Матаките-ранги.

Перед нами стояли и лежали 276 великанов, и ясно было, что приблизительно еще столько же находится под землей. Не удивительно ли, что самый маленький из них - высотой 3 метра, а самый большой - 22. В них нет движения, но иногда они неистовы в своем неподвижном величии. Некоторые из них как будто совсем не похожи на остальных. По местоположению их можно разделить на две группы: одни внутри кратера, который как бы притягивает их своей зеркальной поверхностью, другие выходят из-за гребня вулкана и движутся навстречу океану.

Когда они остановились? Почему некоторые из них высечены из такого камня, который не поддается разрушительной силе ветра? Их не повредили ни дожди, ни ветры, ни песок, в то время как другие изъедены ими и покрыты мхом.

Островитяне говорят: "Те, на которых не растет мох, еще живые".

Утверждение это, по-видимому, не лишено основания. Известно из опыта, что некоторые так называемые магические предметы, изготовленные из меди, дерева или базальта, способны каким-то образом аккумулировать энергию.

Если исключить базальтовые, впрочем очень редко встречающиеся, статуи, остальные по качеству использованного камня можно отнести к двум эпохам. При этом можно ориентироваться также на более утонченный стиль, характерный для статуй первого периода.

Почти все статуи, стоящие у подножия вулкана, относятся первой культурной эпохе и не предназначались для транспортировки к аху.

По обе стороны гребня вулкана открываются громадные мастерские-карьеры, которые разрабатывались в разное время.

Совершенно очевидно, что самой первой мастерской служит карьер, расположенный снаружи вулкана. Здесь большая часть статуй тщательно отделана, тогда как статуи, находящиеся внутри кратера, значительно грубее обработаны и отделаны менее тщательно. Это создания другого народа.

Каждый день мы ходили по лабиринту между огромных статуй, но не переставали изумляться этому дерзновенному мастерству. Чтобы полностью использовать карьер, скульпторы вырубали изваяния, накладывая их друг на друга, используя буквально все возможности материала. Они высекали их и в профиль, и наискось, и даже вниз головой.

В этом лунном пейзаже они создавали великанов из другого мира, и, конечно, это производило ошеломляющее впечатление. Все здесь - само величие, и все волнует до глубины души. Кажется, что работы были прекращены внезапно, как будто все живое было сметено ураганом невероятного катаклизма.

Почему эти люди вдруг перестали создавать скульптуры? Какое ужасное бедствие свалилось на них? Все здесь брошено: каменные топоры, как будто обработанные людьми четвертичного периода, статуи, остановившиеся в своем движении, - все это вызывает самые необычайные ощущения.

Жители острова не могут объяснить ничего. Они рассказывают такую запутанную мешанину из легенд, что можно подумать, будто они никогда и ничего об этом не знали и что вовсе не они потомки последних скульпторов.

Они говорят, что колдунья, не получившая своей порции кушанья из лангуста, силой своей маны произнесла заклятие: "Моаи, замрите навсегда!"

Это и утомительно и фальшиво. На самом деле здесь есть что-то по-настоящему тревожное и тягостное. Все это свершилось в течение нескольких дней, так как более 80 статуй находятся в стадии изготовления. Работы прекратились внезапно, смерть пришла сюда так же неожиданно, как и к великанам, которые остановились в своем движении по дороге, спускающейся с вулкана.

Быть может, это была братоубийственная война? Может быть, это результат безумия вождя? А может быть, это вызвано близким падением метеорита? Или какой-нибудь ужасной болезнью? Почему знать. Во всяком случае, ниже мы расскажем о странных скульптурах, которые, как нам кажется, свидетельствуют о таком любопытном явлении физического вырождения, как изменения в строении позвоночника.

Что больше всего привлекает в этой гигантской мастерской, так это то, что здесь, как в огромной открытой книге, можно найти иллюстрации, поясняющие все методы работы. Нам прекрасно известна вся техника создания статуй. Группа из пятнадцати, или около того, каменотесов приступала к обработке обнаженной породы под руководством главного скульптора. С помощью отбойников из твердого камня, материал для которых они находили в том же карьере, каменотесы вырубали породу по контуру, обозначенному отверстиями, пробитыми главным скульптором на расстоянии 10 сантиметров друг от друга. Этот эскиз ограничивал форму и величину будущей скульптуры.

Бывало и так, что скульптура вырубалась с учетом рисунка обнаженной породы, иногда ее приходилось извлекать из настоящего грота. Основная трудность заключалась прежде всего в том, чтобы пробить с обеих сторон два прохода от 80 сантиметров до 1 метра длиной и 1.5 метра глубиной.

Как только эти проходы были готовы, мастера приступали к работе по созданию моаи.

Размеры моаи были всегда очень точными, и главный скульптор сам пробивал отверстия, определяющие положение будущей статуи. Иногда, отрываясь от породы, статуя падала на осколки камня или на пузыри из трахита, при этом она могла быть изуродована и обезображена, и тогда работа прекращалась. Здесь, в карьере, можно видеть много незаконченных и брошенных статуй.

После того как лицо, уши и туловище были готовы, начиналась самая ответственная часть работы - отделение скульптуры от основной породы.

С обеих сторон скульпторы буквально выгрызали породу вокруг всей фигуры великана до тех пор, пока не оставался лишь громадный позвоночный столб, похожий на киль корабля. Самым трудным делом было перерубить этот киль, не повредив статую.

Мы установили, что чаще всего породу прорубали с разных сторон, пробивая таким образом лоджии, в которые вставляли каменные опоры. Постепенно великан отделялся от скалы со всех сторон, и, наконец свободный покоился на ложе из гальки.

Тонкая работа по обработке спины и затылка могла быть закончена лишь после того, как моаи был установлен у подножия скалы. После этого его тщательно полировали кусками коралла. Так было сделано много великолепных скульптур. Они мне кажутся особенно значительными, поскольку среди скульптур периода упадка, создававшихся для аху, мы не нашли ничего равного им. На первых скульптурах когда-то были очень красивые ожерелья, чаще всего с зигзагообразными линиями, которые, по описанию Пьера Лоти, были инкрустированы обсидианом. Нам уже не довелось их увидеть.

Так вот, ни эти ожерелья, ни татуировка, а именно это хотели бы видеть некоторые авторы, не имеют ничего общего с полинезийскими украшениями. Нам часто попадались остатки рисунков.

На спине, на уровне крестца, встречаются три необычных знака. Это, прежде всего, ряд изогнутых в виде радуги линий, затем полный круг и, наконец, очень любопытный рисунок, напоминающий по форме заглавную букву М.

Альфред Метро писал, что это изображения набедренной повязки из луба, которую когда-то носили мужчины. Но я считаю, что объяснение, которое дал один из островитян, более правдоподобно. Он сказал: "Это изображения элементов жизни: Солнца, Луны и Молнии".

Это объяснение чрезвычайно интересно, особенно если вспомнить, что для местных жителей молния представляет собой то, что мы называем статическим электричеством. Может быть, это указывает нам направление для самых важных исследований.

Глава XII. КАК ПЕРЕДВИГАЛИСЬ ЭТИ КАМЕННЫЕ ГИГАНТЫ

Одной из серьезнейших проблем археологии острова Пасхи является вопрос о том, как перевозили эти статуи к аху, находящимся иногда за несколько километров от карьера. Эта проблема так и не решена, и даже работы норвежской экспедиции 1956 года не привели ни к какому результату. Тот моаи, которого передвигал Хейердал, ничего не доказывает.

1. Эта статуя - одна из самых маленьких, и передвигали ее с помощью веревок по песчаной поверхности, которая на всем острове Пасхи имеется лишь здесь, в Анакене. Это была ровная песчаная поверхность, почти без шероховатостей.

2. Самые крупные статуи, доставлявшиеся к аху, достигали 20 тонн. Передвижение таких статуй представляет ни с чем не сравнимые трудности, если вспомнить, что поверхность острова - это потрескавшаяся лава.

По этому поводу было сделано великое множество предположений, одни из них просто бредовые, другие - трудно приемлемые.

Некоторые авторы, например, допускали, что при перетаскивании разбрасывали по дороге батат и ямс! Попробуйте-ка представить себе это невероятное шпоре протяженностью в несколько километров...

Другие говорят, что под статуи подкладывали деревянные катки. Но где же рапануйцы могли найти для этого подходящее дерево? Вспомните только о жалких побегах торомиро, изуродованного ветром; ведь оно не толще бедра. Третьи говорили о салазках.

Да, конечно, веревку в то время знали, и нам известна ее текстура. Она была достаточно прочной, ну, а во всем остальном - это просто невероятное предположение. Можно опровергнуть возможность этого способа перевозки и по-другому: на статуях нет ни следов ударов, ни царапин, а ведь если бы их тащили многие километры на деревянных катках, то из-за относительной хрупкости вулканического туфа на статуях неминуемо остались бы царапины.

Совершенно естественно, что логика ищет доказательств, но самое удивительное - это категорический ответ рапануйцев: статуи передвигались с помощью маны. Странно, но ответ всегда один и тот же.

Наши информаторы уточняют: только два человека обладали маной. Люди должны были выполнять тяжелую работу по созданию моаи, но по окончании работ вождь передавал им ману для перевозки статуй. Все это сейчас невозможно, поскольку маны больше нет.

Не следует принимать эти рассуждения за шутку, так как, если ни одно из существующих объяснений не может быть принято, не стоит сразу же отбрасывать гипотезу, которая, может быть, и подтвердится впоследствии.

А что, если в определенную эпоху люди умели использовать электромагнитные силы или силы антигравитации? Это предположение безумно, но все-таки менее глупо, чем история с давленным бататом.

На склонах вулкана можно встретить и не такое. Например, статуи эти спускались над десятками других, не оставляя на них следов. А ведь статуи в 10 или 20 тонн представляют здесь определенную проблему, не так ли?

Возможно, следует отказаться от логики, которая подсказывает: если здесь происходили невероятные вещи, то и цивилизация здесь была необычайно развитой, хотя, как мы считаем, она находилась лишь на стадии полированного камня. В Африке, например, нам стали известны многочисленные совершенно непостижимые факты, сосуществующие параллельно с обществом, считающимся остановившимся в своем развитии или даже идущим к упадку.

Я с трудом сам верю в свои рассуждения, но не могу категорически отрицать такую возможность. Я не могу этого сделать еще и потому, что всего лишь двадцать лет тому назад кафедра археологии учила, что самая ранняя дата появления человека не превосходит 100 тысяч лет до нашей эры, а сейчас мы уже так далеки от этого утверждения. Островитяне говорят, что с исчезновением маны на острове все погибло, но ведь остались ошеломляющие свидетельства этого совершенно невероятного прошлого.

Парапсихология будет, вероятно, поколеблена на этом острове с таким таинственным магнетизмом.

Мне приходит на ум и другое утверждение одного из островитян. Он говорил, что "статуи двигались стоя, делая полуобороты на своем круглом основании". Как будто здесь применяли какой-то электромагнитный механизм с ограниченным полем.

Что же касается установки статуй на аху, то норвежская экспедиция попыталась логически доказать самую возможность сделать это. Решение правильное, но установленная ими статуя - одна из самых маленьких, вес ее не превышает трех тонн. Кроме того, они пользовались огромными деревянными рычагами, кажется из эвкалипта, который недавно появился на острове и растет лишь на некоторых защищенных участках. Но раньше здесь ведь не было деревьев.

При решении этого вопроса можно опираться также на данные о других циклопических сооружениях, возведенных в Полинезии, вспомним о прекрасно изученной нами технике создания мощных дорог. Единственное возражение заключается в том, что там были монолиты, а не двадцатитонные скульптуры, с которыми нужно и можно было обращаться совсем по-другому. А что сказать о красных каменных шапках, которые надо было поднимать на десятиметровую высоту уже после того, как статуя устанавливалась на место? Мы тщетно искали следы насыпей, которые должны были бы иметь длину по крайней мере метров сто.

Можно предполагать все что угодно, но перед лицом 22-метровой законченной статуи (высотой с семиэтажный дом), возвышающейся на горе Рано-Рараку, не устоит никакая логика. Подумайте только, голова и шея - 7 метров высоты и 3 метра в диаметре, длина носа - 3.4 метра, высота туловища - 13 метров, вес 50 тонн! В настоящее время в мире найдется не очень много кранов, способных справиться с подобной махиной.

Однако статуя существует, она обрамлена двумя на три четверти законченными коридорами.

Она сделана не для того, чтобы остаться там в качестве наскального изображения. Ее сделали, чтобы где-то установить. Иначе главный скульптор не делал бы эту безумную работу. Он, безусловно, собирался дать жизнь этому гиганту.

Для того чтобы поднять знаменитую статую "Рассекающая волны" высотой 2.3 метра, потребовалось 500 человек, оснащенных лебедками и другими необходимыми приспособлениями, и французский корвет "Ля Флор", несмотря на наличие всего этого, смог увезти только каменную голову, да и ту в очень плохом состоянии!^a Я не вижу никакой возможности перевозки этих статуй без использования бревен и веревок. Остров Пасхи максимум с 5 тысячами жителей - это не Египет или Тиахуанако, говоря о которых, некоторые археологи довольствуются тем, что валят все на армию рабов. Лучше уж сознаться, что тайна остается нераскрытой или по крайней мере что раскрытие ее надо искать как-то иначе - настолько она фантастична.

Прежде чем выбрать место для раскопок, мы хотели провести пробные выемки вокруг необыкновенной статуи, поднятой норвежской экспедицией. Она изображает сидящего на корточках человека. Эта скульптура, без всякого сомнения, - одно из самых интересных открытий на острове Пасхи и делает большую честь Хейердалу.

Открытие ее ставит под сомнение все теории о заселении острова. У тех, кто знает полинезийский стиль, не возникает никаких сомнений в том, что эта статуя человека с бородкой имеет совсем другое происхождение, доколумбовое, в чем я согласен с Хейердалом. Увидев эту статую, мы были потрясены ее сходством со знаменитой статуей бога ольмеков. Это произвело на меня особенно сильное впечатление в связи с тем, что я долго изучал этот народ, называемый "людьми соленой воды" и являвшийся, по некоторым данным, источником, из которого берет свое начало искусство майя. Статуя взбудоражила наше воображение. Сравнительно небольшая, она была установлена на откосе и, казалось, управляла этим миром великанов, в который ее забросила судьба. Она была воплощением иной истории, и мы мечтали найти другие предметы того же стиля.

Лишь за две недели до отъезда мы узнали, что это было вполне возможно, что такие предметы действительно существуют, но мы не смогли произвести раскопки, так как губернатор запретил их, не пожелав, однако, подтвердить это в официальном документе.

По-видимому, мы так и не сумели найти с губернатором общего языка в качестве "друзей латинян", а ведь он этого хотел!

Для исследователей, которым посчастливится работать на острове Пасхи, я изложу здесь некоторые подробности, переданные мне одним островитянином, нашим другом:

"На Рано-Рараку есть две засыпанные землей скульптуры - моаи женщин^b с круглой головой, они высечены целиком, тело вместе с ногами. Они находятся недалеко от моаи с изображением лодки на груди и левее опрокинутой статуи".

Я надеюсь и верю, что эти сведения верны, и пусть другие исследователи выкопают эти чрезвычайно важные свидетельства.

Сделав пробные выемки, мы решили начать раскопки на склоне вулкана, чтобы проверить, нет ли под землей других статуй.

^a В настоящее время в Музее Человека.

^b Очень важное уточнение.

Первым делом мы занялись расчисткой площадки и вскрыли настоящую лестницу из четырех статуй, расположенных по стадиям завершения. Перед нами сразу же раскрылся ясный и точный образец последовательности работы скульпторов.

Вторая площадка находилась в огромной траншее, шириной 20 и длиной около 60 метров. В этой траншее, пробитой руками человека, пришлось потрудиться и нам. Надо было освободить из-под слоя земли и щебня две замечательные статуи высотой 10 метров. Это были самые большие скульптуры, когда-либо выкопанные на острове, и их красота, тщательность обработки камня были ослепительны.

Здесь сохранились многие детали, которые мы не смогли увидеть на других статуях, испорченных эрозией. Кроме рисунка ушей, крылья носа и мускулы верхней губы были обработаны с замечательной лаконичностью и мастерством. Статуи первой эпохи оказались совсем белыми и прекрасно отполированными. Самыми замечательными были их руки, сложенные как раз на уровне пупка. Эти безупречные по форме руки с необыкновенно длинными и заостренными ногтями очень любопытная деталь в полинезийском искусстве, и Стефан Шове уже отмечал ее. А ведь, казалось бы, все открытые нами статуи должны были походить друг на друга.

Эти длинные ногти на руках, покоящихся в положении, характерном для позы созерцания, очень необычны здесь, особенно если вспомнить, что подобный обычай существовал только в Китае и у посвященных инков, где длинные ногти являлись признаком учености, отрешенности от грубого физического труда.

У нас имеется только одно свидетельство, связанное с подобной практикой на острове Пасхи. Некоторые дети, о которых мы еще будем говорить, содержались в пещере, чтобы сохранить белизну кожи, а после инициации они должны были отращивать ногти.

Вполне вероятно, что статуи первой эпохи с рисунками на спине, с пальцами, украшенными длинными ногтями (черты, исчезающие и вырождающиеся в статуях на аху), являются не портретами обожествленных персонажей, а образом самого бога - прародителя.

Во время раскопок на глубине 60 сантиметров мы обнаружили довольно много древесного угля, который мог бы дать хоть приблизительную дату прекращения работ по созданию скульптур. Пробные выемки вдоль склона свидетельствовали о том, что скала сплошь покрыта скульптурами моаи.

Самые крупные раскопки проводились нами на глубине 5 метров на протяжении 70 метров. Они принесли поразительные результаты.

Уже первая расчистка на глубине одного метра открыла первых двух очень интересных моаи.

Сначала мы обнаружили великолепную бородатую статую, вырубавшуюся вниз головой. Я не забуду нашего восхищения, когда из-под земли показалось плечо этого бородатого великана. Это была чудо-скульптура. Плечо, выполненное Праксителем из прекрасно отполированного камня.

Вторым чудом была самая крупная из всех статуй, высотой 10,5 метра и 5 метров шириной, колосс, в глазнице которого я легко мог улечься. А вокруг него было целое нагромождение статуй. Под козырьком искусственной ниши, нависающей над нашей площадкой, находился гигант с покрытым рисунками телом. У его ног был моаи, вырубленный из разрушившейся породы, наполовину обработанный и брошенный.

Рядом с ним, закрывая его огромным животом, лежал наш великан, а над его лбом покоилась совсем маленькая двухметровая статуя.

Продолжала ансамбль статуя, высеченная в профиль. Целый лабиринт чудовищ, разделенных искусственными коридорами, и вдруг у их ног - трехметровый сброс, откуда нам пришлось убрать тонны земли и щебня, чтобы добраться до шестиметрового нетронутого дива, лежащего плашмя на каменном ложе, отлого уходящем под землю. Этот великан цвета белой охры появился перед нами во всей своей первозданной красоте.

После того как земля была полностью вынута, а камни обмыты сильными дождями и высушены ветром, нашему взору открылся великолепный ансамбль. Друзья рапануйцы приезжали на лошадях посмотреть на наши находки, на наш труд - мы работали киркой и лопатой наравне со всеми. И пот, и усталость были для нас отзвуком титанического труда каменотесов, создателей этих богов-великанов. Мы переживали ни с чем не сравнимое время. После открытия этого переплетения статуй, этой лестницы жизни, одна вещь показалась нам непонятной и необъяснимой: как получилось, что эти и многие другие статуи, находившиеся внизу, оказались засыпанными землей и щебнем, тогда как наверху, на высоте 60 метров, другие скульптуры были очищены и готовы покинуть свои ниши? То ли скульпторы начинали обрабатывать скалу сверху и спускали статуи по склону, но тогда ведь нижние статуи должны были пострадать. То ли они начинали работу снизу, у основания скалы, но почему же тогда статуи, обнаруженные нами, не заканчивались и не перевозились по мере их изготовления?

Более глубокий анализ очень скоро показал, что все статуи, высеченные на вершине скалы по всей окружности кратера, были менее тщательно обработаны и камень там был худшего качества. Они относились ко второму культурному периоду.

Все это подтверждало наше мнение о том, что было два периода, две миграции. Карьер был заброшен на протяжении многих лет. За это время эрозия покрыла первый каскад великанов у подножия утеса. Вторая миграция, имея перед собой образцы из воздвигнутых великанов, ассимилировала, преобразовала, а потом и привела в упадок это великолепное искусство. Люди строили аху и в каком-то смятении устанавливали своих богов на платформы, как это принято в Полинезии. Но на протяжении всей истории, будь то в Греции, адаптировавшей египетское искусство, или в Риме, приведшем в упадок греческое искусство, или, наконец, будь то кельтское искусство, теряющееся в занесенном туда римском, - искусство посвященных вырождалось, как выродилось и у статуй на аху. Их глаза теперь видели только реальную жизнь.

Все это подтверждало концепцию Хейердала, и в особенности его исследования, проведенные по поводу замечательного Аху-Винапу. Существовало два больших периода созидания и третий - разрушения.

Именно во второй исторический период статуи и были установлены на перестроенные аху.

Так шаг за шагом продвигалась вперед наша работа, и мы были счастливы, как вдруг из Ханга-Роа пришло неприятное известие.

В связи с приближением плохой погоды стоянка на якоре у Ханга-Роа становилась опасной, и судно вместе с людьми, оставшимися на борту, должно было отсюда уйти.

Надо было что-то придумать. Единственное, что нам оставалось делать, - это отправить кеч на Таити, чтобы через шесть месяцев он вернулся за нами. Это было довольно трудное путешествие^a, и два наших товарища не могли совершить его без помощника.

Пришлось пойти к губернатору и предложить ему сложную задачу - разрешить одному из островитян покинуть остров. Ехать хотели все. Губернатор казался очень обеспокоенным, но он не мог нарушить международный закон. Как ни странно, эта проблема была разрешена за неделю, тогда как разрешения на проведение раскопок, так и не полученного нами, пришлось ждать более трех месяцев. И мне, и капитану пришлось подписать весьма любопытный документ о нашей полной ответственности за дела и действия увозимого нами человека. С этого момента мы должны были следить за ним, отвечать за все его поступки, как за поступки малого дитяти, так как на острове Пасхи рапануйцы не имеют удостоверения личности. А ведь нашему дитяти было за пятьдесят. Вся деревня была возбуждена: один из них увидит Таити - мечту всей жизни!

Губернатор и в особенности священник не разделяли радости наших несчастных друзей.

Накануне отъезда я был приглашен к Jefe Militar Gouverna - tor de la Isla de Pascua, который заявил мне, что без разрешения правительства он вынужден запретить мне продолжать раскопки, но он разрешает ("между нами, латинянами") закончить предохранительную стену, которую я решил возвести, чтобы не разрушить стратиграфию.

Вся деревня была потрясена этим решением, а доктор и другие чилийские друзья приходили к нам с извинениями. Мы чувствовали себя глубоко несчастными. Зная постоянную чилийскую любезность, мы были уверены, что, если бы мы могли слетать самолетом в Сантьяго, все было бы иначе.

Мы были здесь чужаками, и пришлось склонить голову перед монархами овечьего острова. В течение шести месяцев нам предстояло учиться улыбаться. Мы только приоткрыли завесу захватывающей тайны, но все еще было впереди: обследование плато Пойке, любопытный ров длинноухих, Оронго и особенно осмотр знаменитых сокровищ пещер.

Такое отношение властей дало самый удивительный результат: островитяне открыли перед нами все двери, закрытые в течение долгого времени для других.

В полдень наше судно снялось с якоря. Вот это было зрелище! Вся деревня собралась на берегу, чтобы присутствовать при великом отплытии, и все дети пришли полюбоваться на того, кто собирался осуществить сокровенную мечту этого маленького народа - свободно жить на Таити!

И в тот же вечер нам предъявили самое прекрасное свидетельство дружбы. От своих друзей островитян мы получили в дар знаменитую тетрадь, о которой так страстно мечтал Тур Хейердал.

Это была пожелтевшая от времени тетрадь, содержащая кроме замечательных текстов толкование на рапануйском языке почти всех тщательно нарисованных здесь знаков ронго-ронго. Это было так неожиданно и так справедливо. Ознакомившись ближе с тетрадью, датированной 1936 годом, мы поняли, что это была копия с каталога, составленного в 1915 году информатором мисс Раутледж. У нас в руках был документ исключительной важности.⁽⁵⁴⁾

Наши друзья быстро разнесли новость по острову, и очень скоро в весьма нелюбезной форме я был снова призван к губернатору, где мне заявили, что нам, как и Хейердалу, запрещается вывозить с острова древние предметы.

При таком отношении мне пришлось искать какие-то пути, чтобы выйти из создавшегося положения.

Узнавшие об этом островитяне нервничали и были готовы отдать нам все, во всяком случае, все показать.

Несколько дней я пробыл у жены, чтобы разобраться в собранных ею материалах и, главное, чтобы вместе с ней походить к больному проказой старику, отчаяние которого мне не забыть никогда. Моей жене и мне так приятно было видеть, как он радовался нашим посещениям.

Моя всегда восхитительная жена должна была теперь заниматься еще и детьми нашего моряка, которому мы это обещали. Мы жили в его доме, в окружении его большой семьи, и каждый вечер подолгу засиживались с 20-30 друзьями, чьи сердца учились биться по-новому.

Шли дни, и надо было спешить привести в порядок раскопки на вулкане до наступления южной зимы.

Оставалось сделать последнюю часть работы - навести порядок на площадке, где пробные выемки помогли нам обнаружить еще семь статуй, являвшихся как бы продолжением нашего ансамбля. Теперь мы были уверены, что статуи высекались в скале сверху вниз.

Оставалось еще отнять всю проделанную работу, снять все копии с петроглифов. Мы старались поймать солнце и запечатлеть величие пейзажа, в который вглядывались когда-то все эти статуи.

Взгляд этих глаз без глазных впадин странен, они кажутся то закрытыми, то открытыми, в зависимости от положения солнца. Этим, вероятно, и достигается таинственная и изысканная красота великанов без зрачков.

Часы, проведенные на вершине утеса... Мы не забудем их никогда. В мертвом молчании гибнущего острова здесь, как нигде, ощущалось биение совсем другой жизни.

До наступления сезона холодных дождей нужно было еще раз осмотреть плато Пойке, где один наш друг островитянин недавно указал местонахождение странных статуй.

^a 10 тысяч километров туда и обратно.

На заре мы седлали лошадей и во весь опор преодолевали те несколько километров, которые отделяли нас от утеса Пойке. Оттуда открывался великолепный вид: с одной стороны - громадный кратер Рано-Параку, как раз в тот момент, когда солнце только-только коснулось воды его озера, а с другой - необъятный простор моря, неустанно разьедающего этот утес.

Целыми днями мы ходили по плато и открывали на этой опустошенной земле множество непохожих на другие поселений. Нет сомнения, что в них жили или скрывались какие-то другие люди. Возможно, это были знаменитые длинноухие.

Драматизм нашего положения усугублялся тем, что мы предполагали провести здесь значительные раскопки, так как эти остатки поселений еще никогда и никем не изучались.

Однажды наш друг повел нас к маленькому аху, почти полностью погребенному под землей. Из-под земли виднелись в высшей степени оригинальные, сделанные из совершенно иного камня статуи. Материалом для них послужил тот необыкновенно твердый камень, из которого раньше делали "токи" - каменные топоры, как ни странно, носящие такое же название в Араукании и на островах Гамбье. Кроме размеров, а статуи были маленькие, поразила их необычная внешность: суровая и на редкость одухотворенная. Мы думаем, что именно они и были, возможно, самыми первыми.

Кто были эти люди, жившие на плато Пойке? Откуда они пришли - из Полинезии или из Америки? Как знать. Надо перекопать всю землю этого острова, чтобы добраться до истоков, но именно здесь, на Пойке, произошла, конечно, первая большая трагедия. Именно здесь жили и скрывались потомки первой расы. Все здесь другое: и топоры, и камни хижин, деревни, и наскальные изображения, и даже эта огромная голова, высеченная в скале, не похожа на другие.

Почему обе самые интересные пещеры обращены на восток и вырублены в передней части отвесной скалы Пойке? Возможно, именно здесь совершался уже упомянутый нами обряд. Именно здесь, в темноте, укрывали детей, мальчиков и девочек, чтобы сохранить белизну кожи, отрастить волосы и ногти, чтобы уберечь их невинность и дать им знания. Их называли "неру", и нам известна песня, в которой говорится:

Голова цвета земли, пещера древних неру, пещера "других людей"?

Мы знаем мало, но нам известен этот культ и песня, заканчивающаяся словами: "...пещера "других людей"!"

Известно также, что подобный обычай существовал в Андах и на Мангареве. Что же из этого следует? Надо искать новые свидетельства, черепа, привлечь сравнительную антропологию. Надо сделать все это, но для этого надо провести на острове долгие годы, а главное, как минимум надо иметь свободу действий.

Глава XIII. ГИБЕЛЬ НЕИЗВЕСТНОЙ РАСЫ. РОВ ПОЙКЕ

Загадочное плато Пойке спускается к Рано-Параку и заканчивается там любопытным рвом, упоминаемым в легенде. Многие авторы, в том числе и Хейердал, склонны верить легенде об истреблении длинноухих и именно так представляют себе прошлое острова. Другие же, например Альфред Метро и геологи, считают, что этот ров не что иное, как естественное образование, трещина, возникшая при столкновении двух потоков лавы.

Очевидно одно: эта трещина, полностью отделяющая плато Пойке от остальной части острова, тянется почти на три километра и является самой большой загадкой. Была ли она создана людьми? Использовали ли они ее? Нам предстояло разобраться во всем этом, а для этого взять два шурфа на глубину 5 метров.

Прежде чем делать какие-то собственные выводы, следует вспомнить легенду о войне между хану еепе и хану момоко.⁽⁵⁵⁾ В легенде рассказывается следующее: "Островом правили хану еепе - длинноухие. Они строили аху. На них работали хану момоко - короткоухие.

Заставив хану момоко сбросить все камни с плато Пойке в море, длинноухие приказали затем хану момоко расчистить весь остров, чтобы сделать всю землю пригодной для обработки".

Здесь возникает первое сомнение: трудно поверить в то, что все плато Пойке было очищено от камней. Скорее, может показаться, что это дело рук природы, ведь вулкан здесь не вышел наружу, а лишь приподнял поверхность, вспучив землю.

"Хану момоко отказались выполнить эту работу, заявив, что камни нужны им для приготовления пищи и для того, чтобы лучше росли деревья таро. Получив отказ, длинноухие удалились на Пойке и вырыли громадный ров, наполнив его ветками, стеблями камыша и травой, на случай нападения. Жена одного из длинноухих, которая по происхождению была хану момоко, предупредила об этом своих соплеменников, и они решили напасть на длинноухих по определенному сигналу. Когда они увидят, что Моко Пингеи (имя женщины) плетет корзину, группа воинов хану момоко ночью вдоль скалы должна будет тайно проникнуть на плато Пойке. Остальные хану момоко должны приступить к рытью рова. Так и сделали. Длинноухие подожгли ветки во рву, но были неожиданно атакованы с тыла, и лишь трое из них смогли спастись от огня.

Преследуемые хану момоко, эти трое оставшихся в живых укрылись в одной из пещер Анакены. Двое из них были убиты короткоухими, вооруженными копьями с обсидиановыми наконечниками, а третий, чувствуя приближение смерти, закричал, и голос его эхом отозвался в пещере: "Ороро, ороро!" Его пощадили и дали ему имя Ороина. Он женился на женщине хану момоко, от которой у него было многочисленное потомство".

Таково краткое содержание легенды, вызывающей у меня чувство скептицизма. Эта легенда кажется целиком выдуманной. Например, огонь, распространившийся на три километра, и бросившиеся прямо в него длинноухие! Надо было проверить эту гипотезу о рве. Мы произвели выемку грунта, и на глубине 5 метров обнаружился слой красной земли, как и было описано норвежской экспедицией, затем несколько веточек обожженного дерева, а точ-

нее, корней травы, но никаких следов того, что здесь, в этой гигантской печи, погибли люди. Да! Никаких следов. На полуострове Пойке не раз в сухой сезон горели трава и кустарник. Затем в течение многих лет дождь размывал почву, и все эти остатки скапливались в естественной трещине у подножия плато Пойке. Нам кажется, что Альфред Метро был совершенно прав. Но что же дальше? Один из потомков длинноухих^a дал нам несколько иное, примечательное объяснение.

Он подтвердил, что ханау момоко восстали против ханау еепе из-за причин, указанных в легенде, но, уточнил он, "их было около сотни, этих ханау еепе. Они были вынуждены скрываться на Пойке, но были окружены и во время сражения бежали к скале, которая в крайней южной части трещины возвышается над равниной Хоту-Ити. Там их перебили и изжарили в печи, называемой "ко-те-уму-о-те-ханау-еепе". Их земля была сожжена, а сами они были съедены...".

Эта легенда кажется более достоверной, но слышали мы ее только от одного человека^b.

Один факт, во всяком случае, совершенно очевиден: ханау еепе были скульпторами, и именно этим временем датируется прекращение работ в карьере. Произойти это могло около двух столетий тому назад.⁽⁵⁶⁾

Нам неизвестно происхождение тех, кого называли ханау еепе, длинноухие, или, правильнее, дородные, люди. Но может быть, записанная нами легенда о путешествии Ануа Мотуа поможет объяснить, откуда пришла эта неизвестная раса. Наш информатор рассказал, и это уточнение очень интересно: "Ханау еепе пришли на остров не во времена Хоту Матуа. Тогда здесь правил Туу-ко Ихо".

Интересная подробность. Согласно генеалогии вождей, по тетради, переданной нам перед отходом судна, это имя стоит пятым после Хоту Матуа, то есть, если считать, что поколение сменялись приблизительно через двадцать лет, это было примерно через сто лет после прибытия Хоту Матуа. Возможно, вторая миграция произошла именно в это время.

Информатор добавляет: "На Пойке жило много мужчин, но не было ни одной женщины".

Это приводило к ассимиляции, к сосуществованию и совместному труду этих двух групп.

Отсюда и преемственность обычаев, например удлинение ушей, распространившееся после уничтожения длинноухих.

Хотя мы и вынуждены сомневаться даже в некоторых наших собственных выводах, все же следует попытаться установить хотя бы относительно правильную хронологию, которая затем, в процессе работы, будет либо отвергнута, либо подтверждена.

1. По имеющейся у нас генеалогии, с момента прибытия Хоту Матуа до смерти маленького вождя Грегорио могло пройти около шестисот лет. Мы считаем, что люди Хоту Матуа, пришедшие откуда-то со стороны Маркизских островов, могли совершить это переселение к XII веку.

2. Согласно генеалогии верховных вождей Туу-ко Ихо, вторая миграция ханау еепе достигла Матакитеранги к концу XIII века.

3. По генеалогии потомков длинноухих, живущих сейчас на острове, этот народ был уже истреблен к 1760 году. Дата достаточно точна, так как Роггевен в 1722 году отметил, что статуи еще стояли, а Кук в 1774 году говорит об их частичном разрушении.

Итак, длинноухие могли жить и трудиться совместно с людьми Хоту Матуа на протяжении почти 350 лет. Этого времени, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы создать подобный некрополь.

Если бы эти приблизительные даты можно было уточнить, мы получили бы первую хронологию Пула Земли.

Даты эти придают нам уверенность в том, что последние две миграции были полинезийскими, но они ничего не говорят о том, было ли переселение до них и кто те люди, которые создали Винапу и статуи первой культурной эпохи. Очень может быть, что они пришли совсем с другой стороны.

Дожди возвестили наступление южной зимы, очень жестокой на Матакитеранги. Еще некоторое время пришлось нам прожить в лагере, чтобы убедиться в прочности водостоков на площадке, где мы вели раскопки. Нам еще предстояло работать в районе Хоту-Ити, где разбросаны остатки Аху-Тонга-Рики с пятнадцатью статуями. Это аху - одно из самых красивых, но оно почти полностью разрушено внезапным сильным приливом, последовавшим в 1960 году вслед за землетрясением в Чили.

Это аху, много раз описанное различными авторами, сохранилось как свидетельство катастрофы. Прилив 1960 года проник на 600 метров в глубь острова, покрыв мусором долину Хоту Ити. Тягостное зрелище заставляет, однако же, вспомнить о том, что мы говорили в начале книги - о мощном подземном процессе, сумевшем изменить географию некоторых островов. Имеется и еще одно подтверждение этому предположению. По свидетельству одного островитянина, рельеф берега не очень изменился, но сила трех последовательно обрушившихся на берег волн была такова, что громадные моаи, самые прекрасные из моаи на аху, были перевернуты и отброшены на расстояние около 100 метров.

А ведь эти моаи были от 7 до 9 метров высотой и весили по 20 - 30 тонн. Некоторые из них разбились, другие уцелели и лежат на спине, устремив взгляд громадных открытых глаз в небо.

Для нас это было зрелище не менее замечательное, чем вид моаи на самой большой глубине наших раскопок. Но у этих глаза были открыты, а их головы, их тела, распростерты на земле уже на протяжении двух веков, казались белыми, мертвенно-бледными под лучами солнца. Они были мертвы и живы как призраки, покинувшие свои

^a Мы намеренно употребляем здесь слово "длинноухие", так как именно оно встречается в легенде.

^b Этот человек - один из последних посвященных на острове.

огромные каменные гробницы. А некоторые из них свалились в проломленные склепы и, обезображенные, как будто выглядывали оттуда.

Со стороны моря открывался вид на великолепного, распростертого на земле великана, вырисовывающегося на фоне огромной разрушенной скалы Рано-Параку. Рассматривая этого моаи, мы вспоминали о проклятии Тонга Рики, брошенном им когда-то в адрес этих статуй: "Придет день, и море поглотит вас!" Здесь же находилась груда прекрасно обтесанных квадратных плит из камня, известного островитянам, по их словам, хотя мы ни разу не встретили его на острове. Одна из плит особенно примечательна. Шириной метр и длиной 5 метров, она представляет собой своеобразный архитектурный шедевр. Боковые поверхности слегка скошены, чтобы плиты точно прилегали друг к другу. Этот памятник был, должно быть, само совершенство.

Пошли сильные дожди, сопровождавшиеся ледяными шквалами антарктического ветра. Ночью наша палатка начинала опасный танец на паутине растяжек. Сила ветра достигала 10-11 баллов, и мы вынуждены были срочно построить заградительную стену, чтобы еще хоть одну-две недели прожить в лагере. Вой ветра, проникающего в глубь пещер, завершал трагическое великолепие ночи. Мы были счастливы, что познакомимся с островом и в этом его обличье, которое знали лишь немногие экспедиции, так как чаще всего они работали здесь только в сухой сезон. Мы радовались и тому, что наше судно ушло отсюда, так как море гневно билось о волнорезы из лавы и грохот доносился до нашего матерчатого дома.

Обязательно надо познакомиться с островом во время южной зимы, продолжающейся здесь от четырех до пяти месяцев.

Он совершенно преображается и становится похожим на Шетландские острова. Его лицо в это время года позволяет понять ту колоссальную травму, которую получили полинезийцы с райских островов, когда почувствовали себя узниками вулканов. Только теперь мы смогли понять и смысл пещер-убежищ, и даже смысл конструкции домов-лодок. Холод, дождь, одиночество, и иногда кажется, что остров вот-вот расколется под ударами волн.

Каждый вечер, с трудом разведя огонь под навесом палатки, мы ужинали все вместе, а потом долго не расходились. Хотелось почувствовать этот мир как можно ближе, поговорить, поспорить о пещерах-тайниках. Иногда мы отправлялись осматривать некоторые из них, так как наши друзья, из страха быть застигнутыми, предпочитали показывать их нам ночью. Часто директор Fundo - овцеводческой фермы военно-морских сил, один из немногих представителей власти, которого очень любили островитяне, приезжал к нам поздней ночью. Когда мы замечали свет фар его джипа, мечущихся и выхватывающих из темноты куски лавы, мы радовались вместе с островитянами, так как успели тоже полюбить его. Он всегда привозил нам из Ханга-Роа то немного хлеба, то письмо от моей жены, то ее ласковое слово. Часто он подолгу оставался у нас, а потом фары снова искали дорогу, и наступала бескрайняя звездная ночь. Мы засыпали под шум ветра и дождя, который барабанил по палатке.

Днем мы отправлялись на вулкан, чтобы еще раз осмотреть раскопки, очищаемые дождем и сверкающие от воды. Когда снова поднимался свирепый шквальный ветер, свет и вода, быстрыми потоками скачущая с одного великана на другого, снова начинали свою вечную игру.

Мы не просто жили у ног этих великанов - мы были околдованы ими.

Раскопки выглядели теперь великолепно. Огромная земляная насыпь слежалась и закруглялась, как крыша дома-лодки, а вокруг уже начинала расти трава, указывая границы вынутой породы.

Когда показывалось солнце, мы бродили по лабиринту из статуй. Иногда часами приходилось укрываться под туловищем какого-нибудь великана, наблюдая, как дождь обрушивается на этот застывший мир. Но дождь прекращался, и опять оживали лица великанов, и казалось, что глаза их, внезапно оживающие под лучами солнца, сквозь слезы созерцают незабвенные дали неба.

Эти глаза, заполненные прозрачной влагой, вдруг потревоженные ветром, были незабываемы.

"Матакитеранги!" - восклицал наш друг Теао. И весь остров преображался: он становился строгим и прекрасным, как зимняя Бретань.

Лица людей грубели, им было холодно, но все же менее холодно, чем их детям, для которых они уже много лет просят губернатора Jefe Militar de la Isla de Pascua продать немного шерсти на тюфяки. Но им уже много лет отказывают в этом! 7 тонн шерсти в год - и ни грамма для рапануйцев! Все для военно-морских сил, продающих ее на лондонском рынке.

Спальные мешки, одеяла сослужили нам службу, они помогли превратить палатку в своеобразный островок мира. Согревшиеся и счастливые, мы могли легко встать среди ночи и отправиться, как у нас говорили, "faire les grottes" - "полазить по пещерам".

Глава XIV. ПОДЗЕМНЫЙ МИР - ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Нам предстояло впервые открыть пещеру-тайник. На острове есть тысячи пещер. Они служили и укрытиями, и жилищами, и гробницами, но все они отличаются от пещер-тайников хотя бы уже тем, что вход в эти тайники обнаружить невозможно.

Однажды вечером мы решили исследовать одну такую пещеру, расположенную на равнине Хоту-Ити. Ночь была ясная, легко можно было обойтись без лампы. Полчаса ходу - и мы на месте. Осторожно, чтобы ничего не повредить и не оставить следов, наш друг раздвинул заросли папоротника, соскреб тонкий слой земли, потом прислушался. Ночное безмолвие нарушалось только топотом испуганной чем-то лошади. И снова молчание. Слышен лишь шум ветра. Очень осторожно он вынул одну, затем другую, плотно пригнанную каменную плиту, закрывавшую вход. Глазам открылся очень узкий, только-только по ширине тела, лаз, облицованный безукоризненно отпо-

лированными плитами. Один из нас остался наверху. Спустившись внутрь, мы зажгли факелы. Пещера была метров 10 длиной, но встать во весь рост в ней пока нельзя.

По обеим сторонам мощеного входа находились маленькие каменные ниши. Внутри пещеры мы сначала не увидели ничего, кроме грязи и ила, принесенного сюда приливом, затопившим Хоту-Ити. Раскопки, растянувшиеся на шесть дней, а точнее, на шесть ночей, начались сразу же.

Поскольку мусор наружу выбрасывать было нельзя, мы решили начать расчистку из глубины пещеры, постепенно отбрасывая землю к выходу. Слой грязи не превышал 40 сантиметров, и вскоре в глубине пещеры, заканчивающейся апсидой, мы добрались до пола. Постепенно перед нами вырисовывался каменный ковер, отполированный руками человека. В центре он был разделен странным желобом, шириной 10 и глубиной 8 сантиметров. К нему стекалось множество мелких желобков, исчезавших там, где свод соединялся с полом. Интересно, что желоб был заполнен киеа, красной землей, которой некогда мужчины и женщины разрисовывали себе тело и которая использовалась также для лечения ран и смазывания только что отрезанной пуповины.

По мере того как мы расчищали поверхность, перед нами открывался пол из настоящего полированного мрамора. Он сверкал при свете факелов, как листок, покрытый росой, на котором вырисовывались прожилки, красные от киеа.

После упорного труда мы расчистили наконец всю пещеру, образованную громадным пузырьком лавы. Это была либо пещера-больница, либо место, где происходил ритуал посвящения. Но вся эта масса киеа, принесенная сюда и потом зачем-то рассыпанная, нас очень заинтересовала. Пришлось долго рыться в мусоре, в углублениях стены, над входом в тайник, и именно там, в нише, мы вскоре нашли удивительный предмет - единственный на острове Пасхи. Этот предмет даст понять некоторым ученым, что, по нашему мнению, в исследованиях нужно учитывать не только полинезийское заселение острова. Это была маленькая фигурка из базальта, 30 сантиметров высотой, но, к сожалению, без головы. Изваянная в прекрасном стиле, она воспроизводила позу рожавшей женщины. Мои друзья воскликнули: "Это место, где женщины давали жизнь детям вождей!" Не знаю, так ли это было в действительности, но я был уверен, что мы находились в помещении, служившем чем-то вроде больницы, где принимали роды. В дальнейшем мы нашли также много ножиц из обсидиана, судя по их форме, они могли использоваться и для хирургических целей.

На острове Пасхи это было первое открытие такого рода. Однако самой важной и интересной была фигурка женщины. Как жаль, что у нее нет головы, которая могла бы очень помочь в определении ее стиля и происхождения. Ночи напролет мы искали ее в мусоре. Голова, вероятно, была отколота очень давно, так как излом был старый и имел такую же патину, как и вся фигурка. Но откуда появилась здесь эта статуэтка?

По этому поводу, естественно, возникает много мнений. Во всяком случае, если бы она была не единственной на острове, проблема выглядела бы иначе.

Произошло бы то же самое, если бы мы нашли глиняную посуду, которую так упорно искали, вспоминая указания Роггевена, первого европейца, побывавшего на острове: "Для приготовления еды они, как и мы, пользуются глиняной посудой". Именно такие мелкие факты могут опрокинуть любые предположения.

Это была первая пещера-тайник, которую нам удалось увидеть. Перед нами открылся другой мир - подземное царство. В последнюю ночь все опять было тщательно замаскировано, сомкнулись листья папоротника, и в пещере, быть может навсегда, воцарился покой.

Все чаще и сильнее лили дожди, становилось все холоднее, и вскоре нам предстояло покинуть лагерь. В те несколько дней, которые оставались, мы с утра отправлялись к пустынным местам через блестящее от дождя плато Пойке.

После сильного дождя мы находили там то каменные топоры, токи, то каменные развалины дома, как будто нагроможденные колдуньей. По плато бродило около 10 тысяч овец, мокрых и тупых. Пугаясь наших лошадей, блея, они бросались в глубь вечной пустыни, по которой бродят день за днем.

Завтра, чтобы помочь нам перевезти лагерь, придет джип директора Фундо. Только один день нам осталось провести в этой гигантской пустыне, а осмотреть надо было хотя бы бегло еще два места. На холме, обращенном к заливу Лаперуза, друзья рапануйцы показали нам изумительный дом-лодку. Огромные камни его фундамента были сплошь покрыты наскальными изображениями^а. Это был единственный дом такой величины и с такими украшениями, который нам довелось увидеть здесь. Обработка камней и расположение дома позволяют предположить, что он был, вероятно, одним из самых красивых на острове, и я снова и снова вспоминаю эту вечно новую архитектуру, вписывающую свои строгие линии в хаотический пейзаж.

Последнее паломничество к вулкану. Горько покидать этих вечно безмолвных, стоящих и лежащих каменных великанов.

Пошел дождь, и утес засверкал миллионами причудливых отблесков. То тут, то там в лужах отражались изменчивые лики статуй. То тут, то там, обещая дождь, бродили, собираясь, тучи.

Я стоял, внимательно вглядываясь в лицо великана, испещренное щербинами, как будто после какой-то странной оспы. Один из наших друзей, увидев, как внимательно я рассматриваю эти пятна, сказал: - Франсис, ты знаешь, что это такое? - Нет.

- Такими цветными точками покрывали лица ученых, изучавших небо.

Это небо, расцвеченное в нашу последнюю ночь яркими точками звезд, было небом безмолвия.

На рассвете лагерь был снят. Начинался дождь, и мы с покорным безразличием ждали джип.

^а Эти камни следовало бы выкопать, чтобы тщательно изучить изображения, которые кажутся мне чрезвычайно интересными.

Мы возвращались в деревню к людям, а позади, как будто стараясь спрятать от нас скалу богов, скакали на лошадях наши друзья. За ними мчался табун одичавших лошадей, вздымая в воздух землю острова, уже превратившуюся в прах.

Остановка в Ваитеа, на ферме морского ведомства. Здесь есть вода, и, когда английская компания захватила власть на острове, именно здесь был создан животноводческий центр. Эвкалипты и цветы вокруг дома нашего чилийского друга изменили пейзаж, придав ему некоторую мягкость. Изысканная вежливость, небольшой отдых, и снова в путь, к нашему убогому дому, где ждет нас моя жена.

Дорога, если ее можно так назвать, извивается между камней до самых ворот лагеря Ханга-Роа. Сигнал автомобиля - сторож торопится открыть ворота. Мы, белые, въезжаем быстро, очень быстро, так как я спешу к людям, которых люблю и которых солнце и дождь раскрасили, как индейцев.

Глава XV. ЛАГЕРЬ ЛЮДЕЙ

Обнаружить здесь то, что называют цивилизацией, то есть найти истинные источники, питающие человеческий разум, оказалось трудно.

Меня сразу же вызвали в jefatura militar^a, чтобы ознакомиться с планом нашей дальнейшей работы. "Confonne, Senor! Я хотел бы на несколько дней остаться здесь, со своей женой". "Conforme!"^b

Должно быть, произошло что-то сверхъестественное, так как представители власти волновались.

Причиной тому было вот что. В доме старого Пакарари, матроса и нашего друга, в этом убогом жилище, собирались по вечерам дети и их родители, чтобы поговорить с нами, послушать магнитофон, узнать о том, что на свете есть джаз, что жизнь прекрасна и прекрасно чувствовать себя свободным!

Что случилось? Ничего, ничего, Франсис. Неправда, скажи же!

О, я просто устала бесконечно разезжать на лошади в поисках продуктов. Я ходила к сеньору губернатору с просьбой, чтобы мне, как и чилийцам, выдавали говядину и молоко. Отвечают: "Молоко? Невозможно, его очень мало, только для детей чилийских властей".

- Вот как! Для цветных детей на острове Пасхи нет молока. И это в 1964 году!

- А в очередь за мясом надо записываться с 6 часов утра. Три килограмма на семью в неделю. - Но ведь нам надо прокормить 20 человек! - Ответ один: "Это рапануйцы? Тогда это ваше дело". Все это, конечно, очень печально.

В конце концов, ничего страшного, будем питаться, как островитяне. На острове все это делается в открытую, а редкие туристы, проводящие здесь десяток дней, и официальные лица, прибывающие сюда, чтобы поближе познакомиться с местными девушками, не знают или не хотят знать об этом.

Кто же из этих бедняг осмелится сказать им правду?! Теперь-то я знаю, что у них есть все основания бояться говорить об этом. Кто из них осмелится сказать, что одиннадцать месяцев и двадцать дней в году ворота Ханга-Роа заперты? Что раз в месяц людям, у которых, естественно, нет денег, бесплатно выдают по одному барану на двоих? Что животные эти имеют болезненный вид? Шерсть с них состригают для военно-морского ведомства, и остается покрытое слизью мясо, от которого болеют дети. Здесь царит хроническая дизентерия.

На 40 тысяч овец на острове нет ни одного ветеринара!

Мало кто интересуется сегодня жителями острова Безмолвия.

Пусть читатели простят мне эту маленькую защитную речь. Но это дело чести, без этого этнология - мертвая наука.

В течение оставшихся трех месяцев мы должны были организовать нашу жизнь так, чтобы, соединив приятное с полезным насколько это возможно, облегчить жизнь наших друзей и одновременно завершить очень трудную работу.

Всю ночь лил дождь, и цистерны заполнились водой. Всю ночь мы латали водостоки, сделанные из консервных банок. Уже угадывался рассвет, когда, разорвав тишину, раздался крик, передававшийся от хижины к хижине: - Мир! Мир!

Таким же криком когда-то встречали Роггевена. Корабль! Здесь, на острове, это слово приобретает совсем другое значение - Жизнь! Жизнь! Именно так здесь его и следует понимать.

Для них корабль - это радость, это возможность обменять скульптурки на одежду и другие заморские диковинки.

Эти новые, прибывающие издалека люди говорят иногда так спокойно и так ласково.

Вдали виден американский линейный тральщик, выбирающий место для стоянки.

А в это время к бухте устремляется безумная кавалькада: женщины и дети скачут по двое и по трое на лошади с мешками, набитыми скульптурками, резными тростями, ожерельями. Теперь они смогут обменять их и хоть чем-то скрасить свою жизнь.

Мы тоже счастливы - ведь и мы сможем несколько часов поговорить на другом языке, услышать новости, свежие остроты.

А на берегу бухты - базар. Как только американцы сходят на берег, все набрасываются на них, пытаясь обменять принесенные предметы... Американцы хотят покататься на лошадях. Смешно смотреть, как большие неуклюжие моряки трусят, волоча по земле ноги, а потом срываются в галоп и теряют на ходу фуражки и пачки сигарет,

^a Военная комендатура (исп.). - Прим. перев.

^b Хорошо, сеньор! Пожалуйста! (исп.). - Прим. перев.

которые тут же подбирают островитяне. Оке! Бедные островитяне тут же подхватывают это слово - оке - и смеются, смеются!

Вскоре мы узнаем, что это океанографическое судно с группой ученых на борту.

Хотя губернатор и забыл представить нас гостям, они все же наносят нам визит вежливости.

Очень быстро мы находим общий язык, и, увлеченные нашей работой, они решают отправиться вместе с нами ко рву длинноухих.

Едва лишь они увидели рельеф местности и обнаруженный нами в двух местах излома почвы конгломерат древесной пыли, похожий на легкий непрерывный фриз, на их лицах появилось знакомое и понятное нам выражение. Исчезли все сомнения. По мнению группы геологов, это остатки огня, горевшего не только во рву, но и по всему плато.⁽⁵⁷⁾

Из обоих наших шурфов они взяли наиболее характерные образцы. Сфотографированные и пронумерованные, они в дальнейшем будут изучаться в Калифорнийском университете.

На обратном пути мы осмотрели нашу площадку на Рано-Параку, и я смог дать им множество образцов угля дерева ги, оставленного в разрезе, сделанном при расчистке одного из десятиметровых моаи.

Три дня оставались исследователи в деревне, и, после того как я рассказал им об истинном положении несчастных островитян, они стали приносить им разные подарки и сигареты.

Накануне отъезда они попросили меня указать им лучших скульпторов острова. Мы решили, что будет проще собрать их всех в одном месте с товаром.

Американцы были поражены, когда я сказал им, что они смогут расплатиться бельем, обувью, мылом, сигаретами. Вечером все собрались в доме Хуана, который очень искусно украсил вход, приготовил чай и немного бананов. Все были восхищены, а американцы ошеломлены и растроганы всем этим. Затем началась вакханалия. Каждому хотелось купить побольше скульптурок. Споря друг с другом, они выкидывали из морских мешков груды курток, брюк, обуви, зажигалок...

Надо было видеть, как все смеялись, примеряя эти куртки, обувь при свете ламп. На это стоило посмотреть. Наконец все было кончено, как вдруг один американец, которому во что бы то ни стало хотелось заполучить каменную скульптурную голову, снял с руки часы и отдал их скульптору. Я до сих пор не могу забыть, как тот ошеломленно посмотрел на меня, не зная, что сказать. Так ребенок смотрит на отца, не осмеливаясь взять что-то без его разрешения.

Вскоре американское судно покинуло остров, а вслед за этим, как всегда после ухода судна, закрылись ворота Ханга-Роа. И снова на острове тишина, дождь.

Каждый вечер мы собирали у себя в доме всех стариков, у которых в памяти могли еще сохраниться обрывки старинных песен. Часами мы выслушивали их споры, следили, как они, помогая друг другу, вспоминали отдельные фразы из песни каменотесов, и вечер за вечером мы восстанавливали Легенду.

Сидя в теплом доме, мы прислушивались к порывам ветра, который, казалось, вторил возрождающейся песне. Когда старики вспоминали песню целиком, они разучивали ее вместе с другими присутствующими, а затем уж мы записывали все на магнитофон. Медленно и величественно лилась песня. Но певцы не осмеливались подчас посмотреть друг на друга: им было стыдно, так как иногда никто уже не понимал слов древнего языка. Когда раздавалась мелодия этой песни, вся молодежь собиралась в хижине, молча и тревожно вслушиваясь в нее.

Музыка, зов далекого прошлого навевали неясные мечты, и иногда в такие моменты старый Хуан рассказывал о пещерах.

Поздно ночью, когда от ветра дрожали хрупкие стены дома, одни уходили в ночь, к своим далеким хижинам, а другие хотя и мерзли, но сидели до зари, погруженные в мечты.

Так, собирая по капле, мы смогли сделать более чем семичасовую запись этих уникальных свидетельств.

Глава XVI. ОРОНГО - СВЯЩЕННАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Рассвет заставал нас верхом на лошадях скачущими во весь, опор по склонам Рано-Као.

Мы часто работали там среди развалин Оронго. С огромного, изрытого оврагами склона вулкана дикие лошади, с развевающимися по ветру гривами, следили за нами. А потом, взметнув копытами тучи красной пыли, они срывались в галоп и мчались в другие уединенные места.

А на скалах Оронго холодный ветер превращал густой туман в сказочно прекрасные одеяния, придавая ему форму птиц, высеченных на скалах.

Оронго - это название ветра, в нем звучит все очарование пейзажа, застывшего на гребне самого большого кратера. С одной стороны, тихое, заросшее тототорой озеро, с другой - навечно влюбленное в три птичьих островка, ласкающее их море. Часами мы с Бобом осматривали эти скалы, покрытые сотнями въевшихся в них следов пребывания птиц.

Скалы, словно клыки гигантской челюсти, окружают изящно высеченную площадку, от которой лучами расходятся семь коридоров, ведущих в темные маленькие пещеры.

И коридоры, и пещеры очень малы: проникнуть туда и жить там в молчании и темноте можно было лишь согнувшись в три погибели. Для чего служили эти семь каменных ниш?

Может быть, выбирали только семерых тангата-ману, которые находились там в ожидании, пока Макемаке сделает выбор. Может быть, те, кто владел Знанием, приходили туда, чтобы доводящее до экстаза дыхание ночи помогло им угадать и предсказать будущее.

Норвежская экспедиция хотела увидеть здесь солнечную обсерваторию. Это место прекрасно подошло бы и для этой цели, но ничто не подтверждает и не отвергает этот тезис. Как знать, удастся ли археологам вообще понять когда-нибудь Оронго?⁽⁵⁸⁾

Производили ли мы обмеры или ждали просветов, чтобы сделать съемки, мы все время ощущали какую-то особую, завораживающую силу, исходившую от этого звездного храма. Невольно опять на память приходили слова Лоти, написанные им на острове Пасхи: "Меня охватывает какое-то смутное беспокойство, чувство подавленности, равного которому мне не довелось испытать ни на одном из островов, кроме этого".

Восточная сторона Оронго оканчивается проломом, здесь вулканическая порода обрушилась в море и ожидает последнего удара волн, чтобы открыть перед ним зеркало своего внутреннего озера.

На западе Оронго окружают тридцать девять странных, почти ушедших под землю построек.

Эти мегалитические^a сооружения похожи на убежища пастухов Прованса или нураги^b Сардинии. Врытые в землю плиты образуют пол, а плоские, концентрически расходящиеся каменные пластины образуют слегка закругленную крышу, покрытую дерном.

Издали заметить их невозможно. Казалось, что жилища тангата-ману не хотел тревожить даже ветер, несущий на себе птиц. Очень узкий вход в мрачные норы всегда обращен в сторону трех птичьих островков. Все хижины построены с учетом рельефа местности, спускающейся здесь к морю. Наружные плиты, как черепица, наложены одна на другую, а внутренние просто примыкают друг к другу. Когда-то они были великолепно украшены нарисованными или высеченными изображениями тангата-ману и Макемаке.

Сейчас почти все хижины разорены или растащены, а те, которые нам удалось найти, были в очень плохом состоянии. У большинства из них крыши обрушились под тяжестью животных или, что более печально, были разрушены теми немногочисленными туристами, которых возит сюда чилийское морское ведомство.

Хижины эти чаще всего овальной формы, 7 метров в длину на два метра в ширину. Высота потолка редко превышает 1.6 метра. Однако весьма вероятно, что эти дома оседали, засыпаемые землей, а раньше люди могли стоять в них во весь рост.

Кэтрин Раутледж считает, что эти жилища были предназначены для гостей во время праздников на Оронго. Перед одним из них можно увидеть остатки большого настила, на котором, должно быть, устраивали танцы.

Всю эту местность следовало бы расчистить и содержать в порядке. Эта работа была бы полезна для чилийских солдат и послужила бы делу сохранения драгоценного искусства. Но к сожалению, пока все здесь совершенно не так.

Принимая во внимание количество и размеры этих домов, можно сказать, что во время весенних праздников здесь могло разместиться около четырехсот человек. Попробуйте представить себе толпу татуированных мужчин и женщин, в накидках, развевающихся по ветру, на головокружительной высоте гребня вулкана.

Часто по утрам, когда мы поднимались к вершине вулкана, вместе с нами отправлялся маленький Атан Атан верхом на неоседланной лошади. Это было очаровательное зрелище. Маленький четырехлетний человечек то прыгал по скалам, истерзанным наскальными изображениями, то исчезал в узких входах хижин. Обнаружив новые фрески или застрявший между плитами обсидиановый наконечник, он звал нас к себе. Так приятно было видеть, как он смеялся, наслаждаясь свободой, в то время как многие дети и даже взрослые люди никогда не выходили за ворота Ханга-Роа. Когда маленький Атан Атан вырастет, едва ли он согласится терпеть эти "аусвайсы" на выход из деревни.

В то время как мы заканчивали обмеры в Оронго, моя жена осматривала многочисленные пещеры, которые островитяне показывали ей одной. Каждый вечер она подробно описывала их нам, например целиком вырубленную в скале и отполированную руками человека пещеру на Пойке, где в стенах были пробиты ниши по форме установленных в них предметов.

Хотя подчас и было обидно, что мне самому никогда не увидеть эти драгоценности, я прекрасно понимал это особое отношение островитян к моей жене, чью генеалогию от Рангиреа они знали.

Что бы там ни писали, мы-то совершенно точно знаем, что никто никогда не только не посещал, но даже и не видел настоящую семейную пещеру, где хранятся последние богатства народа, у которого отняли уже почти все. Таких пещер осталось очень мало, всего около десятка, а входы в другие навсегда затерялись в упорном молчании последних стариков, которые предпочли умереть, не раскрыв тайны.

Да и как еще смог бы владелец пещеры сохранить свое достояние, если бы некоторые люди на острове вдруг узнали о существовании семейной пещеры. Ведь здесь законы писаны не для всех одинаково.

После окончания работ в Оронго мы собирались отправиться на остров Моту-Нуи, где жили манутара, и попытаться найти остатки самого необыкновенного аху^c, воздвигнутого на головокружительной высоте скалы, отвесно падающей с Оронго в море. Нам предстояло пройти на лодке вдоль нее, а затем подойти к островку. Однажды мы уже проделали этот путь на судне, но сегодня, при ярких вспышках молний, утес вздымался над нашей лодкой, как невиданный пограничный столб поглощенного морем мира.

300 метров отвесного обрыва, 300 метров, покрытых сотнями глаз, которые были не чем иным, как входом в недоступные сейчас гроты.

^a Культовые сооружения из огромных камней. - Прим. перев.

^b Древние циклопические башни в Сардинии. - Прим. перев.

^c Его название - Аху-Рикирики.

А когда-то по этой скале взбирались мужчины, неся магическое яйцо. Здесь сохранилась и каменная платформа, на которой раньше стояли статуи, сброшенные потом в море. С приоткрытыми глазами они покоятся сейчас среди водорослей.

Как могли люди соорудить эти аху с моаи там, куда мы не можем подойти даже на лодке? Там, куда невозможно подняться и по скале. Какая мана перенесла сюда этих многотонных великанов? Кто? Как? Здесь равно бесильны и теория использования подстилки из батата, и теория применения деревянных катков!

Значит, именно здесь и надо искать ключ к раскрытию тайны.

Смотреть на эти статуи, стоящие на двухсотметровой отвесной скале, было, вероятно, так же жутко, как и в глаза тех, кто ждал сигнала с Моту-Нуи, где совершалось таинство.

Кажется иногда, что эти язычники чувствовали себя очень близкими к богу.

Иногда у нас с Бобом возникало четкое ощущение, что остров заколдован, так как наш образ мышления беспрестанно ставился под сомнение, а логика оказывалась бесполезной.

Поскольку наше подводное снаряжение осталось на судне, не было никакой возможности провести исследования в море, и мы вечно будем сожалеть о том, что не смогли побывать у неподвижных великанов, покоящихся на коралловом ложе.

Метрах в пятистах от утеса из воды выступают три островка. Именно сюда приплывали когда-то мужчины, чтобы провести здесь долгие бессонные ночи. Странные, почти пустынные сейчас эти острова.

С тех пор как прекратил существование этот обряд, птицы почти не залетают сюда. Вокруг растет сорная трава, поваленная морским прибоем, а птиц почти не видно. Островитяне говорят, что здесь есть пещера-тайник, где хранятся дощечки с письменами. Вход в нее скрыт где-то под длинными волосами травы. Сохранились еще "пещеры для наблюдений", где жили будущие тангата-ману. Теперь только ветер посещает их. В одной лежит странный маленький моаи, 40 сантиметров высотой. Но что еще живо и против чего бессильно время - это трагическая красота борющейся с волнами скалы Оронго, на которой солнце исполняет вечером последний акт своего спектакля.

С ранней зари до поздней ночи люди, зачарованные ожиданием первого яйца, переживали здесь мгновения бессмертной поэзии.

Весь обряд тангата-ману совершался между скалой и островками, и ветер был последним его очевидцем. Бесполезно было пытаться сделать здесь пробные выемки, все равно мы не смогли бы сделать их так, как нам этого хотелось. Лучше уж оставить этот островок нетронутым, чтобы какая-нибудь другая экспедиция смогла провести здесь серьезные исследования.

Однако на этом клочке земли есть одна чрезвычайно интересная вещь - это ее растительность. Здешняя трава интересна прежде всего своей текстурой: она длинная, но вместе с тем жесткая и густая, как лишайник. Другая ее особенность - возраст. Когда-то трава росла по всему острову Пасхи, но была истреблена овцами и введением выборочного травосеяния. При более внимательном изучении трава эта поражает своей удивительной прочностью и эластичностью.

Ночью мы спали на этом естественном матраце, а проснувшись, были удивлены тем, как легко ее примятые стебли принимали свое прежнее положение.

Беседа с друзьями рапануйцами навела нас на мысль, что такая трава с успехом могла быть использована для перевозки статуй. Этой мыслью, вероятно, не следует пренебрегать.

Глава XVII. ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

Мы не собирались нарушать покой громадного кратера вулкана Рано-Као, напротив, мы мечтали погрузиться в него, почувствовать всей душой его холодное величие.

Однако нужно было внимательно обследовать его безукоризненную окрестность, осмотреть доступные пещеры и попытаться найти тот прекрасный камень с высеченными на нем изображениями, о котором нам рассказывали.

В благородном и безупречном по форме кратере, спрятавшись от животных и ветра, доживают свой век три последних дерева торомиро. Придавая особое своеобразие дикому уголку, они стоят там как последние живые свидетели мира, чье тонкое и величественное искусство погибло, потеряв свои корни. Мы рассматриваем эти последние деревья, прилепившиеся к огромной скале из лавы. Островитяне заботятся о них, как о детях со слабым здоровьем.

Семенами этих деревьев можно было бы засеять весь остров, можно было бы возродить их, но ведь здесь царствуют овцы!

"К тому же, вы знаете, эти островитяне - такие лодыри, что не хотят заниматься земледелием! Посмотрите на участок у церковного дома, у меня такая хорошая морковь!" Вот это да! Какова логика!

Искусство на острове почти выродилось из-за отсутствия благородного материала. Оно гниет, как и древесина домов островитян.

А торомиро на острове Пасхи было прекрасно, оно отличается от полинезийского и даже чилийского. Здесь оно похоже на живой мрамор, спаянный ветром и лавой. Эта особенность древесины придавала утонченную строгость уникальным произведениям искусства.

Для того чтобы обойти вулкан, нужно много времени, он ведь огромен, более трех километров в окружности. Когда сильный ветер врывается в кратер и начинает метаться в Черной яме Хаумака, он выглядит мрачным и угрюмым.

Но когда спокойное солнце играет в зеркале его огромного водоема, он кажется самым приютом покоя. Там, в полукружиях пещер, люди жили в заколдованном закругленном мире, а сейчас оттуда доносится только пение ди-

ких петухов. Именно эти пещеры, эти убежища, на чьи пороги солнце вечно приходит в одно и то же время, нам и нужно было осмотреть.

Все они хороши по-своему, но одна, по крайней мере из тех, которые мы успели осмотреть, просто великолепна. Она расположена на северо-восточном склоне, почти посередине между гребнем и дном кратера. Широкий крытый вход, усыпанный осколками обсидиана, вел в настоящий, хорошо освещенный вестибюль, вокруг на стенах было высечено несколько очень красивых изображений головы Макемаке. Затем пещера поднималась на один этаж вверх, отсюда начинались два коридора, прорубленных руками человека. Коридоры в свою очередь выходили в два слабо освещенных круглых зала, а из них опять выходил узкий коридор и терялся вверху, в крошечных темных альковах. Пещера, несомненно, была создана природой, а потом уже благоустроена человеком. Это было поистине убежище грез и цитадель одновременно. Настоящее совершенство, как бы созданное гением Ле Карбюзье. Здесь следовало бы произвести раскопки, но, так как у меня нет разрешения, оставляю эту работу другим. В окрестности кратера есть не только отдельные благоустроенные пещеры - на северном склоне мы наткнулись даже на целую деревню. И каково же было наше удивление, когда мы нашли здесь несколько кусков торомиро, не тронутых за столетие ни солнцем, ни дождем, ни холодом. Удивительной была эта деревня, с террасами, нависающими над озером. Здесь, несомненно, жило несколько сот человек. Единственными следами их жизни кроме камней остаются изуродованные фиговые деревья, цепляющиеся корнями за осыпи.

Продвигаясь дальше по склону, вы попадаете в зеленый оазис завезенной сюда акации. Где-то здесь должен быть огромный камень с наскальными изображениями. Разыскивая камень, мы увидели прямо против нас, в изломе верхнего края вулкана, пышный каскад цветущей бугенвиллеи^а, цветы которой изумительно оживляли и украшали серую скалу.

Наконец один из наших друзей нашел этот камень. Это была огромная закругленная и отшлифованная эрозией глыба, покрытая лишайником, под которым прятались изображения и интересные петроглифы. Постепенно счищая мох, мы открывали непонятное переплетение линий. Только когда расчистка была закончена, мы увидели многочисленные фрески, две были особенно интересны. Одна больше всего напоминала пингвина с хвостом кита, а вторая изображала абсолютно неизвестную на острове Пасхи голову.

Это была голова бородача с глазами насекомого. На его черепе ветвились олени рога. Можно было подумать, что это изображение шамана или ритуального головного убора, употреблявшегося индейцами Крайнего Севера. Интересно в связи с этим вспомнить, что подобное изображение встречается как у сибирских народов, так и у ягнов и алакалуфов Огненной Земли. Весьма вероятно, что в данном случае можно говорить о каких-то контактах и что рассказ Ануа Мотуа, достигшего мыса Горн, находит здесь свое подтверждение.

Островитяне заявили: "Это человек-насекомое". Не знаю, а потому и ничего не могу сказать, быть может, фотография добавит когда-нибудь какой-нибудь любопытный штрих. Но во всяком случае, этот образ был создан не полинезийцами; он абсолютно своеобразен, как, впрочем, и многое другое, что делает этот остров необыкновенным.

Проходили дни и ночи, начинавшиеся пением стариков. Пора уже было оставить в покое Рано-Као, Черную яму Хаумака.

В интервалах между грозами мы собирались продолжить работу у Ханга-Роа.

Чем дальше мы продвигались в своих исследованиях, тем больше документов приносили нам местные жители. Надо было бы прожить здесь по крайней мере года два.

У подножия вулкана Рано-Као, вокруг холма Орито, есть огромная складка вулканической породы. Это большой карьер из обсидиана, с которым связан происшедший в свое время переворот как в производстве предметов из камня, так и в искусстве. Когда прекращался дождь, трудно было найти что-то более прекрасное, чем эти искрящиеся под лучами солнца миллионы осколков разной величины. Обсидиан - это черное вулканическое стекло. Если сделать из него клинок, он будет очень острым, а само стекло приобретает матовую прозрачность.

Длинная, ярко прочерченная дорожка из обсидиана похожа на след от торможения космического корабля. Изучал ли кто-нибудь все возможности образования этой породы?! А ведь такое исследование нужно было бы провести. К сожалению, наш сцинтилометр вышел из строя, поэтому мы не смогли определить радиоактивность этого обсидиана, чем-то отличающегося, по-моему, от других подобных пород. Мы не могли отделаться от этой мысли, так как ровная борозда 800 метров длиной и 200 метров шириной казалась слишком уж необычной.

Кроме того, на траектории этой линии есть место, никогда не отмечавшееся исследователями. Оно напоминает след от удара или столкновения. Его можно увидеть на склоне холма примерно с двухкилометрового расстояния, так как растительность здесь очень отличается от окружающей...

Ровный круг как будто образовался от столкновения какого-то неизвестного тела с Землей.

Проходили часы, дни, а мы все рылись в этих дантовых отходах и находили то множество кусков обсидиана, то инструменты, то заготовленные и обтесанные на месте крупные нуклеусы^б. Некоторые авторы совершенно без всякого на то основания считают, что обработка этой стекловидной массы была освоена очень поздно. После того как мы обнаружили замечательные образцы этой породы в разных культурных слоях пещер, мы думаем совсем иначе. Несомненно, что этот замечательный материал, находящийся к тому же на поверхности, использовался с самого момента заселения острова Безмолвия.

^а Бугенвиллея - род южноамериканских лазящих кустарников семейства ночцетных. - Прим. перев

^б Дисквидная заготовка. - Прим. перев.

Обрабатывали его классическим способом, с помощью отбойника, которым обрабатывали сначала край ударной площадки. Структура местного материала давала возможность получить образцы классической мустьерской формы, обработанные как в эпоху нижнего палеолита.

Все предметы из обсидиана: лезвия, скребки, наконечники стрел, ножи - изготовлялись на острове Пасхи особым образом, так как все они имеют черенки. Буквально тысячи подобных предметов можно найти сейчас, но пока их собирают только на поверхности.

Совершенно неожиданно мы нашли самый прекрасный, если не самый значительный, образец из всех известных до сего времени. Для тех, кто увлекается археологией, находка эта покажется удивительно интересной.

В то утро мне надо было побывать у старого Габриеля Веривери, и потому я не мог сопровождать моего друга Боба, которому посчастливилось найти очень интересную пещеру. В ней кроме множества костяных игл он нашел большое количество хорошо сохранившегося мата рядом с несколькими образцами торомиро.

Итак, в то утро Боб отправился один, чтобы успеть взять несколько глубоких шурфов до того, как я детально обследую начатый разрез.

Перед самым завтраком я услышал далекий цокот копыт. Перескочив изгородь около нашего убогого домишки, Боб, лоснящийся от пота, спрыгнул с лошади, и в тот же миг по его лицу я понял, что утро он потратил не зря.

Едва переступив порог дома, он поднес к моим глазам самый замечательный из доисторических предметов, которые я когда-либо видел, если не считать Венеру из Леспюга. Это был прекрасно обработанный и в отличном состоянии мата, высеченный в форме полумесяца. Он был похож на сечку 22 сантиметра длиной и 20 сантиметров шириной.

Мы были в таком восторге, что показали его тотчас же нашим друзьям. Слух об этой находке быстро распространился по всей деревне. Каково же было наше удивление, когда через два дня Jefe Militar de la Isla de Pascua и его маленький друг "археолог" без приглашения пришли к нам, чтобы, как они сказали, забрать у нас предмет, о котором слышали.

Без тени смущения эти добровольные полицейские произвели обыск в нашей хижине. И что же? Конечно, они ничего не нашли.

Нам оставалось только сфотографировать этот уникальный предмет и опять вернуть его в гробницу, которую трудно отыскать.

На следующее утро мы уже были верхом на лошадях и собирались обследовать карьер на горе Пунапау, в котором вырубали красные каменные цилиндры. Начинало светать. Собаки с лаем кидались на лошадей, те вставали на дыбы, а потом бросались в галоп.

Из-за гребня Пунапау в чистом небе всходило солнце, и красная каменная глыба четко выделялась на ярко-зеленом, как это бывает в сезон дождей, фоне холмов. То тут, то там видны были красивые рощи из деревьев, называемых "миро тахити"^a. Их завезли сюда французы вместе с животными и прочим съестным. Это необычайно маленькое деревцо акклиматизировалось на каменной почве острова и, можно сказать, прижилось здесь. Лет через десять благодаря этим деревьям пейзаж Ханга-Роа совершенно изменится.

Из его древесины островитяне смогут строить дома-лодки, конечно, только в том случае, если получат на это разрешение властей. Они смогут вырезать свои *sigios*, составляющие почти единственный источник их скудных доходов. Но, увы! Это дерево может расти только на участках, защищенных от овец.

То вставая на дыбы, то останавливаясь в нерешительности перед глубокими оврагами, размытыми на Пунапау сильными дождями, наши лошади постепенно взбирались на гору, и так же постепенно открывался перед нами в то утро очень ласковый пейзаж. Слышались протяжные вздохи лошадей, но природа, еще не проснувшись, молчала.

С гребня Пунапау нам открылась вдруг аллея из двух десятков удивительных красных цилиндров. Чтобы попасть в карьер, яркий, как пламя, надо было пройти по этой аллее.

В глубине его еще лежат несколько незаконченных цилиндров. И здесь, как и на Рано-Параку, работы были прекращены внезапно.

Стены каменоломни, выдолбленные в форме кратера, расположены на очень крутом склоне, и надо было проделать огромную работу не только для того, чтобы добыть камень, но и для того, чтобы изготовить из него цилиндр. И здесь, как и всюду на острове, кажется, будто обычные человеческие масштабы не устраивали тех, кто работал в этом карьере.

Когда мы копались на дне кратера, нам посчастливилось найти два базальтовых рубила, очень отличающихся от топоров с Рано-Параку. Они были довольно плоские, закругленные у самого острия. Надо сказать, что и материал здесь другой: он представляет собой конгломерат обломков горных пород, поэтому обрабатывать его было легче.

Из жерла кратера, если идти по аллее из цилиндров, вы выйдете к болотцу, пересыхающему после сезона дождей. А вокруг можно найти десятки готовых к перевозке цилиндров. Почти все они покрыты петроглифами, и размеры их огромны: диаметр от 1.8 до 2.5 метра, а высота около 1.5 метра. Поистине шапки гигантов. Как доставляли их на аху, находящиеся в нескольких километрах отсюда? Некоторые авторы доходили до того, что утверждали (это помимо использования деревянных салазок), что их просто катили, как будто это возможно на такой изрезанной земле!

Островитяне же говорят, как и о статуях Рано-Параку: "Мана передвигала их".

^a Дерево миро, завезенное с архипелага Таити. - Прим. перев.

На всем острове только шестьдесят цилиндров "добрались" до места своего назначения - на головы статуй; чаще их можно увидеть сброшенными и разбитыми у ног поверженных колоссов.

Цилиндры, находящиеся в карьере, еще не тронуты, на их лицевой стороне имеются небольшие бугорки, а в некоторых из них выдолблены гнезда, чтобы они прочнее держались на плоской голове гиганта. Эти гнезда огромны, в них легко можно укрыться от дождя и даже поспать.

Но вот что неприятно: как и на всех статуях острова, на них белой краской написан огромный номер. Немецкий патер в течение тридцати лет использовал остающееся от молитв время, чтобы написать эти цифры. И делал он это, не считаясь с местом: на носу, лбу, животе, конечно, из опасения, что их могут похитить. Эти бирки выглядят как самое грубое оскорбление.

А сколько подобных любителей допускается к бесценным произведениям искусства - это выходит за границы всякого смысла. У этого "короля" острова есть вкус к порядку, хотя слово это так странно звучит здесь, на острове Безмолвия.

С холма, который возвышается над Пунапау, открывается широкий вид до самого полуострова Пойке, окруженного гало из водяной пыли.

Уже несколько дней, с тех пор как небо очистилось от дождевых туч, мы снимаем все шедевры, которые удалось найти за эти месяцы.

Нам предстоит пройти по склонам огромных вулканических пузырей и выйти к Аху-а-Тиу. Нам нужно выбрать наилучшее место, а потом, на закате, произвести съемку местности, и в частности заснять уникальный ансамбль из семи стоящих статуй. Эта усыпальница затеряна в центре большой впадины, окруженной горами Арои. Когда заходящее солнце освещает лица этих единственных, обращенных лицом к морю статуй, небо за их спиной становится черным от кучевых облаков, вечно цепляющихся за самую высокую гору острова. Сегодня вечером этот вид будет великолепным, так как над вулканом идет дождь и мы сможем снять громадную радугу, одним концом опирающуюся о вершину, а другим спускающуюся в центр площадки со статуями. В последних лучах заходящего солнца вновь оживают эти семь статуй, свет вдруг падает на их неподвижные тела и открывает на несколько секунд глаза, обычно прячущиеся в тени.

Взгляд всех этих статуй, являющихся, вероятно, божественным изображением семи первых разведчиков маори, обращен к Хиве. Островитяне говорят, что два дня в году, в июне и в декабре, в день и час солнцестояния эти семь статуй выглядят особенно величественно.

Между ними и бесконечным простором океана лежит равнина из лавы, с разбитыми в ней глубинными садами, пещерами, с многочисленными ответвлениями ходов. В них лицом к Аху-а-Тиу жили люди. Именно здесь, среди трагической красоты острова, на закате вас могут охватить непостижимые мечты необыкновенной реальности.

Кажется, что этот клочок другого мира оторвался от звезд, от лунных гор, на которые так невероятно похож кратер Рано-Арои.

Очень быстро падает ночь на это диво из фиолетовой лавы, и нам надо спешить. По узкой дорожке во весь опор несутся наши лошади, пугаясь стука своих копыт. Стук действительно производит сильное и странное впечатление: в нем звучит резонанс свода подземного тоннеля. Как важнейшие жизненные артерии, разветвляется здесь, под землей, сеть тоннелей и пещер и толщина лавы достигает порой всего лишь 1-2 метров. Этот резонанс, это эхо заставляют вспомнить об ужасной жизни тех, кто умирал здесь от голода и страха.

Возвращаясь домой, так приятно было увидеть вновь свет, улыбки детей и моего друга Хуана, принесшего изысканную скульптуру моко - человека-ящерицы.

Очень примечательно, что все искусство создания статуэток на Матакитеранги было связано с образом человека, так как обряд поклонения животным не типичен для полинезийцев.

Здесь есть люди-птицы, люди-ящерицы и люди-рыбы (гангатаика).

Нам известно еще кое-что относительно этого осмоса между человеком и животным. Мы знаем, например, что когда-то в прическах женщин жили маленькие ручные ящерицы, которые были для них своего рода маной. Но мы уже никогда не сможем постигнуть тонкости и глубинные источники этого рода связи между человеком и природой. Все великие языческие традиции и предания разбиты вдребезги, как и цилиндры из красного камня.

Поздно ночью один из наших друзей постучал в дверь нашего дома. Он хотел бы поговорить о чем-то наедине с моей женой, а впоследствии она сможет передать это и мне. Боб и я заканчиваем подготовку седел и отправляемся прогуляться вдоль берега, к рифам, которые сегодня, в свете зарождающейся луны, кажутся созданиями дьявола.

Недалеко от них мы замечаем свет - это рыбаки ловят лангуст на свет факелов. Великолепное зрелище, прямо как в Гранд Опера. Люди быстро и ловко прыгают со скалы на скалу, и свет выхватывает из темноты огромные трещины, в которых умирает прибой.

Молча скользят они под сводами подводных гротов. Слышен лишь мощный гул прибоя, теряющегося в трещинах лавы.

Каким удивительным зрелищем была, вероятно, когда-то игра теней на татуированных и разрисованных телах, когда мерцающий свет факелов из сахарного тростника вдруг выхватывал их из тьмы! На этом острове все принимает необыкновенные размеры и иногда, кажется, можно уловить, почему человеческий разум смог создать здесь искусство, которое стремилось дотянуться до облаков. И гигантомания сродни ведь самой природе острова.

Здесь всюду маячит смутный призрак Огненной Земли, так испугавшей первых мореплавателей. Опять мы погружились в прошлое с его людьми и его акуаку. Колеблющийся свет выхватывал из темноты лица мужчин, похожие на призраки забытого мира. И под аккомпанемент ветра все приобретало какие-то пугающие формы.

Мы с Бобом не могли оторвать взгляд от этих исполнителей огненного танца, то прыгающих по скалам, на которые бросались волны прибоя, то врывающихся в подводные гроты, в глубине которых вдруг вспыхивал свет фа-

келов. Ослепленных светом оранжевых и фиолетовых лангуст можно лишь угадать и тогда - выхватить из беспрестанно заливаемых водой трещин лавы.

Дикие лошади на высоких берегах, испугавшись мерцающего света, вихрем уносятся в спокойную темноту.

С руками, полными лангуст, издающих странный в этом молчании звук, все вместе мы возвращаемся в каменный дом. Люди стали замерзать: подул порывистый холодный ветер.

Глава XVIII. ЗАВЕЩАНИЕ ОСТРОВА БЕЗМОЛВИЯ

Дома моя жена все еще разговаривает с нашим другом. Мы с Бобом нетерпеливо курим на улице.

Еще час - и человек быстро скрывается в ночи. Он ничего мне не расскажет, так как секреты передаются только через посредника.

Островитянин приходил, чтобы рассказать о пещере с наскальными изображениями, где хранятся последние тайны тех, кого называли длинноухими и о которых говорят, что "они были первыми из первых".

Он долго рассказывал об этой пещере, затерявшейся на вершине Рано-Арои.

Он сказал: "Никто и никогда не видел и не увидит священную пещеру. Те, кто писал о ней, говорили неправду.

Правда, мы сделали много поддельных предметов, которые фотографировали потом в пещерах белокурые археологи. Это правда, потому что для нас, для нашего спокойствия, так было лучше".

"Но, - сказал он, - тебе я расскажу о пещере, которую мне завещал мой дед тайком от отца, который слишком много болтал с белыми, завладевшими островом.

Мой дед сказал: "Никто никогда не войдет туда, но ты можешь рассказать об этом месте, если ты поймешь и почувствуешь, что имеешь право это сделать. Если ты захочешь, то можешь отдать некоторые предметы, но продавать их не смей, так как в них еще заключена сила. Но помни, что ты никогда и никого не должен впускать туда".

Эта пещера на вершине вулкана, но никто не сможет найти ее, потому что вход закрыт землей и травой.

Иногда я хожу туда ночью, чтобы проведать и позаботиться о моаи кавакава.

По обеим сторонам от входа находятся два трупа, слева - моаи кавакава из торомиро, затем - два изображения Макемаке, два хорошо полированных топора, два рыболовных крючка, посередине находится моенга^а, укрепленная с трех сторон, внутри ее лежит дощечка с письменами, каменная ящерица, два плясовых весла, справа - четыре рыболовных крючка, две сгнившие дощечки из макои с письменами, каменная статуя, каменный топор, два детских трупа, над которыми в стене высечены изображения, голова ханау еепе, кусок тапы, калемаса с киеа, на полу лежат десять пальцев ног, каменная дощечка с письменами, каменные реи миро^б и второе, из дерева, два каменных топора и очень красивая обсидиановая игла с ручкой, много мата и плохо сделанная скульптурка Макемаке". Эти сведения просто потрясающие, особенно если вспомнить, что в этой пещере спрятаны еще четыре дощечки с идеограммами, поскольку во всем мире их имеется всего около двадцати штук,

Мы увидим эти предметы, но понимаем, что нам никогда не удастся проникнуть в само святилище. Должен заметить, что порой очень трудно перебороть себя и подавить привычный образ мышления, которое отказывается понимать Запрет. Мне страшно хотелось увидеть высеченную в камне голову ханау еепе. Мы мечтали увидеть оригинал, но, увы, наш друг сделал для нас лишь невероятно интересный рисунок с нее.

Все предметы, которые нам удалось найти здесь, представляли собой в действительности лишь овеществленные тайны мысли, и благодаря этому они становились такими значительными, таящими в себе скрытые силы.

Постараюсь объяснить: независимо от того, каковы бы ни были религия и образ мышления, пусть даже самого эротического характера, каждый ритуальный предмет, подвергавшийся любому вмешательству людей, сохраняет вложенные в него при этом духовные силы, а потом передает и распространяет их. Это относится ко всем предметам, за исключением тех, которые созданы из материалов, чьи природные качества подвергаются сильным изменениям.

Поэтому в символах заложена колоссальная скрытая сила, сохраняющаяся в памяти островитян. Мы имеем в виду следующие главные проблемы:

1. Островитяне говорят, что некоторые предметы, хранящиеся в пещерах, не являются результатом творчества их предков.

2. Эти предметы являются для жителей острова источником беспокойства и тревоги, которые не смогла изгнать католическая религия.

3. Все искусство на острове антропоморфно. Существующий здесь вид осмоса между человеком и животными отражает неполинезийское первобытное сознание.

Именно происхождение этой формы изображения, мне кажется, и представляет главный интерес.

Есть здесь, например, изображение рыбы, называемой патуки. Эта рыба похожа и на лягушку, и на целаканта^с, поскольку у нее есть лапы. Есть и очень интересная легенда, где рассказывается о рыбе с лапами, от которой после

^а Циновка - Прим. перев.

^б Нагрудное украшение - Прим. перев.

^с Целакант - кистеперая рыба, имеющая длинные лопасти-плавники, напоминающие конечности наземных животных. - Прим. перев.

десяти мутаций произошел человек. Мутации эти были вызваны изменением климата и, следовательно, изменением пищи, что в свою очередь вызвало ответные реакции приспособления у развивающихся организмов.

Десять мутаций, десять изменений климата - можно только подивиться точности этих указаний. В легенде упоминаются люди-птицы, люди-киты, люди-ящерицы, очень похожие на людей-крокодилов.

И все эти люди в осмосе с основными формами жизни являются отражением совсем иного сознания.

Между символизмом и тотемизмом лежит пропасть. А ведь эти предметы являются символами настолько, что и современные жители острова все еще стремятся разгадать их и пытаются воспроизводить.

Всем этим реальным изображениям самого изощренного мастерства свойственна поза раздумья и ожидания. Искусство стало здесь сверхъестественным, а не колдовским, так как это было искусство воплощения.

Эти предметы уже чужды современным рапануйцам, которые хотя и побаиваются, но почитают их, скрывая от чужих людей. Это творчество другой, не полинезийской, расы. Странно, что никто из исследователей не отмечал еще этой особенности стиля.

Глава XIX. ИСКУССТВО "ДРУГИХ ЛЮДЕЙ"

Кроме гигантских статуй на острове Пасхи есть еще скульптура, привлекающая к себе особое внимание. Это моаи кавакава, фигурка из дерева, изображающая истощенного или, скорее, изможденного и высохшего мужчину.

Фотография этой статуэтки, раскрывающая главные ее особенности: истощенный вид, зоб, опухоль, должна привлечь к себе наше внимание, так как кроме совершенства стиля она отражает своеобразную линию в искусстве.

Зоб и опухоли свидетельствуют о какой-то патологии, вызванной условиями жизни. Если бы мы смогли объяснить их происхождение, то поняли бы многое не только в морфологии предшествующей расы, но и в геологическом облике острова.

Зоб - это морфологическая особенность, характерная для множества либо вырождавшихся, либо лишенных минеральных веществ людей, и вполне вероятно, что он мог появиться на острове и в результате вынужденного кровосмешения и из-за воды, которая здесь слишком хорошо очищена, так как фильтруется через пористую вулканическую породу.

Доктор Стефан Шове досконально изучил эту проблему острова Пасхи, но он считает, что подобные изменения в организме людей происходят как из-за перенасыщения воды хлором, так и из-за обезвоживания. Мы знаем, что проблема пресной воды всегда была здесь очень серьезной, как, впрочем, и сейчас, и многие мореплаватели отмечали, что рапануйцы пили морскую воду у прибрежных скал. Отсюда делался вывод, что, употребляя ее, они получали слишком много хлора. Этот вывод не подтвердился, для эксперимента мы тоже пили эту воду у скал, и оказалось, что здесь она почти пресная или чуть солоноватая и фильтруется у самого подножия потоков лавы. Более важно, что из-за полного случайностей существования, из-за постоянного недоедания жители острова часто страдают расстройством функций эндокринных желез и гипопфиза - болезнь, мутационные последствия которой нам мало известны.

С другой стороны, эта характерная худоба, может быть, была вызвана хронической дизентерией, существующей и по сей день.

Эти морфологические особенности являются достаточно убедительными и свидетельствуют об уникальном характере скульптуры, но вот что удивительно: такое физическое состояние, если оно даже и было хроническим на протяжении веков, смогло настолько вдохновить художников, что они объединили все эти черты в одном архетипе.

Мы вправе задать себе вопрос: не испытал ли когда-то остров Пасхи значительного облучения?

На этом острове явно имеются какие-то необъяснимые или пока еще не объясненные геологические тайны, и это заставляет нас отнестись с достаточной серьезностью к возможности внеземного контакта, при котором остров был облучен, а в душах островитян остался столь сильный след, что отголоски его сохранились и по сей день.

Кроме интересных особенностей, присущих физическому облику моаи кавакава: нос с горбинкой, оскал зубов, ряд черт, например аномалии в строении позвоночника, возможно, свидетельствуют и о сильном облучении.

Статуэтки моаи кавакава в небольшом количестве хранятся в музеях и в некоторых частных коллекциях. Их было очень мало, а несколько оставшихся экземпляров сейчас тщательно спрятаны в двух пещерах острова Пасхи. По свидетельству первых мореплавателей, островитяне легко уступали эти статуэтки, как будто бы они им и не принадлежали. А сейчас они говорят о них со страхом, как о чем-то, что выходит за пределы их понимания, но чью опасность и силу они чувствуют.

Совершенно естественно возникает мысль, что это не их искусство и что оно изображает другую расу. Ни в их облике, ни в трактовке скульптуры тела нельзя найти ничего полинезийского.

То объяснение, которое дают островитяне по поводу появления этой скульптуры, весьма забавно, но кажется полностью вымышленным, как и многие другие предания.

В нем говорится, что вождь Туу-ко Ихо, проходя по холму Пунапау, увидел двух спящих духов. С испугу он тотчас же изваял их изображения. Историю о случайно встреченных духах можно было толковать по-разному. Но в любом случае важно одно: эти духи были на редкость реалистичны и их изображение, сделанное вождем, не содержит ничего магического. Перед нами совершенно реалистическое изображение, и ничего больше. Детали его слишком точны, слишком продуманы.

Плод видения вождя является, вероятнее всего, изображением выживших представителей первой расы, населявшей некогда этот клочок земли.

Искусство острова Пасхи, включающее в себя и каменный великанов первого культурного периода, и деревянные статуэтки из торомиро, является уникальным искусством, которое умерло внезапно, в апогее своего совершенства. Как и в Тиахуанако, все здесь осталось на своих местах, остановившись внезапно.

Мне могут возразить, что искусство это недавнее, так как предметы из дерева все еще в хорошем состоянии. Но мы так не думаем: если египетские деревянные статуэтки смогли сохраниться до наших дней, то ведь следует вспомнить, что качество древесины торомиро здесь исключительное и, поскольку на острове нет насекомых, все деревянные предметы могли храниться веками в сухих пещерах.

Это дерево, текстура которого, если можно так выразиться, уже окаменела, срезалось здесь только в полнолуние, то есть именно тогда, когда оно было наиболее сухим.

Кроме того, из-за малого количества материала искусств изготовления деревянных статуэток должно было стать очень важным и значительным.

Если вспомнить, что первые мореплаватели насчитывали на острове Пасхи не более пяти тысяч человек⁽⁵⁹⁾, мы вправе думать, что это искусство зародилось у другого народа, а потом было заимствовано и обеднено. Черты рождения его, можно сказать, бросаются в глаза. Как только рапануйцы отдали или обменяли подлинные предметы, они принялись изготавливать бледные, без фантазии и чувства копии, продаваемые и до сих пор редким приезжим с судов, которые заходят на остров. Нас очень удивляет, что в первых копиях моаи кавакава, датированных концом XIX века, полностью отсутствуют все его морфологические особенности; современное искусство сохранило лишь явно гротескную сторону непонятого им символа.

Нельзя больше говорить об искусстве острова Пасхи, как нельзя говорить сейчас и о какой-то чистоте расы.

Кто же все-таки были те люди, которые первыми населяли этот остров на краю земли?

При современном уровне знаний мы не можем дать уверенного ответа, но кажется вполне вероятным, что эта первая раса могла быть сродни либо людям Чавин^a, либо Тиахуанако, границы распространения которых, доходящие до Огненной Земли, значительно более условны, чем это можно себе представить. Возможно, полинезийцы, поселившись на острове, встретили нескольких выживших представителей этой расы, поэтому некоторые легенды кажутся переданными из уст в уста, непосредственно.

Эти полинезийцы пережили какое-то сильное потрясение, оставившее в их сознании такой могучий след, подобного которому не отыскать, даже для сравнения, на других островах.

Остров Пасхи, возможно, навсегда сохранит свою тайну, но, пытаясь выйти за рамки прекрасно проанализированной Альфредом Метро истории, мы открываем широкое поле для исследований протоистории, или, точнее, первоначальной истории, которая заключает в себе, вероятно, одну из самых трагических фаз развития и вынужденной миграции людей.

Примут ли эту точку зрения или отвергнут, но остров Пасхи, несомненно, был поражен силами, о которых мы можем только догадываться, но которые мы чувствуем, - настолько они еще живы и сильны на этой земле, опаленной огнем.

Глава XX. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ДОЩЕЧЕК С ПИСЬМЕНАМИ

Самой сложной проблемой острова Пасхи остается, безусловно, письмо, которое называют то идеографическим, то пиктографическим.⁽⁶⁰⁾

Возникновение его на этом острове тем более невероятно и таинственно, что до сих пор на полинезийских островах никакой другой письменности обнаружить не удалось.

Было сделано много попыток расшифровать эти идеограммы, начиная со времени открытия первых дощечек с письменами, изучавшихся епископом Тепано Жоссаном⁽⁶¹⁾, и кончая недавними работами профессора Томаса Бартеля из Гамбургского университета.

Никто еще, однако, не смог добиться достоверного толкования этого письма.

Вернемся к основной проблеме и попытаемся понять истинный смысл того, что называли "говорящим деревом".

Здесь мы сразу же сталкиваемся с первой выдуманной расшифровкой, искажающей самое основу исследований.

Термин "кохоу ронго-ронго" был переведен как "говорящее дерево". И действительно, "кохоу" - значит "дерево", но правильное произношение этого слова - "кохау", что значит "запись", "надпись". Вторая часть - "ронго-ронго" - значит "тот, кто передает". Этот вариант дает нам почти буквальную или, во всяком случае, значительно более точную интерпретацию понятия.

Дощечки, таким образом, были "передатчиками записей и письма", а ученые, которые владели этим письмом и обучали других, назывались "маори кохау ронго-ронго", что значит "ученый, передающий письмо".

Проблема эта возникла из-за того, что почти все ученые ронго-ронго погибли во время перуанского налета в 1862 году, а вслед за этим, с приходом первых миссионеров, пришел конец и всей самобытной культуре острова.

Тепано Жоссан, правда, пытался заставить переводить одного островитянина, посвященного в тайны письма последними учеными.⁽⁶²⁾

Условия, в которых происходил этот допрос, приводят к мысли, что результат не мог быть успешным, и прежде всего потому, что надо совсем не знать свойств так называемого примитивного ума - я бы назвал его умом посвя-

^a По названию города Чавин-де-Уантар, в северной части нагорья Перу. Культура до-инкских племен. - Прим. перев.

щенных, - чтобы поверить в возможность добиться так вот вдруг, в обстановке очной ставки, хоть какой-нибудь откровенности.

С другой стороны, следует иметь в виду, что это письмо посвященных имело, возможно, как и египетское, три формы, а именно: иероглифическую, иератическую и демотическую.⁽⁶³⁾

В 1914 году мисс Раутледж попыталась сблизиться с последними стариками и получить от них хоть какие-нибудь сведения.

Она отмечает, что, к сожалению, все они умерли через несколько дней, и среди них некий Томеника, о котором мы еще будем говорить. Хотя у нас нет никаких оснований не доверять мисс Раутледж, я все-таки думаю, что никогда ни один островитянин не осмелился бы открыть европейцу значение этого письма, поскольку ему хорошо было известно, что кохау ронго-ронго были священны и ни в коем случае не могли быть переданы непосвященным. Это письмо было когда-то достоянием только:

1. Семьи верховного вождя.
2. Вождей шести районов.
3. Маори кохау ронго-ронго.

Нельзя упускать из виду, что элементарное понятие эзотеризма часто приводит к забавным интерпретациям, вызываемым боязнью отказаться сделать что-то. Так, например, Жоссан, Томпсон, Раутледж и другие подтверждают, что они получали разные переводы одной и той же дощечки, и это после опросов, проводившихся с интервалом всего в несколько дней.

В 1956 году профессор Томас Бартель занялся этой проблемой, используя совсем другую методологию. Он считает, что добился определенных результатов, но совершенно очевидно, что во время пребывания на острове Пасхи он не смог увидеть ни одной дощечки, а равно и получить какие-нибудь достоверные сведения от жителей.

В очень интересной работе Хевеши было сделано сравнение идеограмм острова Пасхи с теми, которые были обнаружены при раскопках Мохенджо-Даро и Хараппа в долине Инда.⁽⁶⁴⁾

Вполне вероятно, что это направление исследований не было реализовано до конца, и выводы Хевеши представляют значительный интерес.

Нас очень удивили интересные сведения, полученные на острове Пасхи. Один наш друг сказал:

- Первая раса изобрела письменность ронго-ронго - они писали на камне. Из всех четырех частей света эта письменность существует только в Азии, где некогда жила эта первая раса.

В другой информации, приведенной доктором Стефаном Шове, сообщается, что, по преданию, Хоту Матуа привез с собой шестьсот текстов, написанных на банановых листьях. Но это совершенно не исключает предыдущей информации, так как и мы тоже считаем, что эта письменность зародилась не на острове Пасхи.

Остается нерешенной другая проблема: почему она сохранилась только на острове Пасхи? На этот вопрос мы ответить не беремся, учитывая малое количество исследований, проведенных на других архипелагах Тихого океана.

Единственный ценный вклад, который наша экспедиция может внести в дело разгадки письменности, - это тетрадь, упоминавшаяся нами ранее.

Рассмотрев ее внимательно, мы поняли, что она принадлежала знаменитому Томенике, о котором упоминает мисс Раутледж.

Кажется, что идеограммы были нарисованы им самим, тогда как перевод был сделан кем-то другим, умеющим писать.

Размер этой тетради таков, что потребуются много месяцев работы не только для того, чтобы перевести эти надписи, сделанные на старом рапануйском языке, но в особенности для того, чтобы затем классифицировать идеограммы и попытаться перевести хоть одну дощечку.

Однако мы надеемся, что этот глоссарий идеограмм поможет внести значительный вклад в изучение письменности.

В дальнейшем мы предполагаем работать в двух направлениях: прежде всего над переводом переложений знаков ронго-ронго на древний рапануйский язык, а затем, очевидно, над обработкой на большой вычислительной машине IBM тысяч решений, непосильных для человека.

Пока еще нельзя считать, что письменность острова Пасхи можно рассматривать так, как подсказывает нам этимология самого названия. Мы склонны думать, что подобно кипу^a или шнуркам с узелками с Маркизских островов идеограммы острова Пасхи заключают в себе такую силу мысли, а следовательно, и силу выразительности, которую просто не в состоянии передать наша форма транскрипции.

Подобной выразительностью обладают, пожалуй, лишь математические символы, стремящиеся сейчас превратиться в единственный универсальный язык. Если сейчас уже нет границ для передачи и понимания формул Эйнштейна и Оппенгеймера, то нечто подобное происходило и с пониманием первобытных символов. Приведем только два примера: все представители так называемых первобытных народов сразу же понимают и одинаково объясняют два кажущихся нам странными знака. Во-первых, это волнообразные линии, встречающиеся в Карнаке и многих других местах и символизирующие волны жизни. И во-вторых, это пресловутый крест^b. Его ломаные линии имели сначала другое направление, отличное от того, о котором так много говорили и которое от Тибета и до

^a Кипу - один из видов предметной письменности. Кипу состоит из одного прочного шнура и нескольких укрепленных на нем нитей. Смысловое значение письма зависит от цвета нитей, типа и числа узелков, а также от расположения нитей по отношению к главному шнуру, от их последовательности и вида переплетения. - Прим. перев.

^b Речь идет, по-видимому, о древнем знаке, который фашисты использовали в качестве своей эмблемы. - Прим. перев.

острова Пасхи символизирует приведение человеком в движение двух осей неподвижной жизни. Будучи вписанными в круг, они выражали сначала образование и превращение веществ, то есть служили символом основы всего существующего, символом атома.

Наша книга помимо того, что она не может претендовать на открытие или завершение истории острова Великанов, грешит, по-видимому, двумя основными недостатками. В ней нет результатов двух исследований: во-первых, нет результатов радиоуглеродного анализа древесного угля из стратиграфии, и, во-вторых, не сделана попытка толкования письменности ронго-ронго. Эти исследования сейчас нам не под силу, так как приходится рассчитывать только на себя, короче говоря, у нас просто нет средств для проведения этой работы.

Кто знает, не начнем ли мы в один прекрасный день работать иначе и не отбросим ли при этом целую науку, слишком часто основывающуюся на логике людей, считающих себя умными, но остающихся тем не менее совершенно безответственными в своих поступках.

Остров Пасхи не раскроет перед нами свои двери, как университет или музей, он может погибнуть во второй раз.

Глава XXI. ТО, ЧТО ПРОДОЛЖАЕТ ТРЕВОЖИТЬ НАС

Всего несколько недель оставалось нам прожить на острове Безмолвия, но как много текстов надо было записать. С приближением разлуки жители острова стали настолько активны, что дни становились все более напряженными, а часы короткими.

Целую долгую неделю мы ездили верхом по маленькому двуликому миру, подземному, но обращенному лицом к небу.

В последний раз мы побывали в гигантской мастерской на Рано-Рараку не только для того, чтобы вновь почувствовать все ее величие, но и для того, чтобы осмотреть один чрезвычайно интересный архитектурный ансамбль.

На вершине гребня вулкана, отвесно спускающегося более чем на 200 метров, открывается целая система сообщающихся углублений и коридоров, вырубленных руками человека. Метровой глубины и 90 сантиметров ширины, углубления эти расположены через определенные интервалы. Другая серия таких же коридоров, расположенная немного ниже, имеет такие же интервалы. Они соединены между собой подземными ходами, отполированными трением веревок.

Трудно судить о назначении этого ансамбля. Эти отверстия могли быть постами наблюдения солнечной обсерватории или, как нам сообщил один старик, здесь могла быть система блоков, связывавшая равнину Хоту-Ити с Рано-Рараку. Последнее объяснение, как и объяснение происхождения рва Пойке, кажется все же вымышленным от начала до конца на потребу приезжающим сюда путешественникам. Здесь, так же как и в других легендах, чувствуется, что настоящая интерпретация имела два варианта, чтобы сохранить тайну. Один из наших друзей кое-что уточнил.

Согласно легенде, эта система сообщающихся углублений использовалась в качестве ворота с последовательным натяжением, обеспечивавшего возможность передвижения статуй по внутренней стене вулкана.

С самого начала нас поразила особый, какой-то выродившийся стиль статуй, находящихся внутри кратера, и по исполнению, и в особенности по использованному камню.

Возможно, что люди второй миграции, копируя и упрощая из-за утери маны искусство великанов, были вынуждены изобрести механические средства, чтобы передвигать статуи со склонов вулкана к подножию кратера.

Статуи эти весили меньше, так что возможность использования ворота была оправдана. Следовало бы поискать в породе на внутренней стене вулкана следы разрушений от трения веревок, начиная с верхнего устройства и до самого подножия.

Теперь предстояло вернуться к проблеме знаменитых мощеных дорог, уходящих в море, поскольку они привели некоторых авторов к выводу, что территория острова Пасхи некогда была больше.

Дороги эти на самом деле представляют собой безукоризненно очерченный поток некогда расплавленной лавы, растрескавшейся при соприкосновении с водой океана.

Столетиями волны полировали эти трещины, и в конце концов появилось предположение, что это тщательно уложенные камни. Но уже самое простое исследование сразу опровергает его.

Тем не менее на острове есть три дороги, уходящие на несколько метров в море и созданные руками человека. Построенные в маленьких бухтах, относительно укрытые от прибой, они, конечно, использовались как пирсы или причалы для лодок. Некоторые исследователи видели в них залог связей между архипелагами, то есть, попросту говоря, считали, что они могли использоваться в качестве салазок для погрузки статуй, предназначенных к перевозке. Учитывая расположение дорог, гипотезу эту следует признать маловероятной, но зато уж совершенно очевидно, что эти дороги использовались островитянами в качестве причалов для имевшихся у них когда-то лодок.

Дороги, образованные потоками лавы, подобные тем, что находятся по соседству с бухтой Ханга-Роа, безусловно, тоже использовались людьми, но мы не смогли найти никаких признаков, свидетельствующих о вмешательстве человека в их происхождение.

Мы решили в последний раз объехать остров, чтобы снова увидеть все аху, все каменные платформы, на которых во вторую культурную эпоху были установлены статуи.

Вывод о том, что все платформы были воздвигнуты после второго переселения, появился в результате сравнения плит аху с плитами домов-лодок, на которые они очень похожи, за исключением Аху-Винапу, стиль которого произвел на нас особое впечатление.

Нет никакого сомнения в том, что первая цивилизация была уничтожена и ассимилирована второй миграцией. Однако очень примечательно в этой связи, что в трех аху, построенных, по преданию, Хоту Матуа в Анакене, есть камни из домов-лодок и на одном из них, уложенном в кладку, можно видеть не только голову, изображение которой напоминает коленопреклоненную фигуру с Рано-Рараку, но и двух летящих птиц, выполненных в совершенно иной манере.

Все эти факты усложняют решение проблемы не только полинезийского заселения, но и предшествовавшего ему. Я считаю, что легенда об Ануа Мотуа может дать для этого важные уточнения и поможет найти достойное место для истории Ануа Мотуа, безусловного главы последнего переселения полинезийцев.

Каждый день моя жена отправлялась в лепрозорий, называемый здесь властями санаторием. Там нас ждал старый Веривери. Там часами мы переводили его рассказы. Там, в хижине из самана, мы постигали нищету. С нашей точки зрения, история острова Безмолвия - я не говорю предыстория - может быть изложена следующим образом.

Вполне вероятно, что к IV веку н.э. люди, пришедшие с полинезийских архипелагов, достигли пустынных берегов острова Пасхи.

Затем произошли еще два последовательных переселения: переселение Хоту Матуа и Ануа Мотуа.

Обе эти миграции достигли острова Пасхи после длительного морского путешествия через Маркизский архипелаг, архипелаги Туамоту и Гамбье. Это произошло к концу XIII века.

Переселенцы нашли на острове Пасхи вполне сложившуюся культуру и нескольких оставшихся в живых, истощенных представителей первой, остающейся до сих пор таинственной расы. Именно полинезийцы воздвигли аху со статуями. Первая раса оставила им на острове Пасхи свое необыкновенное завещание.

Эта раса пришла с Востока и не была только тем, что мы подразумеваем под термином "доколумбовая".

Вопрос этот является очень важным, так как тревожная тайна острова Пасхи отнюдь не исчерпывается чисто эстетическими проблемами.

Здесь можно обнаружить следы доисторического народа, присутствие которого мы начинаем все больше ощущать и который заставит пересмотреть все данные о времени и этике, навязываемые нам сейчас наукой то ли из тщеславия, то ли от скудости.

Мы знаем, что эта первая раса действительно существовала и обладала какими-то высшими знаниями совсем другого мира, и считаем своим долгом изложить на страницах этой книги те сведения, которые нам разрешили опубликовать.

В течение долгих ночных бесед в лагерях, когда мы наблюдали не только знакомую Галактику, но и пролетающих спутников Земли, нам сообщили то, что я передаю здесь в дословном переводе и что мне самому кажется чрезвычайно важным.

Я цитирую эти сведения в том порядке, в каком они сообщались мне.

- "Жители Юпитера установили связи между планетами".
- "Статуя (вывезенная в Бельгию) - одна из самых древних, но она полностью лишена своей силы".
- "Наше тело сможет выдержать на других планетах не более двух месяцев".
- "Все планеты поклоняются Солнцу".
- "Немногие звезды обитаемы".
- "Самая священная дощечка с письменами была украдена на острове Пасхи, город, в котором она находилась, был сожжен"^a.
- "Атмосфера вызывает бури и свечение Венеры".
- "Две планеты, Юпитер и Марс, не имеют природного электричества, они подобны Земле. Там нет воздуха".
- "Только на нашей земле есть люди разного цвета".
- "Есть только одно Солнце, и никто не может на нем жить".
- "Есть одна планета без растений, без земли, состоящая лишь из воды и камня. Живые организмы там другие и зарождаются в воде".
- "На этой планете есть залежи металлов, отличающихся от наших, один из них, единственный в своем роде, более изысканный, чем золото, зелено-черно-голубого-желто-красного цвета".
- "Планета представляет шар из камня и железа".
- "Чтобы добраться до этого металла, надо прожечь железную корку горящими камнями".
- "Металл получается очень чистый, благодаря горящим камням и воде. Он может быть использован как ткань".
- "Остров Пасхи был другим. Здесь не было дождей, а вода появлялась из-под земли. Он имел ту же форму, климат был очень жаркий, на острове росли огромные растения".
- "Первая раса жила на двух островах Полинезии, в одном месте в Азии и в одном месте в Африке, там, где находятся действующие вулканы".
- "Какой-то остров Тихого океана получил на сохранение потерянную силу острова Пасхи. На этом острове, и это единственное место на земле, живы еще несколько экземпляров древнего дерева, произраставшего раньше во всех четырех частях света. Дерево жизни не имело плодов".
- "Много тысячелетий назад камень Рано-Рараку был другим, твердым. Изменение климата повлияло на структуру горной породы".
- "На острове Матакитеранги были животные".

^a Лувен.

- "Вулканы появились при первой расе:
1. возник Рано-Арои;
2. возник Рано-Као;
3. возник Рано-Параку, но их появление разделяют многие годы.
Это все, что мы знаем!"

Я прекрасно понимаю, что этот документ вызовет насмешки одних, скептицизм других ученых и недоумение или восхищение некоторых читателей.

И все-таки следует перечитать этот принадлежащий не нам документ.

Сам же я не могу и не хочу высказывать по этому поводу никаких соображений.

Вот книга, которую мы смогли и должны были написать об острове Матакитеранги. Возможно, в ней есть некоторые упущения, но ведь это не приключенческая книга, а всего лишь результат сложных интроспективных наблюдений.

К сожалению, мы познали и поражения, и тайное беспокойство, ведя исследования по непроторенным путям, но мы получили зато потрясающие свидетельства от тех, кто никогда уже не возродится к жизни.

Остров Пасхи был поражен проклятием, которое называют "кругами ада". Он изведаль, обезумевая от голода, века полной изолированности. Он изведаль тревожное бегство в подземелья, когда жизнь его была подобна ставке в игре других. Он изведаль и чувства тех, кто в тюрьмах узнает, что погибший род не восстанавливается. Он изведаль и трагедию любви, убитой сифилисом белых людей. И в век космоса жители острова, смущенные и чистые, выносят надменную оккупацию тех, кто, к сожалению, придает спеси и расизму видимость цивилизации.

Кто же расскажет им, за что действительно стоит умирать, кто укажет им дорогу к счастью?

Остров Пасхи похож на туберкулезного больного. Зная о близкой смерти, задыхаясь, он все еще живет, переживая самого себя в мечтах о покое. Остров Пасхи трагичен.

Но кто посмеет отвернуться от взгляда тех, кого проказа сделала навеки удивленными?

Только для того, чтобы жила эта книга, я задам еще один вопрос.

Что стало с рапануйцами, которые несколько лет тому назад на жалких пирогах, без продовольствия, можно сказать, без ничего бежали более чем за 5000 километров, на Таити, предпочитая смерть жизни на острове? Почему им нравилось так рисковать жизнью?

Я знаю их имена.

А что стало с теми, кто болел проказой?

Что стало со многими другими?

Над островом снова бушует буря, а мы ждем прихода нашего судна.

В тревожную ночь наши друзья увидят его огни. Уже несколько дней оттуда нет никаких известий, и в голову неотступно лезут всякие печальные воспоминания о море.

И в эту ночь, собравшись в хижине, мы слушали песню Стариков, песню любви, обращенную к тем, кто не вернулся, к тем, кто, ослепленный солнцем, так и не увидел зарю Таити.

Глава XXII. ПРОЩАЙ, БЕЗМОЛВИЕ

Есть люди, которые умирают,
словно разбивается хрусталь.
Реми де Гурмон

Завтра нас снова ждет великое молчание волн. Теперь же остается еще только одно: передать последние пожелания старому Габриелю Веривери.

Странно, но в этот день наш друг Родригес сам повел нас в лепрозорий и хорошо сделал.

Когда мы вошли в свиной хлев, где умирает Габриель, он уже знал, что это наша последняя встреча, и это было очень тяжело.

Моя жена заговорила с ним на языке Островов, а я слушал, но не чувствовал себя посторонним. Она сказала:

- Габриель, нам пора. Мрауру-а-Вау! За него, за моего мужа, за всех, за все, что ты мне рассказал, за то, что мы полюбили тебя!

- Я много видел.

- Габриель, я был слепым до встречи с вами, до того момента, когда, стоя на своих культяпках, с руками, в неопределенности прижатых к телу, вы подняли мне навстречу ваше несчастное лицо.

Простите меня, Габриель. Я посмел заплакать, когда робкие слезы заволокли ваши глаза без век и вместе с тем прекрасные, как губы моего спящего ребенка.

Не все, что вы рассказывали моей жене, узнали я и мой чилийский друг... Она никогда не расскажет нам этого. Но мне было странно, больно и стыдно. Габриель, это было ужасно.

Увы, и я видел смерть многих, но мне никогда не было так страшно.

Габриель, вы ранили меня сильнее, чем пуля, которая не убила меня, двадцатилетнего.

Веривери, какое у вас прекрасное имя!

Вам читаю я эту книгу, которую вы никогда не прочтете, и вам посвящаю и передаю ее, чтобы вы поняли нас. Белых. Быть может, скоро мы сможем понимать все языки. Габриель, у вас нет рук, которые мы могли бы пожать, позвольте вместо этого дотронуться до вашего лица, изъеденного проказой.

Нам пора, Габриель, пора, больше нет сил.

Пора, потому что невозможно больше смотреть на ваше неподвижное, как у инвалида войны, тело.

Мы знаем, Габриель, что, идя нам навстречу, вы переступили границы дозволенного, и эта книга - весточка любви, которую моя жена посылает вам из будущего.

Габриель Веривери, я не могу даже по-настоящему поблагодарить вас, ведь в вашем языке нет слов благодарности.

Прощайте.

Мы все уедем.

Мы все покинем его.

Так пусто на душе.

Вот и конец. Завтра в 14 часов отправление.

Завтра в 9 часов губернатор произведет досмотр багажа, а многие чилийцы и две сотни рапануйцев будут наблюдать за ним.

Завтра в 10 часов мой друг Монтеро поможет погрузить наш разношерстный багаж.

Завтра в 12 часов мы доедим остатки пищи, которую ели в течение долгих месяцев.

Завтра нам предстоит невыносимые вещи... это глупое состояние любовников на чужой свадьбе.

Но это произойдет уже сегодня.

Бесстрастный губернатор приветствует нас.

Взволнованная толпа смотрит на нас.

Улыбайтесь же, ведь мы, вероятно, будем страдать, а вы не поймете, что это значит для французов.

Последняя шлюпка.

Друзья, чьи имена я не назвал в этой книге, потому что им еще жить на этом острове,

Мучительный подъем якоря,

Печаль,

Двигатель заработал,

Поднять паруса!

Конец.

К вечеру остров растворился в серой окраске моря. И это было так ужасно после всего пережитого великолепия. Двадцать восемь дней в море.

2800 миль до любимого Таити, умирающего, как умирает любовь.

Но я знаю, что у подножия Рано-Рараку статуи, сжавшие губы и смотрящие в небо, уже никогда не заговорят, потому что вы, Габриель Веривери, уже не услышите наш последний призыв.

"Каледоньен", май 1965.
Париж, июль и август 1965

Франсис Мазьер

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСТРОВЕ ПАСХИ

Остров Пасхи расположен на 27°8'24" южной широты и 110°45'50" восточной долготы. Всего 2700 миль отделяют его от Таити и 2600 - от Вальпараисо. На северо-востоке, примерно в 2000 милях от него, расположены Галапагосские острова. К югу - Антарктика. Площадь острова - 118 квадратных километров. Он треугольной формы, и каждая сторона насчитывает соответственно 16, 18 и 24 километра. Хотя здесь дуют ветры Антарктики, климат острова умеренный. Сухой сезон длится с декабря до конца мая, а сезон дождей и холода - с июня до ноября.

Остров вулканического происхождения, и здесь наблюдаются значительные магнитные отклонения.

На острове нет гавани, и стоянка на якоре опасна.

В 1964 году на острове был один маленький аэродром из утрамбованной земли, неподходящий для самолетов дальнего следования. Здесь есть небольшая больница и один радиопередатчик.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Матакитеранги (Мата-ки-те-ранги), согласно некоторым авторам - одно из названий острова Пасхи. В советской и зарубежной научной литературе в настоящее время чаще встречается название Рапа-Нуи.
- (2) Согласно гипотезе, которой придерживался М. Браун, остров Пасхи - это обломок затонувшего континента, населенного некогда народом высокой культуры.
- (3) В районе юго-западной оконечности острова Пасхи, напротив Оронго, находятся три маленьких островка - Моту-Каокао, Моту-Ити и Моту-Нуи, на скалах которых весной гнездятся тысячи птиц. Моту-Нуи был одним из центров религиозной церемонии избрания тангата-ману.
- (4) Патер Себастьян Энглерт, более 30 лет тому назад переселившийся на остров Пасхи, является крупнейшим знатоком истории и этнологии острова, рапануйского языка и фольклора, автором ряда ценных работ.
- (5) И-а-орана-о-е (иорана) - традиционное приветствие полинезийцев.
- (6) Эжен Эйро - миссионер, обративший жителей острова Пасхи в христианство. Первым обнаружив кохау ронго-ронго, он заставил островитян предать огню ценные дощечки, как языческие.
- (7) Остров Пасхи был открыт вечером в пасхальное воскресенье, 6 апреля 1722 года.
- (8) Команда Гонсалеса установила кресты на трех вершинах северного склона Пойке: Маунга-Ваи-Хева, Маунга-Театеа и Маунга-Парехе. Под обращением к королю Испании несколько рапануйцев поставили свои подписи - рисунки, сходные с петроглифами острова Пасхи и некоторыми знаками письма.
- (9) Отчет о пребывании кораблей Гонсалеса у берегов острова Пасхи был составлен, очевидно, офицером фрегата "Санта Росалия" лоцманом Ф.А. де Агуэра-и-Инфансон. В отчет включен составленный им же первый краткий словарь рапануйского языка.
- (10) Так остров был назван Ф. Гонсалесом.
- (11) Именем французского мореплавателя Лаперуза названа бухта на северном побережье острова Пасхи.
- (12) Кораблем "Нева" командовал русский мореплаватель Ю.Ф. Лисянский.
- (13) Кораблем "Рюрик" командовал русский мореплаватель О.Е. Коцебу. На борту корабля находился талантливый русский художник Л. Хорис.
- (14) На борту корвета "Витязь" находился русский ученый и путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай. В Папеете (Таити) Миклухо-Маклай встретился с Жоссаном и получил от него в дар дощечку с письменами. Эта дощечка хранится ныне в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде.
- (15) Речь идет об А. Салмоне, заменившем Дютру-Борнье в Компании Дютру-Борнье-Брандер. С помощью Салмона американский исследователь У. Томсон перевел несколько ранних текстов, записанных им на острове Пасхи.
- (16) Автор имеет в виду капитана Гейзелера и казначея Вейсера.
- (17) У. Томсон вывез на борту корабля "Могикане" статую высотой 1 метр 60 сантиметров, обнаруженную им в Анакене; она находится в Вашингтонском музее.
- (18) Восстание в 1914 году под руководством жрицы Анаты (Ангаты) было направлено против притеснений чилийского представителя на острове Пасхи. Рапануйцы требовали возвращения им земли и скота. В результате столкновения большая часть домашних животных была перебита.
- (19) По мнению К. Раутледж, остров Пасхи первоначально был заселен переселенцами меланезийского происхождения, а полинезийцы прибывают лишь в XIV веке. А. Метро полагал, что первые переселенцы (полинезийцы) появляются в XII веке.
- (20) Легендарный вождь рапануйцев Хоту Матуа прибыл на остров Пасхи в месяце анакена (соответствует июлю или августу григорианского календаря). Согласно ранним фольклорным версиям, Хоту Матуа подошел к Оронго и, обогнув остров с востока, высадился в Хиро-Моко (восточный выступ бухты, названный им Анакена).
- (21) Уоке - один из богов рапануйского пантеона: его атрибутом была палка-корнекопалка, которой он раскачивал землю до тех пор, пока не сломал ее. Остался один остров Пасхи.

- (22) Остров Сала-и-Гомес называется Моту-Моти-Хива (точнее, Мотумо-тере-Хива) - "остров, чтобы плыть на континент". Название это, очевидно, позднего происхождения; "Хива" в данном случае означает "Южная Америка".
- (23) Анализ имен показывает, что разведчики не были братьями и сыновьями Хоту Матуа.
- (24) Рассказ о черепахе появился, вероятно, как воспоминание о возникшем позднее культе полинезийского бога Оро (на островах Таити черепаха является священным животным этого бога).
- (25) Судя по некоторым версиям, разведчики были посланы на остров братом Хоту Матуа. Привезенную с Хивы статую с перламутровым ожерельем они спрятали, возможно, до прибытия своего вождя.
- (26) В одной из версий об этом говорится так: на лодках прибыли люди, куры, кошки, черепахи, собаки, саженцы бананов, растения махуте, хибискус, ти, торомиро, макои, сандал, тыква, ямс, бананы, пукапука, коротеа, хихи, онахоа и паху. Сотни и сотни людей, подданных, прибыли на лодках.
- (27) Ока предназначалась для того, чтобы рыхлить землю, с помощью акауе сажали клубневые растения.
- (28) Манаваи - большая трещина в лаве, где местные жители сажали растения, чтобы предохранить их от резкого ветра.
- (29) Торомиро - *Sophora tetraptera*; хаухау или хау - *Triunfetta semitriloba*; марикуру - *Sapindus saponaria*; наунау - сандаловое дерево (*Santalum*); макои - *Thespesia populnea*; махуте - *Broussanetia papyrifera*.
- (30) Макемаке - верховное божество острова Пасхи, создатель первых живых существ, прародитель рапануйцев. По-видимому, Макемаке - это эпитет общеполинезийского бога Тане.
- (31) Рапануйцы верили в то, что их остров был заселен акауаку, среди которых были божества и полубожества, демоны и духи. Акауаку - существа мужского или женского пола - играли, по их мнению, большую роль в жизни острова Пасхи.
- (32) Рапануйцы готовили ярко-красную краску киеа из растертого красного туфа, пропитанного минеральными солями.
- (33) Легенда о Ранги-Топа приводится впервые.
- (34) Каменные алтари делились на две группы: ахумоаи (со статуями наверху) и аху - без статуй. Аху второй группы могли быть полу-пирамидальными, прямоугольными и в виде перевернутой лодки (попое).
- (35) Три наиболее величественных аху из тех, на которых некогда стояли каменные статуи моаи.
- (36) В 1948 году Энглерт высказал мысль, что Аху-Винапу, по своей кладке весьма сходное с перуанскими постройками, было возведено, очевидно, ханау еепе. Согласно одной из легендарных версий, здесь жили ханау еепе. Участники норвежской археологической экспедиции отнесли начало строительства этого аху к 852 году \pm 100 лет. Перуанское влияние (в результате контактов) на строительство аху в это время вполне возможно.
- (37) Об установлении контактов между Восточной Полинезией и островом Пасхи в рапануйских легендах сведений нет.
- (38) Куихи, Куиха - имена двух акауаку.
- (39) Судя по сообщениям большинства авторов, население острова делилось на 10 мата (условно переводится "племя"). Союз мата, занимавший запад и северо-запад острова, носил название "туу", союз юго-восточных мата - "хоту-ити".
- (40) Согласно отрывку из записи Томсона (Мазьером он процитирован не полностью), Тики считается мифическим предком арики острова Пасхи: "Тики господин, соединившись с Руруа Тики-те-Хату, произвел "Ририкатеа". Рири-ка-Атеа, по одной из версий, является отцом Хоту Матуа.
- (41) Имеется в виду, вероятно, наскальное изображение, обнаруженное Томсоном.
- (42) В полинезийской мифологии бог Хиро - бог тьмы, покровитель воров, а также известный путешественник. На острове Пасхи он стал богом дождя.
- (43) Правильнее Рараиа Хоа (или Рараи Хоа); упоминается в версиях мифа о Макемаке.
- (44) Легенды, приводимые Мазьером, представляют собой поздние версии, созданные под влиянием библейских сказаний.
- (45) "Репа" - по-рапануйски означает "парень", "молодой человек", "уха" - "девушка", "молодая женщина".
- (46) Манутара - птица из семейства крачек (*Sterna lunata*, *Sterna fuscata*).
- (47) Тангата-ману был, видимо, представителем Макемаке на земле. Имя "тангата-ману" и один из эпитетов Макемаке - "на-ману-тара" - восходят, видимо, к одному имени: "тангата на ману тара", что в переводе означает "хозяин птиц".
- (48) Археологи (например Саге) считают, что изображение Макемаке на скалах Оронго сходно с наскальным изображением бога Тики на Маркизских островах.
- (49) Известные нам археологические данные приводят к мысли о том, что список тангата ману, составленный Раутледж, был, вероятно, неполным.
- (50) "Атуа" - по-рапануйски означает "бог", "божество", "господин".
- (51) Точнее, "уму такапу моа кокома" - "праздничная печь с куриными потрохами". Полинезийцы готовили пищу, завернутую в банановые листья, в земляной печи на раскаленных камнях; сверху клали слой дерна.
- (52) Достигнув совершеннолетия (13-15 лет), юный рапануец получал новое имя - имя взрослого.
- (53) "Бае" - по-рапануйски означает "нога".
- (54) Именно эта тетрадь была, очевидно, опубликована в 1965 году Т. Хейердалом в трудах норвежской археологической экспедиции. На одной из страниц рукописи стоит имя информатора Раутледж - Томеника.

-
- (55) По мнению А. Метро, эта легенда не является доказательством того, что на острове Пасхи существовало два разных народа.
 - (56) Ф. Гонсалес, побывавший на острове Пасхи в 1770 году, не видел там поваленных статуй. Война произошла, очевидно, в период между 1770 и 1774 годами.
 - (57) По мнению археологов норвежской экспедиции, во рву горел костер, в пламени которого сгорели хану еепе.
 - (58) Археологи экспедиции Хейердала обнаружили на Оронго древнюю обсерваторию рапануйцев. Система углублений служила, по их мнению, для определения момента зимнего и летнего солнцестояний и точек весеннего и осеннего равноденствий.
 - (59) Метро полагает, что в первой трети XIX столетия на острове Пасхи насчитывалось 3-4 тысячи жителей.
 - (60) Советские ученые (Д.А. Ольдерогге, Ю.В. Кнорозов, Н.А. Бутинов) считают, что рапануйское письмо является иероглифическим, сходным по своему типу с древнеегипетской иероглификой на ранних этапах ее развития.
 - (61) Епископ Таити Т. Жоссан первым (в 1868 году) заинтересовался дощечками кохау ронго-ронго, положив тем самым начало изучению письма рапануйцев.
 - (62) Информатор Жоссана, рапануец по имени Меторо, не был знатоком письма, он прошел, видимо, начальный курс обучения в рапануйской школе и мог лишь рассказать, что изображает тот или иной знак. На основе "чтений" Меторо был составлен каталог знаков.
 - (63) Данных, говорящих о том, что на острове Пасхи было три разновидности письма, нет. Нам известно около 20 текстов, записанных иероглифами, и два-три так называемых курсивных текста (в том числе текст, написанный дрожащей рукой Томеники за несколько дней до его смерти).
 - (64) Венгерский лингвист Хевеши в 1932 году указал на возможное сходство между рапануйскими знаками и знаками на древнеиндийских печатях III-II тыс. до н.э., найденных в долине Инда. Формальное сходство, несомненно, есть, но анализ памятников показал, что языки рапануйских и древнеиндийских текстов различны. Следовательно, нельзя говорить о родстве жителей острова Пасхи с обитателями древнеиндийских городов Мохенджо-Даро и Хараппы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Франсиса Мазьера "Загадочный остров Пасхи" была опубликована в Париже в конце 1965 г. Автор этой книги был известен и ранее своими этнографическими и археологическими исследованиями в Конго, Гвиане, на Подветренных островах.

В 1962 г. он возглавил экспедицию на остров Пасхи, которая была организована при непосредственном участии Международной научной федерации, Королевского Музея естественных наук Бельгии и др. Книга Мазьера, написанная им по возвращении, представляет собой поэтический дневник того, что участники экспедиции увидели на Рапа-Нуи, этом маленьком, затерянном среди безбрежных вод океана островке.

Рядом с несколькими сотнями работ, посвященных истории, этнографии и фольклору острова Пасхи, появилась еще одна книга, но многие тайны рапануйцев по-прежнему скрыты от исследователей. Кто возводил каменные алтари на острове Пасхи, кто был создателем колоссальных статуй на склоне вулкана Рано-Параку, как читали тексты, записанные на дощечках кохау ронго-ронго? Эти и многие другие вопросы продолжают волновать исследователей культуры, истории, быта острова Пасхи.

Зарубежные ученые выдвигали разные гипотезы происхождения рапануйцев и полинезийцев в целом. В последнее время наибольшее распространение имеют две из них: гипотеза американского происхождения полинезийцев и полинезийской культуры и гипотеза заселения островов Полинезии с запада (из Юго-Восточной Азии).

Норвежский путешественник и ученый Т. Хейердал, приложивший немало усилий для того, чтобы подтвердить американскую гипотезу, доказывает в своих работах, что Полинезия была заселена двумя миграционными волнами. Первые переселенцы, по его мнению, прибыли с южноамериканского побережья Тихого океана (территория современного Перу). Переселенцам андского происхождения Полинезия (главным образом ее восточные окраины) и обязана появлением мегалитических построек, каменных статуй, иероглифического письма, некоторых южноамериканских растений (в частности, батата). Вторая волна переселенцев пришла в начале нашего тысячелетия с северо-западного побережья Северной Америки. Восточно-азиатские народы, двинувшиеся на восток, были отнесены течением сначала к американскому берегу, а затем уже достигли Полинезии в районе Гавайских островов. Хейердал считает, что можно рассматривать племена Северо-Запада Америки как своеобразное звено, связующее индонезийцев и полинезийцев.

Результаты археологических раскопок, проведенных в последние годы в Полинезии, а также антропологические, серологические (показатели исследований крови), этнографические и лингвистические данные, по нашему мнению, говорят о том, что полинезийцы двигались не из Америки, а с запада. Да, на восток, наперекор всем ветрам и течениям, предки полинезийцев прошли через острова архипелага Фиджи (до или после появления там меланезийцев и меланезийской культуры), а затем заселили запад Полинезии (Самоа, Тонга). Около 200 г. до н.э. выходцы из Самоа и Тонга появились на Маркизских островах, которые рассматриваются сейчас археологами как самый древний центр распространения полинезийской культуры в Восточной Полинезии. Затем переселенцы с Маркизских островов заселили острова Таити (около 100 г. н.э.), остров Пасхи (в IV-V вв. н.э.) и Гавайские острова (в VIII в. н.э.). Позднее, уже с островов Таити, одна миграционная волна достигла Новой Зеландии (в X в. н.э.), а другая - Гавайских островов (в XIII в. н.э.). Такая схема путей заселения Полинезии объясняет, в частности, особенности культуры гавайцев, сходной как с таитянской культурой, так и с культурой Маркизских островов.

Среди советских ученых имеются сторонники и той, и другой гипотез. Нам же представляется, что культура острова Пасхи носит полинезийский характер, хотя однородной она не была. Археологический материал свидетельствует о том, что культура первых полинезийцев, открывших этот островок и приспособившихся к жизни в новых, более трудных условиях, складывалась под влиянием полинезийцев, прибывших на остров позднее. Что касается американских элементов в культуре острова Пасхи, то они могли проникнуть, как считают археологи, с других островов Восточной Полинезии (например, с Маркизских островов).

Со времени открытия острова Пасхи в 1722 г. там побывали четыре научные экспедиции.

В 1914-1915 гг. на острове Пасхи работала экспедиция английской исследовательницы К. Раутледж, которая особое внимание уделила изучению аху и каменных статуй. Раутледж собрала также ценные материалы, относящиеся к культу птиц и выборам тангата-ману. Со слов рапануйцев она записала ряд легендарных версий. В 1934-1935 гг. на острове работала франко-бельгийская экспедиция, в составе которой был известный французский ученый А. Метро. Экспедиция провела серьезные археологические и этнографические исследования. На основе полевых материалов, а также ранних источников Метро издал в 1940 г. книгу "Этнология острова Пасхи", которая остается до сих пор одним из лучших исследований, посвященных проблемам данного региона. В работе приводятся очень ценные сведения по истории заселения острова, материальной культуре, искусству, языку рапануйцев и их социальной организации до появления европейцев. В 1955-1956 гг. в Восточной Полинезии вела раскопки норвежская археологическая экспедиция во главе с Т. Хейердалом. В результате раскопок были получены новые интересные материалы по археологии, ранней истории острова и культуре рапануйцев. В 1961 и 1965 гг. были опубликованы два тома трудов этой экспедиции; в настоящее время Хейердал работает над последним, третьим томом.

Норвежская археологическая экспедиция, исследовавшая археологические находки с помощью радиоуглеродного анализа, делит историю острова Пасхи на три периода.

Ранний период истории (400-1100 г. н.э.) Хейердал и другие члены экспедиции связывают с проникновением первой миграционной волны в Полинезию, т.е. переселенцев из Южной Америки. Для этого периода характерны прямоугольные каменные платформы - алтари хорошей кладки, обращенные в сторону моря и солнца в моменты солнцестояний и равноденствия. Статуи этого периода были небольшими по размеру и без красных цилиндров пу-

као на голове. По мнению археологов экспедиции, Оронго (на юго-западе острова), церемониальные постройки которого относятся тоже к этому периоду заселения, было древней обсерваторией рапануйцев.

Полинезийцы появляются на острове Пасхи во втором историческом периоде - лишь спустя несколько столетий (в X-XI вв.). Аху, возведенные новыми переселенцами, были обращены в сторону внутренних областей острова. Полинезийцы уделяли мало внимания качеству кладки, зато основные их усилия были направлены на изготовление каменных статуй, которые устанавливались на платформах аху.

Третий период (1680-1868 гг.) истории острова Пасхи начинается войной, вспыхнувшей в результате вражды между разными группами переселенцев. Потомки древних перуанцев (легендарные ханау еепе) погибли в неравной борьбе с полинезийцами (ханау момоко). Это период упадка и разрушения.

Последней по счету экспедицией, посетившей остров Пасхи, была экспедиция Ф. Мазьера (1962-1964 гг.).

В течение нескольких месяцев участники экспедиции Мазьера вели раскопки в разных районах острова Пасхи (на Оронго, Рано-Параку, на плато Пойке).

Они не прекращали своей работы и в наиболее трудное время года, несмотря на холод и проливные дожди, которые длятся здесь с июля по ноябрь. Основываясь на результатах раскопок и на тех материалах, которые были получены во время встреч с жителями острова, Мазьер воссоздает яркую картину прошлого рапануйцев. Вместе с Франсисом Мазьером, страстно любившим своих друзей рапануйцев, читатель мысленно проходит по рапануйской деревне, знакомясь с бытом ее обитателей, вместе с ними строит дом-лодку, выходит на побережье, чтобы принять участие в рыбной ловле или помочь женщинам собирать водоросли и моллюсков...

Насколько правильны все выводы экспедиции Мазьера, верно ли трактуются им археологические находки, сказать пока трудно, так как в научно-популярной книге нет возможности подробно излагать результаты научных изысканий.

Отправляясь на остров Пасхи, Мазьер не объявлял себя сторонником той или иной из существующих гипотез заселения Полинезии. Он упорно собирал факты (порой разноречивые), которые помогли бы ему решить сложную проблему происхождения рапануйцев. На основе своих находок и открытий Мазьер излагает историю острова Пасхи так (провести радиоуглеродный анализ экспедиции, к сожалению, не удалось).

На острове Пасхи, по мнению автора, можно найти следы древнейшего народа, который обладал "какими-то высшими знаниями совсем другого мира". К IV веку остров был заселен людьми с полинезийских архипелагов. Затем, в XII-XIII вв., острова Пасхи достигли еще две полинезийские миграции (через Маркизские острова, архипелаги Туамоту и Гамбье). Это были переселения Хоту Матуа и Ануа Мотуа.

Раскопки экспедиции на склоне вулкана Рано-Параку подтверждают, как считает Мазьер, гипотезу Хейердала о смене трех периодов в истории острова Пасхи, что было подробно освещено в работах норвежско-американской археологической экспедиции. Экспедиции удалось найти много неизвестных ранее статуй, описание которых приводится в книге. В одном месте, на склоне вулкана, была обнаружена своеобразная стена из каменных статуй, датируемых разным временем. "Стена моаи" убедила Мазьера в том, что остров Пасхи был заселен двумя волнами переселенцев; первая миграция принесла с собой искусство создания каменных колоссов; переселенцы второй волны стали возводить алтари аху и водружать на них статуи. За этими двумя периодами следовал третий - период разрушения той культуры, которая была создана ранее.

В отличие от Хейердала Мазьер отмечает, однако, что и ханау момоко, и ханау еепе были полинезийцами. Некрополь Рано-Параку был создан, по его мнению, ханау еепе, которые в течение 350 лет трудились совместно с потомками Хоту Матуа. Люди же, построившие Аху-Винапу (VIII-X вв. н.э., по датировке норвежской археологической экспедиции) и создавшие статуи первого периода, могли быть иного происхождения и прибыть из других мест. Вполне возможно, считает Мазьер, что первые переселенцы родственны создателям до-инкской культуры в Южной Америке.

Колонопреклоненная статуя, обнаруженная норвежской археологической экспедицией, является, по мнению Мазьера, одной из самых интересных находок: открытие ее поставило под сомнение существующие теории заселения острова Пасхи. Для того, кто знаком со стилем полинезийской скульптуры, отмечает Мазьер, вполне ясно, что статуя бородатого человека не может быть полинезийского происхождения. Как и Хейердал, Мазьер полагает, что она создана переселенцами из Америки доколумбова времени. Члены экспедиции Мазьера были поражены сходством этой скульптуры с одной из статуй бога у ольмеков. За две недели до своего отъезда, когда предпринять раскопки в новых районах было уже невозможно, Мазьер узнал о том, что земля острова Пасхи скрывает и другие статуи, выполненные примерно в том же стиле. Для исследователей, которые побывают когда-нибудь на острове Пасхи и будут вести там раскопки, Мазьер приводит примерные координаты двух засыпанных землей статуй на склоне Рано-Параку: "Они находятся недалеко от моаи с изображением лодки на груди и левее от опрокинутой статуи".

Очень интересно приводимое Мазьером новое толкование тех непонятных рисунков, которые высечены на спинах каменных великанов. По мнению Метро, эти знаки (кружок, три волнистые линии и знак, похожий на букву М), расположенные один под другим, изображают пояс, который некогда носили полинезийцы. Мазьер же, ссылаясь на одного из своих информаторов, отмечает, что эти знаки можно считать символическим изображением Солнца, Луны и Грома.

Изучая статуи, Мазьер обратил внимание на одну весьма любопытную деталь: взоры у каменных гигантов устремлены в разные стороны. Старик Веривери сообщил, что статуи вулкана Рано-Параку обращены к той части света, над которой они имеют власть и за которую несут ответственность.

До сих пор остается загадкой, как рапануйцы перевозили каменные колоссы, тем более что некоторые из них достигали высоты пяти-семиэтажного дома. Мазьер не согласен с Хейердалом, по мнению которого спуск статуй

из каменоломни и установка их были делом сравнительно нетрудным. Ведь моаи, поднятый во время норвежской экспедиции при помощи бревен и камней, был небольших размеров. С особым интересом поэтому читаешь в книге об открытии Мазьером на склоне Рано-Параку сложной системы блоков, с помощью которых рапануйцы могли спускаться готовые статуи.

Эксперимент Хейердала заслуживает тем не менее внимания.

Раскопки были проведены и на полуострове Пойке, на глубине 5 метров, чтобы проверить правильность версий легенды о том, как хануа момоко загнали в ров и сожгли там своих врагов хануа еепе. Обнаружить здесь следы костра и человеческие кости не удалось: во рву нашли лишь обугленные корневища трав, а также красноватую землю, описанную Хейердалом. В естественной расщелине у подножия Пойке в течение веков скапливался, как считает Мазьер, благодаря ливням пепел сгоревших трав, листьев, сухих веток. Быть может, с большим доверием нужно относиться не к известным ранее версиям легенды, а к словам информатора Мазьера: "Там их (хануа еепе - И.Ф.) перебили и изжарили в печи, называемой "ко-те-уму-о-те-хануа-еепе". Их земля была сожжена, а сами они съедены". Ров же, как думают некоторые исследователи, предназначался для разведения ямса и других культурных растений.

Вслед за Раутледж, Метро и Энглертом Мазьер подробно описывает, как проходили празднества, связанные с прилетом и гнездованием птиц: некоторые рапануйцы помнят еще рассказы стариков о ежегодных выборах человека-птицы. Автор ошибается, однако, полагая, что культ птиц возник уже после открытия острова Пасхи европейцами. Изображения фантастических человекоподобных существ с птичьей головой, так называемые тангата-ману, сосредоточены главным образом в восточной части Оронго. По мнению некоторых ученых, эти петроглифы старше каменных построек, которые датируются примерно XVI веком (данные норвежско-американской археологической экспедиции).

Можно предполагать, следовательно, что культ птиц возник не в XVIII в., а несколькими столетиями раньше.

Экспедиции Мазьера посчастливилось познакомиться с "подземным царством" рапануйцев, с семейными пещерами-тайниками, которых на острове тысячи. При раскопках в одном из тайников (в своеобразной пещере-больнице) была найдена очень интересная базальтовая женская фигурка (к сожалению, без головы), которая заставила Мазьера учитывать не только полинезийскую струю в заселении острова.

Представление о находках экспедиции Мазьера можно составить по фотографиям, приводимым в книге. Остров Пасхи является ныне своеобразным этнографо-археологическим заповедником. Все памятники имеют свой номер, археологические находки остаются на земле рапануйцев.

Участникам экспедиции удалось послушать рассказы старого Габриеля Веривери (одного из информаторов Энглерта), последнего представителя того поколения рапануйцев, которое помнило еще легендарное наследие своего народа. Жена автора книги, таитянка Тила Мазьер, записала со слов Веривери новые версии рапануйских мифов и легенд (мифы о сотворении мира и человека, легенды об Увоке и о заселении острова, о разведчиках, посланных Хоту Матуа). К сожалению, многие из приводимых версий созданы сравнительно недавно под влиянием библейских легенд.

Незадолго до своего отъезда с острова Пасхи Мазьер получил в дар от рапануйцев тетрадь с записью фольклорных текстов и прорисовкой рапануйских знаков, сделанных рукой одного из местных жителей.

Мазьер считает, что иероглифы в этой тетради записаны рукой Томеники (христианское имя последнего маори ронго-ронго Вака Туку Онге, умершего в 1914 г. в лепрозории). Томеника был информатором Раутледж. По двум страницам рукописи, фотографии которых приводятся в книге Мазьера, трудно, конечно, судить о ее ценности. Но Мазьер ошибается, считая, что данная тетрадь поможет перевести непонятные пока иероглифические тексты: тетрадь представляет собой, видимо, копию с каталога знаков, составленного в конце прошлого века Т. Жоссаном и хорошо известного исследователям. Несмотря на свою научную значимость, каталог Жоссана не является ключом к тайнам кохау ронго-ронго.

Приводимые страницы тетради полностью совпадают со страницами рукописи Э. Атана, которая была обнаружена Хейердалом и опубликована им в трудах норвежско-американской экспедиции. В 1956 г. Хейердал сделал фотокопию с рукописи, которая принадлежала Эстевану Атану Пакомио. Судя по словам владельца, тетрадь эта была написана его дедом и переведена им же, но с помощью рапануйцев, вернувшихся из Чили.

Эстеван Атан, унаследовавший эту тетрадь от своего отца, долго хранил ее. В 1956 г. он, покинув остров Пасхи, погиб в водах океана. В течение ряда лет считалось, что с ним погибла и ценная рукопись, которую он, по словам его вдовы, взял с собой. Но рукопись, считавшаяся утраченной, оставалась на земле острова Пасхи и была подарена рапануйцами Мазьеру в знак особого уважения к белому человеку, который сумел проникнуться такой любовью к ним и их родине. Эстеван Атан, судя по генеалогиям, был племянником Томеники; дед же его был не только младшим современником Томеники, но, вероятно, и одним из его учеников. Этим и объясняется появление на страницах рукописи имени этого маори ронго-ронго.

За время своего пребывания на острове Пасхи Мазьер очень сдружился с рапануйцами, к которым относился как к равным. Он снискал их доверие и любовь. В своей книге Мазьер воссоздает не только картины прошлого этого удивительного острова, но приводит и много новых сведений о жизни современных рапануйцев.

Потомки создателей самобытной культуры, резчиков моаи, по-прежнему поражающих чужеземцев своим величием. Жители острова Пасхи, пишет Мазьер, живут ныне в деревне Ханга-Роа, которая представляет собой полинезийский тип резерваций. Выйти из Ханга-Роа рапануец может, лишь получив специальный пропуск.

До недавнего времени остров Пасхи был в ведении военно-морских сил республики Чили; здесь была чилийская военно-морская база, овцеводческое хозяйство под контролем военно-морского флота. Но в 1965 г. остров

Пасхи стал муниципальной территорией столицы республики Сантьяго, и чилийские власти пытаются облегчить условия жизни островитян.

Вся книга Мазьера проникнута антирасистским духом, любовью, уважением к несчастным рапануйцам, людям иной расы, которые создали этот оазис культуры среди океана.

В заключение приходится отметить, что автор книги, к сожалению, обошел молчанием тот огромный вклад, который внес в изучение острова Пасхи Себастьян Энглерт, более 30 лет проживший среди рапануйцев, человек, приложивший много усилий к тому, чтобы познакомить цивилизованный мир с достижениями рапануйской культуры.

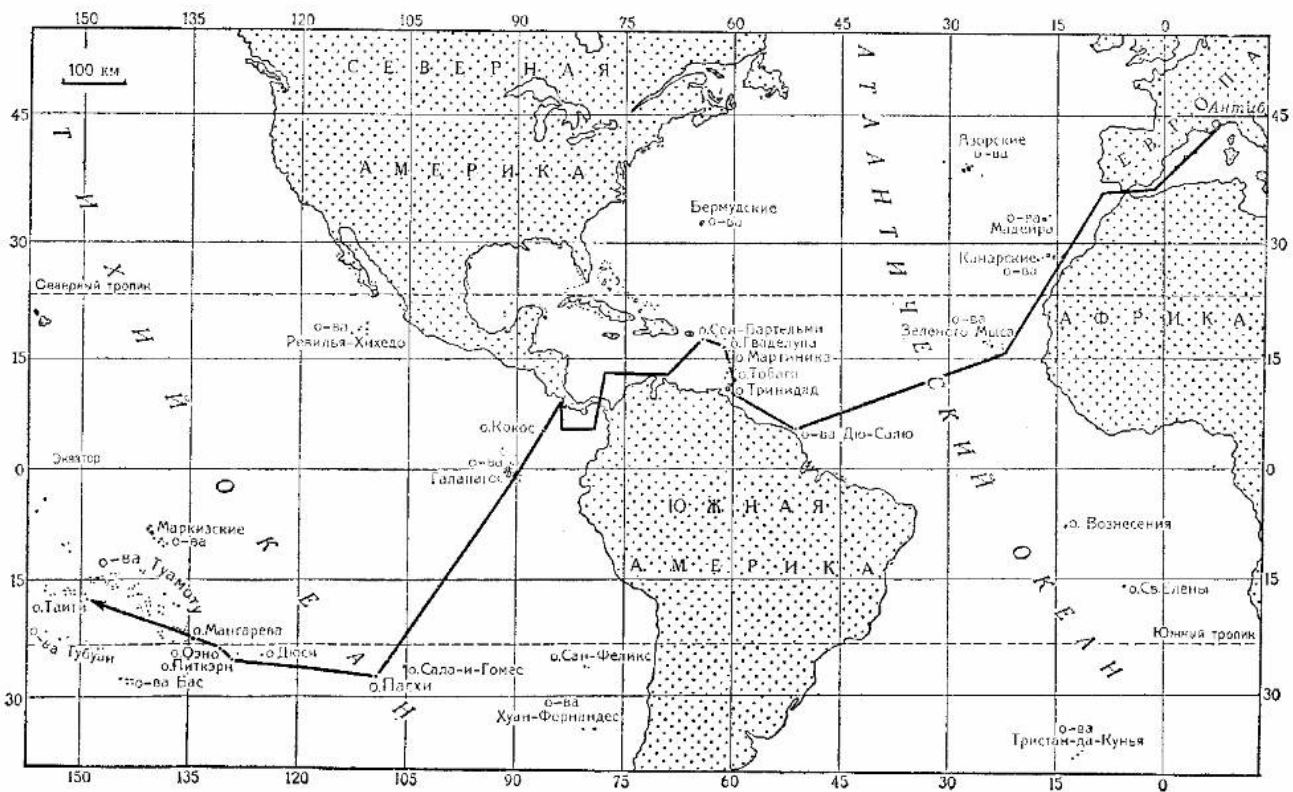
И.К. Федорова

Франсис Мазьер

После этнологических исследований в Конго, Гвиане (экспедиция Тумук-Хумак), на Навстрельных островах, в южной части Тихого океана в 1962 году Франсис Мазьер вместе со своей женой Тилой отправился на остров Пасхи. Уже само путешествие на девятнадцатиметровой шхуне было настоящим приключением: сто пятьдесят дней провели они в борьбе с океаном и одиночеством.

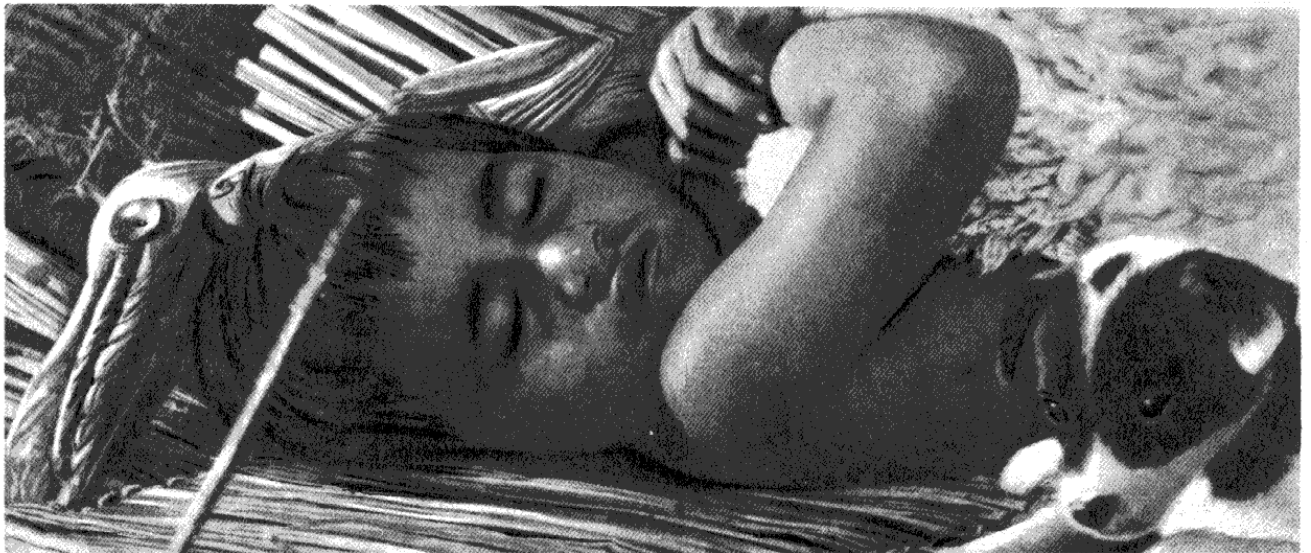
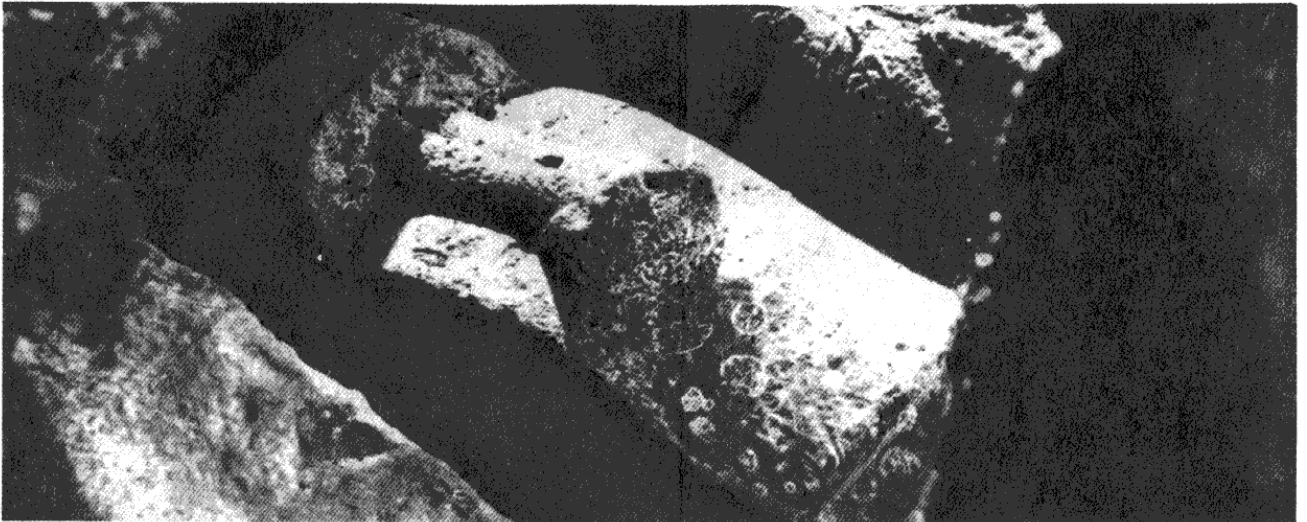
Их ждал затерянный в необъятных просторах Тихого океана, обращенный лицом к великому безмолвию Антарктики остров Пасхи, где глаза каменных великанов смотрят на звезды.

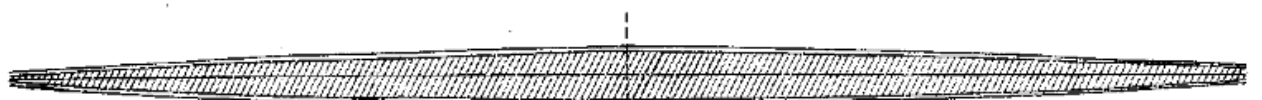
Карта маршрута экспедиции

Повсюду на склонах вулкана Рано-Рараку можно видеть застывшие лица великанов, вечно созерцающих небо

Ребенок, спящий на циновке из тоторы

Наркас Большой хижины

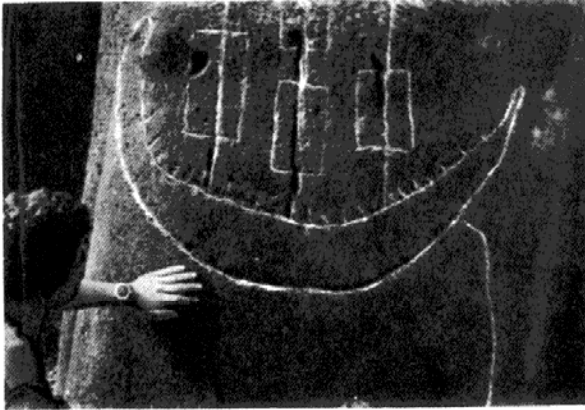

План Большой хижины

Чертеж дома-лодки (около сорока метров длиной). Широкое основание из обработанных камней с просверленными отверстиями, в которые вставляли легкий остов из стволов сахарного тростника как ти. Крышу делали из камышовых (из тоторы) циновок, покрытых сверху травой. Форма и размеры этих домов позволяли им противостоять сильным шквальным ветрам, характерным для здешнего климата

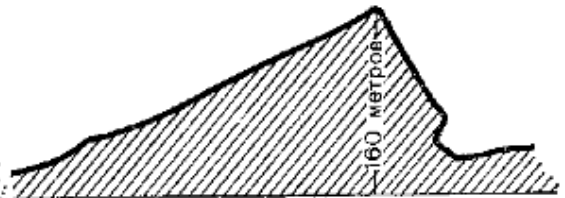
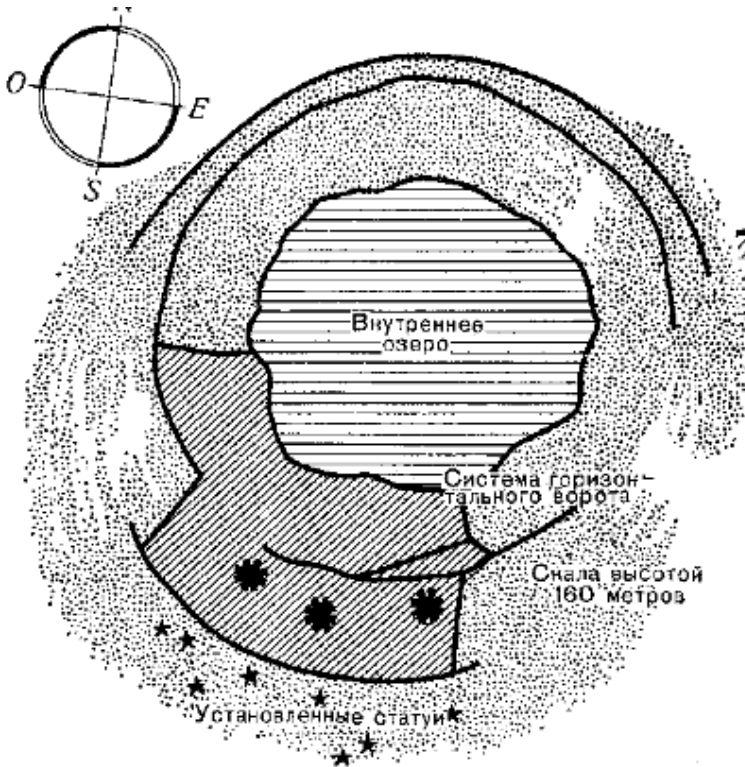
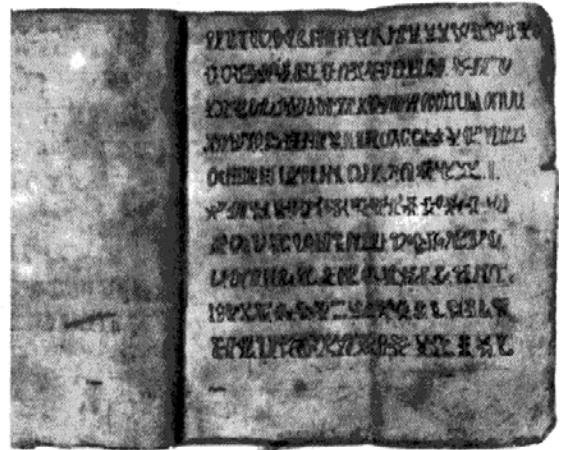
Рисунок, высеченный на торсе одного великана с Рапо-Рараку. Содержание его толковалось учеными как изображение первобытной лодки. В действительности рисунок был сделан после прихода первых европейских кораблей на остров Пасхи

Сжатый рот этого каменного человека, засыпанного землей, обведенного ветром, кажется, хочет навсегда скрыть от нас тайны другого мира

Уникальный документ, в котором дается перевод на рапануйский язык знаменитых идеограмм острова Пасхи

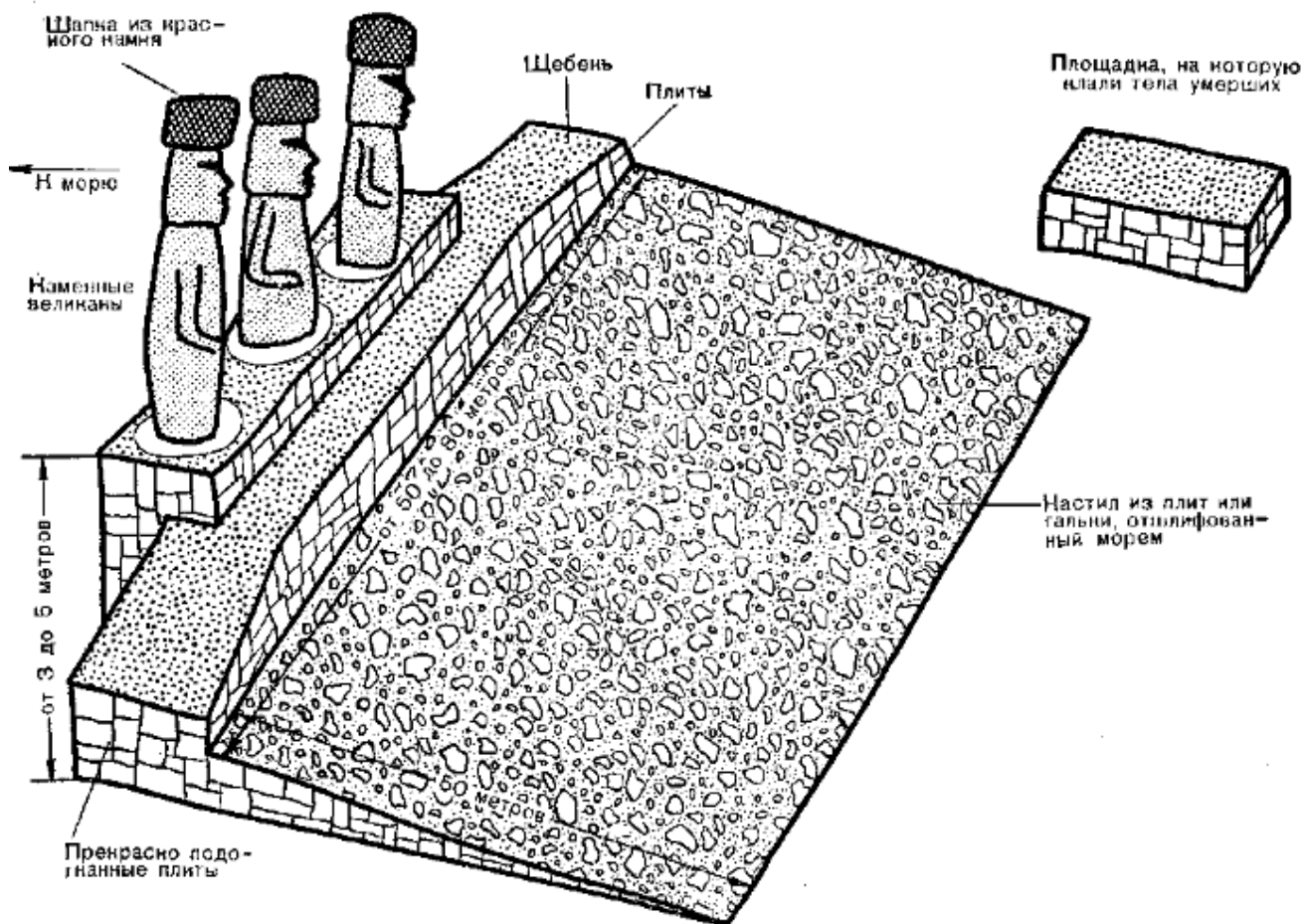
Этот необыкновенный список был составлен и переведен на древний рапануйский язык последним ученым острова, умершим в 1914 году

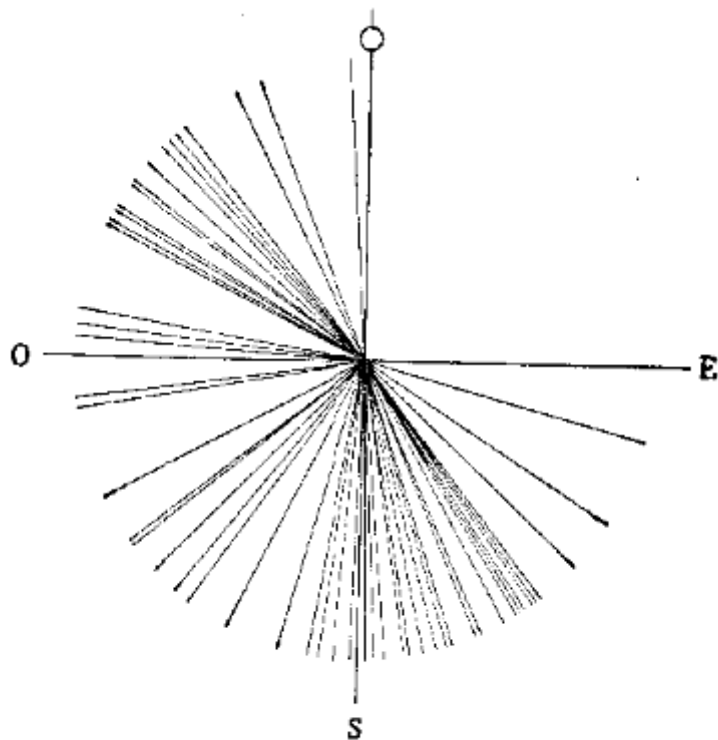
 Мастерская, где делали статуи

 Раскопки, произведенные экспедицией

Общий вид карьера вулкана Рапо-Рараку с находящимися там мастерскими

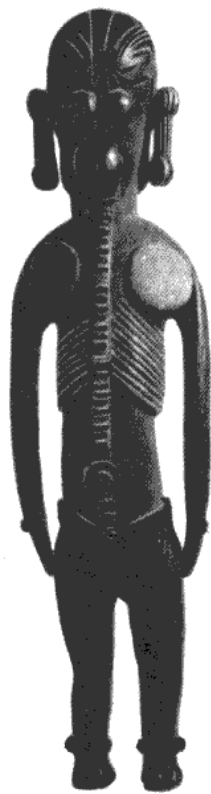
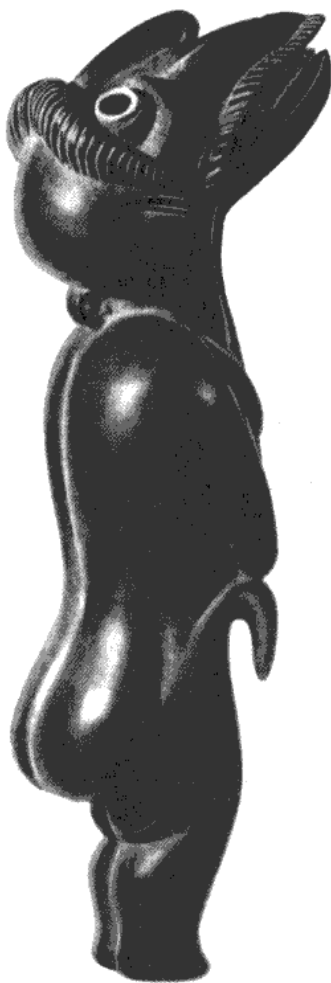
План Аху-хоай — каменной платформы с установленными на ней гигантскими статуями

Схема, отражающая направление взглядов статуй, установленных на скале Раю-Рараку.

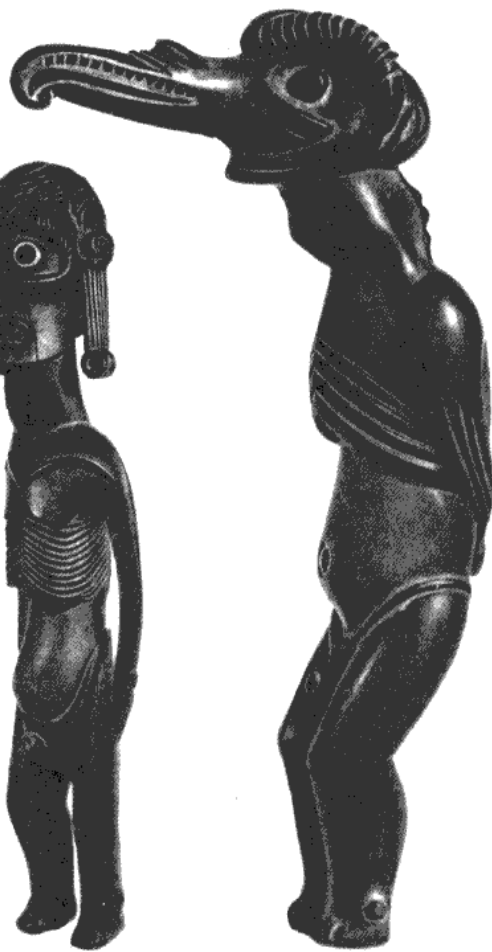
Тангата-ика — человек-тюлень. Это одна из редчайших скульптур на острове Пасхи (высота 32 сантиметра)

Моаи-кавакава, вид сзади. Следует обратить внимание не только на весьма странное изображение позвоночника, но и на его аномалии

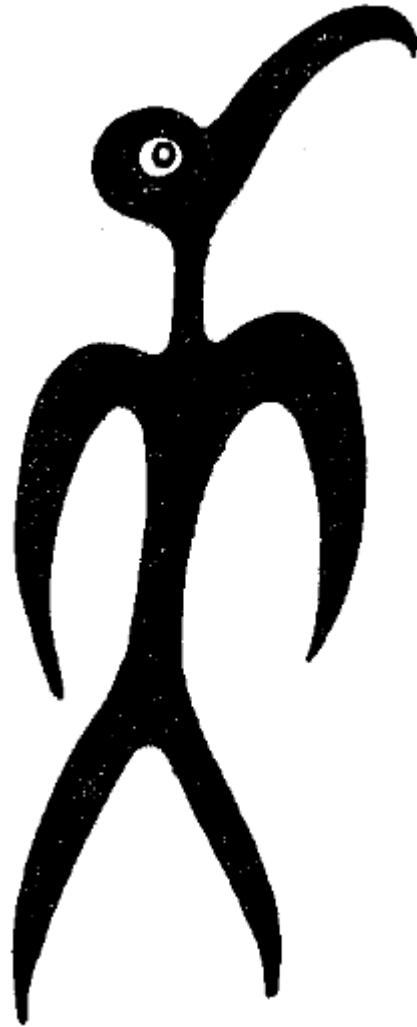
Моаи-кавакава, вид спереди. В манере его изображения нет ничего полинезийского (высота 51 сантиметр)

Человек-птица (высота 24 сантиметра). Это очень редкая скульптура из торомиро

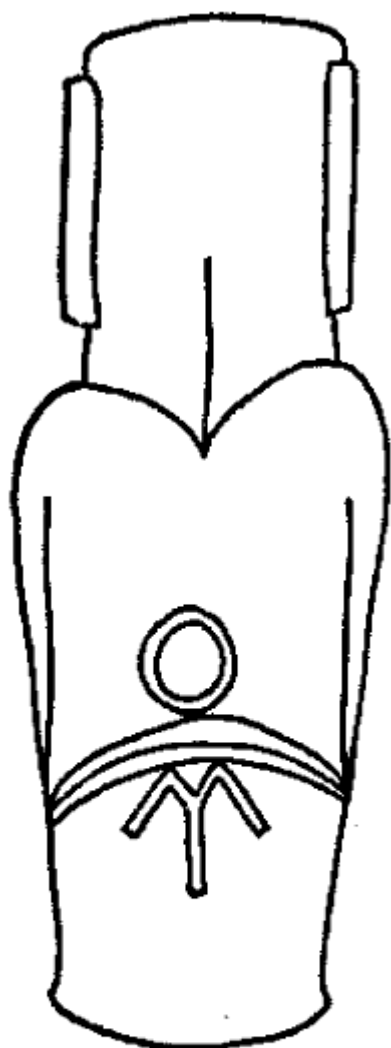

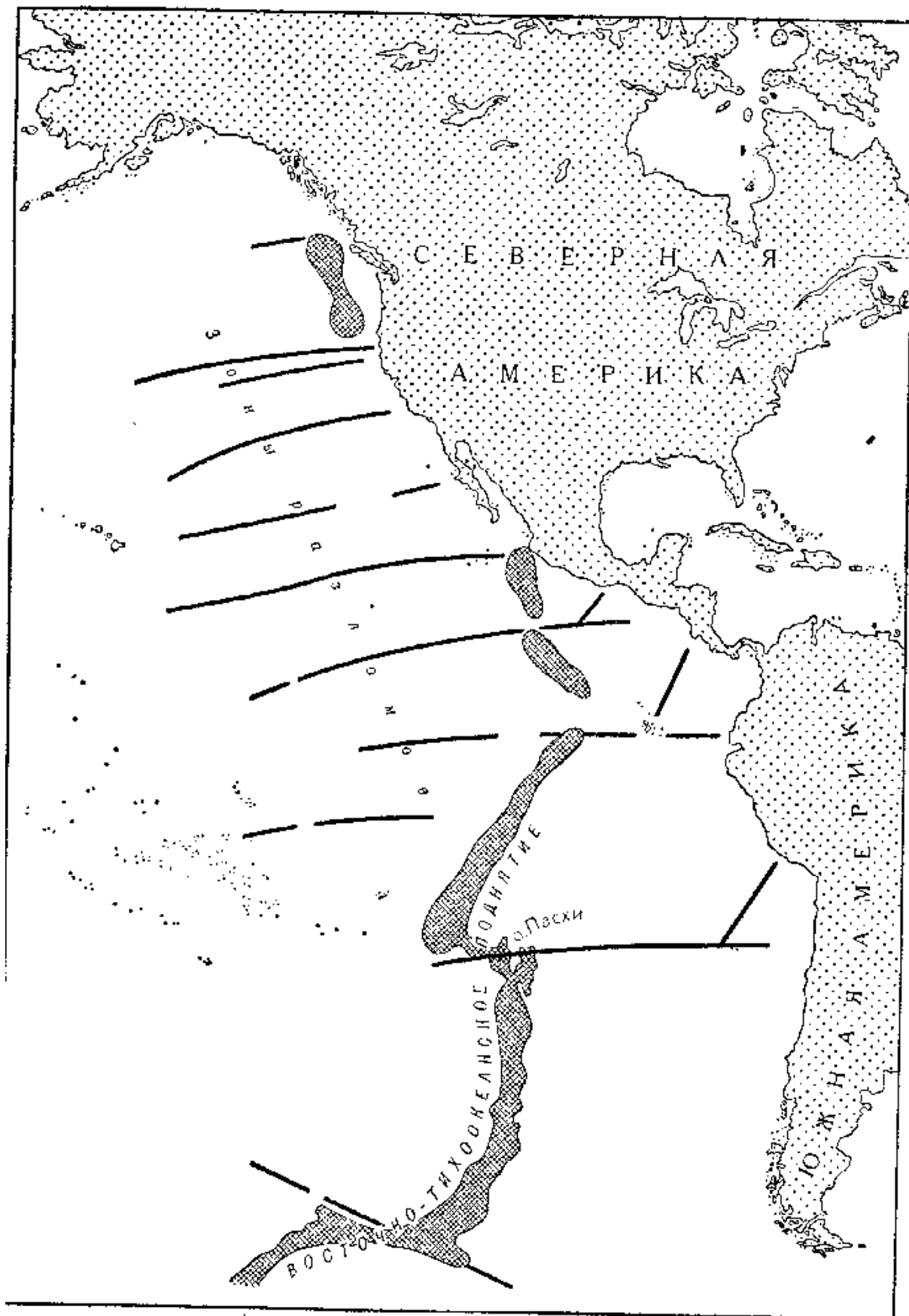
Изображение бога Манемане

Изображение тангата-ману

Символы, высеченные
на спине статуи
первого периода.
З предании говорится
что это элементы
жизни

Тектоническая схема
восточной части Тихого океана

Эти статуи, самые древние и наиболее типичные, достигают двадцати метров в высоту

Основание дома-лодки, находившейся у подножия вулкана Рано-Параку. Кроме камней основания видна также площадка из плит, на которой островитяне работали и отдыхали

Веками неподвижные великаны следят за выполнением обета молчания,
наложенного на остров. Они навсегда останутся олицетворением
Другого Знания

